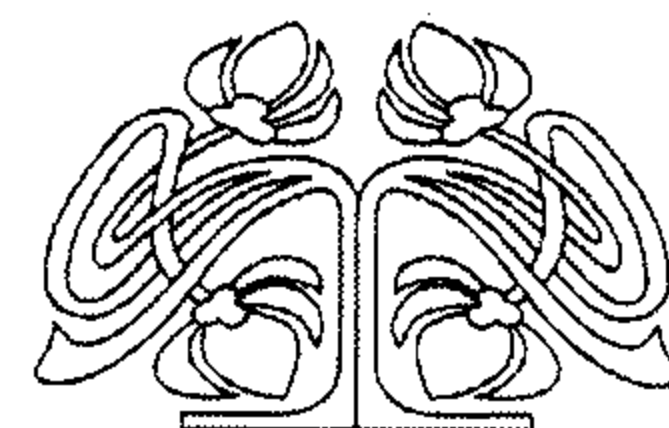


САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия



Научный журнал
2007 Том 7

Серия Филология. Журналистика, выпуск 1

Издается с 2001 года

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1901–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923 – 1962

СОДЕРЖАНИЕ

Сиротинина О.Б. Год русского языка и задачи СГУ	3
Научный отдел	
Лингвистика	
Балашова Л.В. «Традиционность» современной русской языковой картины мира (на материале новых метафорических номинаций)	8
Кормилицына М.А. Возможности русского языка и их использование в современной прессе	14
Милёхина Т.А. Речевая культура и возможность тестирования ее уровня	20
Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Динамика языкового сознания современной молодежи по данным «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области»	24
Крючкова О.Ю. Электронный корпус русской диалектной речи и принципы его разметки	30
Литературоведение	
Новикова Н.В. Грани языковой личности критика (на материале выступлений Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»)	35
Кабанова И.В. Познание гламура дискурсом: язык в романе В. Пелевина «Empire V»	41
Журналистика: история, теория, практика	
Прозоров В.В., Елина Е.Г. Филология и журналистика: степень родства	51
Университетская летопись	
Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Саратовская лингвистическая школа «Изучение функционирования русского языка»	57
Дементьев В.В. Из истории саратовской школы изучения речевых жанров	67
Критика и библиография	
Представляем книгу	
Шаховский В.И., Ионова С.В. Рецензия на книгу	77
Новые издания факультета филологии и журналистики	83
Приложения	
Хроника	84

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора
Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь
Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии
Аврус Анатолий Ильич
Белов Владимир Николаевич
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Зимняков Дмитрий Александрович
Кабанин Вячеслав Кузьмич
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Мирзеханов Велихан Салманханович
Монахов Сергей Юрьевич
Первушов Евгений Михайлович
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Смирнов Анатолий Константинович
Сперанский Дмитрий Васильевич
Федотова Ольга Васильевна
Худяков Глеб Иванович
Чумаченко Алексей Николаевич
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

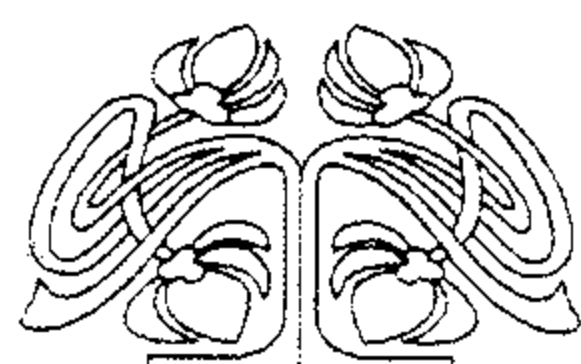
Главный редактор
Прозоров Валерий Владимирович

Заместители главного редактора
Борисов Юрий Николаевич
Дементьев Вадим Викторович

Ответственный секретарь
Иванюшина Ирина Юрьевна

Члены редакционной коллегии
Зюзин Алексей Валерьевич
Клоков Василий Тихонович
Седов Константин Федорович

Зарегистрировано
в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года





ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) *бумажный вариант* должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисунковые подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными.

б) *электронный вариант* в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи; инициалы и фамилии авторов, аннотация (на русском и английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трушина Валентина Александровна

Технический редактор

Агальцова Людмила Владимировна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Щербакова Ирина Викторовна

Корректор

Васильева Наталья Юрьевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 20.03.2007.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 10,23(11). Уч.-изд. л. 9.4.

Тираж 500 экз. Заказ 67

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2007

CONTENTS

Sirotinina O.B. The Year of the Russian Language: SSU Goals 3

Scientific Part

Linguistics

Balashova L.V. Traditionalism of the Contemporary Russian Picture of the World in the Field of New Metaphorical Nominations 8

Kormilitsyna M.A. The Potential of the Russian Language and Its Use in Contemporary Press 14

Milekhina T.A. Testing the Level of Speech Culture 20

Goldin V.E., Sdobnova A.P. Dynamics of Linguistic Mentality of Modern Youth According to the Data of the *Dictionary of Associations of Schoolchildren of Saratov and Saratov Region* 24

Kruchkova O.Y. Computer-processed Textual Body of Russian Dialect Speech and the Principles of Its Marking 30

Literary Criticism

Novikova N.V. Facets of the Critic's Speech Identity (Publications of R.V. Ivanov-Razumnik in *Zavety* magazine) 35

Kabanova I.V. Discourse Going Into Glamour: Language in V. Pelevin's *Empire V* 41

Journalism: history, theory, practice

Prozorov V.V., Elina E.G. Philology and Journalism: the Degree of Kinship 51

University Annals

Kormilicina M.A., Sirotinina O.B. The Study of Russian Language Functioning in Saratov 57

Dement'ev V.V. The Study of Speech Genres in Saratov 67

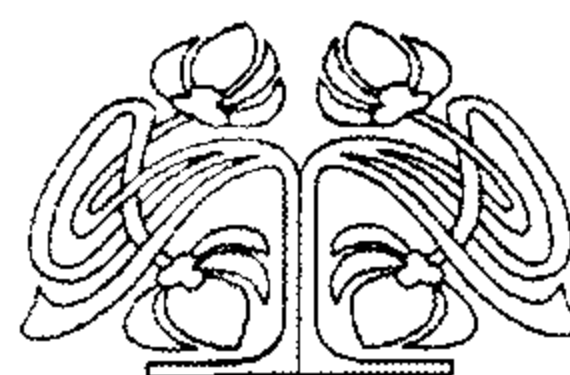
Critics and Bibliography

Shakhovsky V.I., Ionova S.V. Book Review 77

New Books of the Department of Philology and Journalism 83

Appendices

Chronicle 84





О.Б. Сиротинина,
профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации
Саратовского университета

ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА И ЗАДАЧИ СГУ

2007 год объявлен Указом Президента Годом русского языка в России.

Очевидно, этот год должен стать решающим в борьбе за культуру русской речи в России, начавшейся еще в 90-х годах XX века, и способствовать расширению изучения русского языка в мире.

Сложность ситуации с русским языком состоит в том, что само понятие *русский язык* включает в себя принципиально разные сущности: с одной стороны, это и этнический язык русского народа, в данное время – национальный, и государственный – России, и язык межнационального общения многих людей не только в России, и официальный язык ряда стран, и мировой язык, а следовательно, и рабочий для большого количества международных организаций, конференций, и второй / третий иностранный, предлагаемый для изучения за рубежом.

С другой стороны, национальный русский язык состоит тоже из принципиально разных сущностей: многофункциональный литературный язык, территориально ограниченные разновидности русского языка – диалекты, территориально не ограниченная, но, как и диалекты, пригодная лишь для бытового повседневного общения (просторечие – речь малообразованных горожан), конспиративные варианты русского языка (в прошлом ремесленные, сейчас криминальные аргы), профессиональные (жаргоны), возрастные и экспрессивные варианты (сленг). К тому же названия этих сущностей варьируются, различия между аргы, жаргоном и сленгом дискусионны¹.

В то же время даже литературный русский язык, одним из ведущих признаков которого в отличие от других разновидностей и вариантов является его кодифицированность, тоже состоит из разных сущностей. Во многом принципиально различны устная и письменная формы его реализации в речи. Многофункциональность литературного языка потребовала развития в нем функционально-стилевой дифференциации и изменений того или иного функционального стиля в зависимости от сферы и среды общения, а также от доминирующей в данной ситуации функции.

Кроме того русский язык имеет многовековую историю, он жил и живет, взаимодействуя с другими языками.

Все это лингвисты изучали, изучают и будут изучать. Но в Год русского языка на первый план выходят задачи, которые всегда изучались лингвистами, но именно теперь приобрели особое значение. Сейчас очень важно 1) еще раз проверить реальное функционирование русского языка во всем его многообразии, 2) выявить в нем наиболее тревожные, «болевые» точки, 3) выяснить, под действием каких факторов они возникают, 4) разработать меры преодоления негативного действия таких факторов.

Кафедра русского языка и речевой коммуникации СГУ давно включилась в эту работу², изучает особенности функционирования русского языка в разных сферах и средах общения, а в последнее время еще и процессы вхождения изменений узуальной нормы в систему языка, и в связи с этим – возможные пути развития языка. В центре внимания кафедры находится именно литературный русский язык со всеми его вариациями в зависимости от сферы и среды общения³. Литературный русский язык – это Государственный язык РФ, который должен использоваться в обучении, делопроизводстве, во всех официальных ситуациях и в СМИ.



Распространение в мире и в самой России литературного русского языка идет через СМИ (в России в первую очередь через телевидение), художественную литературу и только потом через обучение. Должно бы быть сначала, и прежде всего, через обучение, но на деле это не так. На уроках в школе учат правильно писать (и то плохо, потому что современные ученики не столько пишут, сколько заполняют пробелы в рабочих тетрадях и тестах), в кружках и на частных уроках – правильно произносить. И очень редко, у хороших учителей учатся именно **пользоваться** языком, выражать с его помощью свои мысли.

Телевидение (и даже газеты), тем более Интернет (особенно общение в чатах), да и современная (часто псевдохудожественная) литература тиражируют ошибки, а не образцы хорошей русской речи. Весьма далекое от благополучия и очень близкое к катастрофическому состояние русской речи населения в XXI в. – результат влияния на нее созданного в борьбе с советским официозом раскованными (но без специальной подготовки) журналистами литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры. Принцип этого типа речевой культуры (снижение речи только ради ее снижения, причем любыми средствами) сформировал во всех СМИ конца XX в. моду на использование словаря В.И. Даля (хотя он не соответствует современным потребностям и никогда не был словарем нормативным!) и на употребление вместо литературных слов любых нелитературных синонимов: вместо *недавно* – *намедни*, *давеча*, даже *надьсь*, вместо *очень* – *шибко*, вместо *как раз*, *точно* до сих пор держится *аккурат* и т.д. На одной полосе газеты можно было найти и диалектное *шибко*, и просторечные *посередь*, *навроде*, *супротив*, *сигануть*, и жаргонное *канать* (в Америке его успехи уже не каналы), и другие нелитературные слова.

Некоторые из них практически уже вошли в лексический состав литературного языка (*беспредел*, *прикольный*, *разборка* и т.д.), появился даже словарь общего жаргона под названием «Слова, с которыми мы все встречались»⁴, не говоря уж о массе более специфических словарей молодежных, криминальных жаргонов⁵. Даже от ведущих новостные программы можно было услышать *Сегодня ложат и ложат цветы к памятникам*; *проедь/уедь* (вместо *проехав*, *уезжай*)⁶. Грубая лексика настолько вошла в обиход СМИ, что даже мат (теперь заменяемый свистом) звучал с теле- и киноэкранов, а многие бранные слова, когда-то тоже бывшие непечатными, сейчас не только спокойно звучат, но и печатаются (*сволочь*, *стерва*, названия экскрементов и некоторых частей тела), а один из заменителей obscenизма стал «экспрессивом» (*блин*).

В 1991 г. на Всесоюзной еще конференции «Русский язык и современность» говорилось об опасности такой вседозволенности по отношению к языку⁷, несколькими изданиями были опубликованы под названием «Не говори шершавым языком» результаты мониторинга «издевательств» над русским языком в разных видах СМИ с указанием, кто, где, что сказал или написал и почему это недопустимо⁸.

Для борьбы с этим злом началась разработка и обсуждение в Совете по русскому языку при Правительстве РФ и в Госдуме проектов Закона о Государственном языке РФ (в 2004 г. он наконец был принят). Уже само обсуждение вопроса о языке СМИ, тем более принятие закона, заставило журналистов задуматься о границах свободы самовыражения, а проигранные судебные иски к СМИ за оскорбление чести и достоинства, ударившие по ним значительными суммами по возмещению морального ущерба, привели к тому, что журналисты (тем более что в СМИ пришли уже люди со специальной подготовкой) стали гораздо ответственнее относиться к инструменту своей профессии.

Однако и сейчас в речи журналистов огрехов еще много. Стремление к свежести, оригинальности выражения – это хорошо, но не за счет пренебрежения к тем значениям слов, которые несет в себе их внутренняя форма. Так, *нелицеприятный* – ‘высказанное прямо в лицо тому, кому это слышать неприятно, то есть сказанное, невзирая на лицо адресата’. Современные толковые словари не дают этого слова, вероятно, из-за его ясной внутренней формы и низкой частотности (есть только с пометой *устар.* *Лицеприятный* – ‘благоприятно-пристрастный’⁹). Однако даже в моей картотеке на основе далеко не полного мониторинга СМИ ежегодно отмечается несколько десятков неправильного употребления этого слова как тождественного слову *неприятный* (со стороны разных и не всегда *лицеприятных сил* – МК 28.09.06; *Роль самого артиста в этом скандале, мягко говоря, нелицеприятная* – МК 13.04.05). В утренней радиопередаче «Взлетная полоса» прозвучало даже, что продавцов и производителей нелегальных программ никто *не трогает, что нелицеприятный факт*, так как свидетельствует о явной коррупции (31.01.07), хотя это, несомненно, свидетельство, наоборот, зависящего от лица отношения к нему, т.е. нечто *лицеприятное*. К тому же *факт* вообще не может быть ни *лицеприятным*, ни *нелицеприятным*. Неправильное употребление представлено и в сочетаниях *кто из любопытствующих величавостью Кремля* – (МК 20.09.06); *при нынешнем подавляющем соотношении первых и вторых* (РГ 28.12.06); *артефактом назван то ли необычный метеорит, то ли осколок нейтронной звез-*



ды, то ли образование кимберлитовой трубки (вулканическая версия) – КП 05.08.06, хотя артефакт – это не природное образование, а нечто 'сделанное человеком'. Иногда журналисты объясняют, что артефакт – это нечто непознанное; ошибка природы. И таких примеров, к сожалению, немало¹⁰.

Литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры в XXI в. из СМИ фактически исчез, но вот такое «самоуверенно-неправильное» употребление слов, характерное для среднелитературного типа речевой культуры¹¹, все еще не изжито, что очень опасно для судьбы русского языка. Поскольку среднелитературный тип речевой культуры характерен для большинства населения России, в том числе и людей образованных, а речь в СМИ для них авторитетна (они на нее ссылаются как на доказательство своей правоты: *А я так по телевизору слышал*), эти ошибки в массе населения закрепляются и становятся узувальной нормой. Изгнать то, что закрепилось как правильное в сознании масс населения, из реальной речи россиян значительно труднее, чем из СМИ. Так, например, произошло с когда-то непечатными словами. Их знали, иногда, с оглядкой (не везде, не при женщинах) употребляли, но при этом помнили, что это вообще-то нельзя. Лингвистическая вольница в СМИ конца XX в. сняла эти ограничения, сделала грубые слова печатными – выпустила джинна из бутылки, и снова загнать его туда никак не удастся. Мата нет в СМИ, но он слышен на улице, в транспорте, домах, и не только в мужском обществе, но и из уст женщин и культурных на вид девушек. И даже не как предельно яростная брань в момент стресса, не ради оскорбления, а как привычное слово-паразит.

В процессе снижения и огрубления русской речи населением России сыграли огромную роль СМИ и современная художественная литература, которые в конце XX в. свободу самовыражения поставили выше соблюдения норм русского языка. Стремясь приблизить свою речь к речи большинства населения, они объявили ее зеркалом, забыв или намеренно устранившись от одной из важных функций СМИ – не только информировать, распространять среди населения свою точку зрения на события, на то, как человек должен реагировать на ту или иную ситуацию (предостерегать, учить жить, воспитывать), но и быть эталоном хорошей речи, на которую можно и должно ориентироваться. Как когда-то советовал А.П. Чехов: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова < > Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, – по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать»¹². Конечно, ориентироваться только на язык классической русской литературы уже недостаточно. Жизнь идет вперед, меняется не только общество, но и повседневная жизнь людей – появились новые реалии (телефон, телевизор), возникли новые профессии, новые отношения между людьми. И классическую русскую литературу, с ее прекрасным русским языком и глубочайшим проникновением в душу человека (как и сам язык, – непреходящее достояние русской культуры, из-за чего нередко и изучают русский язык за рубежом), на ее родине не очень-то читают.

А можно ли опираться учителю на современную художественную литературу с ее обсценной лексикой? И, даже если ее нет, всегда ли учитель может сказать: учитесь писать так, как пишет В.Пелевин или В.Ерофеев? Тем более – как написаны читаемые школьниками детективы и фэнтези, особенно в плохих переводах? Увы, но это нередко негативные примеры русской речи. В моей картотеке есть **нелицеприятные сведения** (А. Азимов, В. Аллен. *Инферно*. М., 1999); *В Гурзуфе народ продвинутое отдыхает. Там скор проканает* (Ф. Незнанский. *Лекарство для покойника*. М., 2000), *У меня ушло довольно долгое время* (Ф. Незнанский. *Чеченский след*. М., 2002) и т.д. В книгах можно встретить и просторечную форму краткого причастия *дадена* (лит. *дана*), и недопустимый по правилам русского языка деепричастный оборот (когда его деятель не совпадает с активным подлежащим основного предложения), и неправильный порядок слов¹³, и многие другие не-правильности.

Таким образом, читаемая населением художественная (часто псевдохудожественная) литература не лучше соблюдает нормы литературного русского языка, чем СМИ, хотя ее авторы в отличие от журналистов имеют возможность отработать текст, тогда как журналист всегда в цейтноте.

Конечно, не вся современная литература такая, но «читаемая» чаще всего эталоном служить никак не может. К тому же отказ в некоторых издательствах от корректоров привел к тому, что книга перестала быть образцом даже орфографической правильности. Так, в книге очень известного и действительно хорошего журналиста (В. Соловьев. *Русская рулетка. Заметки на полях новейшей истории*. М., 2006) напечатано *афелированная с Сибнефтью* (несколько раз), применительно к людям употреблено слово *командировочные* (с.224), *изумление* применительно к недопустимому с его точки зрения факту (с.163) и т.д.

Несколько лет назад я пыталась написать статью для учителей с рекомендацией тех текстов, на которые нужно ориентировать учеников. Конечно, я знакома лишь с небольшим количеством современных художест-



венных текстов, но даже среди получавших премии «Букер», «Триумф» эталонных с точки зрения языка я не нашла, а ведь, как и СМИ, кинофильмы, телесериалы и реклама (а в ней встречается даже написание *афишы*) – все это влияет на речевую культуру населения, и, к сожалению, во многом негативно.

По сравнению с концом XX в. положение во «влияющих» на речь населения текстах улучшилось. Положительную роль сыграла и Федеральная целевая программа, разработанная Советом по русскому языку (1995–2003), и действующая (по крайней мере до 2010 г.), и принятый в 2004 г. Закон о государственном языке РФ, но полностью ущерб, нанесенный языку «вольницей» конца XX в., до сих пор не преодолен. Это и послужило, очевидно, одной из причин объявления 2007 года – Годом русского языка, что призвано повысить уважение населения к языку и к русской культуре в целом.

Ответственность каждого за судьбу русского языка высока потому, что он действует не только как родной и как государственный для всей России, но изучается и за пределами нашей страны, является одним из шести мировых языков, признанных ООН, рабочим языком многих международных конференций, экспедиций, доступен для любого жителя Земли через Интернет. В этих условиях очень важно сохранить право литературного русского языка на эпитеты *великий* и *могучий*, не допустить сужения его возможностей. И ни в коем случае учителям не следует пытаться подменить жаргонным вариантом «Евгений Онегин» А.С. Пушкина с его прекрасным языком, «чтобы школьникам было интересно читать», а газетам пропагандировать такой прием, как это сделала «Комсомольская правда» в 90-е годы.

Какие же задачи в Год русского языка стоят перед российским обществом, лингвистами города, журналистами и учителями русского языка и литературы?

1. Всем и каждому с уважением относиться к основному национальному достоянию русского народа и России в целом – русскому языку. Не быть самоуверенным, а стараться расширить свои знания, постоянно проверять их и не пользоваться нелитературными словами и формами.

2. Для этого нужны популярные брошюры о русском языке, его возможностях и дешевые словари.

3. Журналистам надо внимательнее относиться к своей речи, пользоваться словарями и справочниками, помнить, что от СМИ во многом зависит судьба языка.

4. И медикам, и юристам пора перестать гордиться своей профессиональной нормой (*алкоголь, наркомания* и *возбуждено, осуждено*) и начать соблюдать общерусские нормы кодифицированного русского языка, которым еще совсем недавно следовали высококультурные медики и юристы.

5. Учителям надо учить своих учеников не только знать правила и, конечно, соблюдать их в своей речи, но и уметь пользоваться возможностями языка в разных ситуациях общения по-разному, воспитывать в них любовь к русскому языку – одному из богатейших, а не к уродливым жаргонам.

6. Лингвистам необходимо изучать **все** факты речи, но при этом обращать внимание и на то, как формирующаяся новая узальная норма влияет на судьбу языка и какие факторы вызывают к жизни изменения этой нормы. Необходимо усилить борьбу за развитие языка, всеми силами препятствуя его деградации.

7. В системе высшего образования нельзя допускать выпуска узких специалистов, не умеющих пользоваться языком, ибо ни одна отрасль науки и техники, ни одна самая узкая специальность не может существовать и развиваться вне языка.

В связи со сказанным вырисовываются и задачи СГУ. Год русского языка в России – это забота не только лингвистов-русистов и не только факультета филологии и журналистики. Им предстоит разработать ряд мероприятий университетского и более широкого масштаба, что и делается уже сейчас. Но преподавателям и других факультетов нужно приложить определенные усилия для повышения уровня речевой культуры – и своей, и своих учеников-студентов, аспирантов и подчиненных. СГУ – один из лучших классических университетов страны, призванный выпускать истинно культурных бакалавров, специалистов, магистров, и он не должен допускать в своей среде ни языковой, ни риторической безграмотности. Стыдно, когда на заседаниях Ученого совета слышишь неправильные ударения (*ходатáйствовать, включить, кварта́л*), неправильные формы числительных (*двухтысяч седьмой год* и даже *двухтысячношестой год*), а ведь студенты воспринимают их речь как образец.

Очень хорошо, что на всех факультетах читается курс «Русский язык и культура речи», но желательно, чтобы преподаватели основных дисциплин не только относились к этому курсу как одному из важных, но и обращали внимание на речь студентов в их ответах и письменных работах, чтобы не получилось так, что выпускник СГУ пишет *копитальный ремонт* и *лобаратория*.



Особую тревогу в этом отношении вызывает наш новый юридический факультет. Когда-то в суд ходили послушать выступления адвокатов и прокуроров, это были уроки мастерства речи. Теперь, когда с экрана телевизора выступает прокурор (иногда и адвокат), удивляешься неправильности и корявости его речи. Многие наши беды, как в стране, так и в СГУ, – результат плохой работы юристов, их недостаточной лингвистической грамотности при формулировании статей законов (они не должны допускать инотолкований), уставных положений, приказов и других деловых бумаг. А вот формируется ли у студентов этого факультета необходимое им чувство очень большой ответственности за каждое сказанное и написанное слово?

В одной из своих статей¹⁴ я ставила вопрос «От кого зависит судьба русского языка?». Его судьба, а в какой-то мере и судьба всей страны, зависит от нас – от каждого из нас, россиян.

Примечания

- ¹ Сиротинина О.Б. Сленг: его место в системе социальных и функциональных компонентов русского языка // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С.130–132.
- ² См.: Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Язык в жизни людей (из истории кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. 2006. Т.6. Сер. Филология. Журналистика. вып.1/2.
- ³ См.: Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Саратовская лингвистическая школа «Изучение функционирования русского языка» (см. данный выпуск).
- ⁴ Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- ⁵ См.: Елистратов В.С. Словарь московского аргю (материалы 1980–1994 гг.). М., 1994; Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь молодежного жаргона. СПб., 1998 и др.
- ⁶ См.: Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып.2. С.3–20.
- ⁷ Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка и материалы почтовой дискуссии. М., 1991.
- ⁸ Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. М., 2000.
- ⁹ Современный толковый словарь русского языка. М., 2004. С.321.
- ¹⁰ Сиротинина О.Б. Реальное функционирование русского языка в его соотношении с типами речевой культуры // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2005. Вып.5. С.6–16.
- ¹¹ См.: Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001. Вып.5.
- ¹² Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л., 1954. С.673.
- ¹³ Сиротинина О.Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка // Русский язык сегодня / Институт русского языка РАН. М., 2006. Вып.4. С.490–499.
- ¹⁴ Сиротинина О.Б. От кого зависит судьба русского языка // Русская речь / РАН. 2007. №1. С.44–50.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 808.2-31

«ТРАДИЦИОННОСТЬ» СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале новых метафорических номинаций)

Л.В. Балашова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: dementevvv@yandex.ru

Выявляются элементы традиционности в метафорических номинациях последних десятилетий в сферах разговорной речи, общего жаргона и молодежного, компьютерного сленга и сленга военнослужащих.

Traditionalism of the Contemporary Russian Picture of the World in the Field of New Metaphorical Nominations

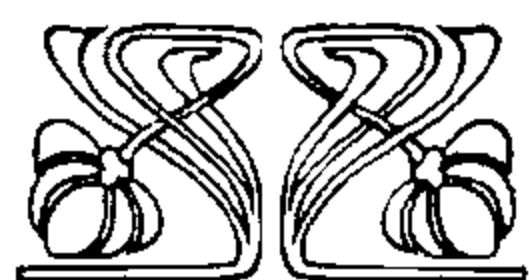
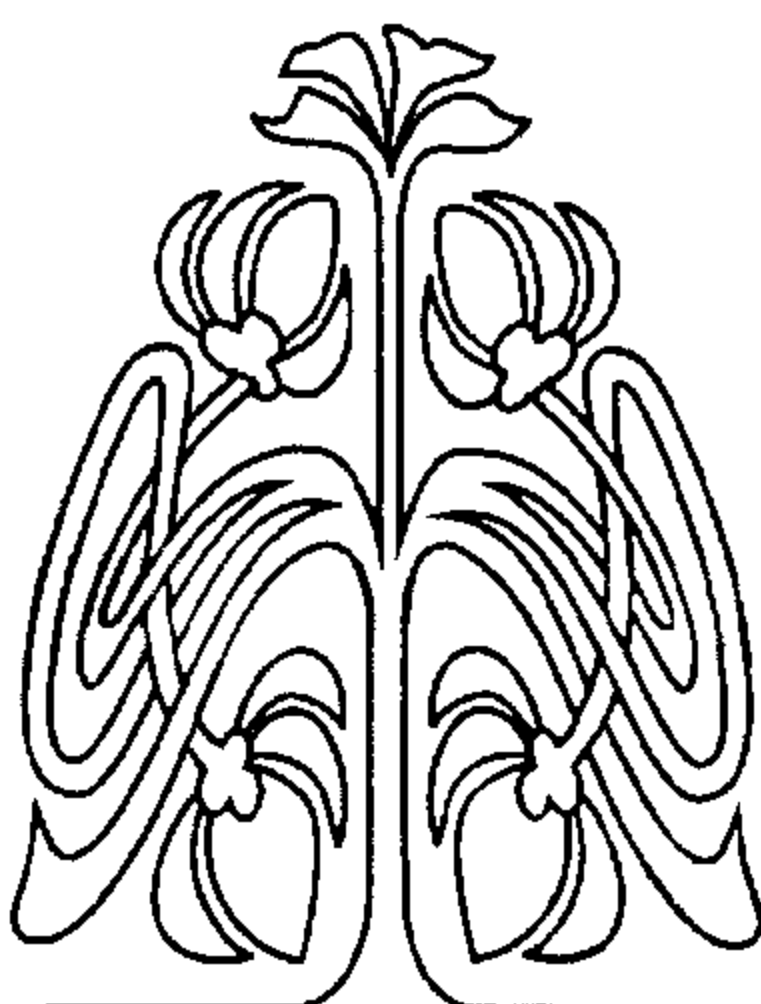
L.V. Balashova

Elements of traditionalism in new metaphorical nominations in recent decades are considered in colloquial speech, jargon and youth speech, computer and military slang.

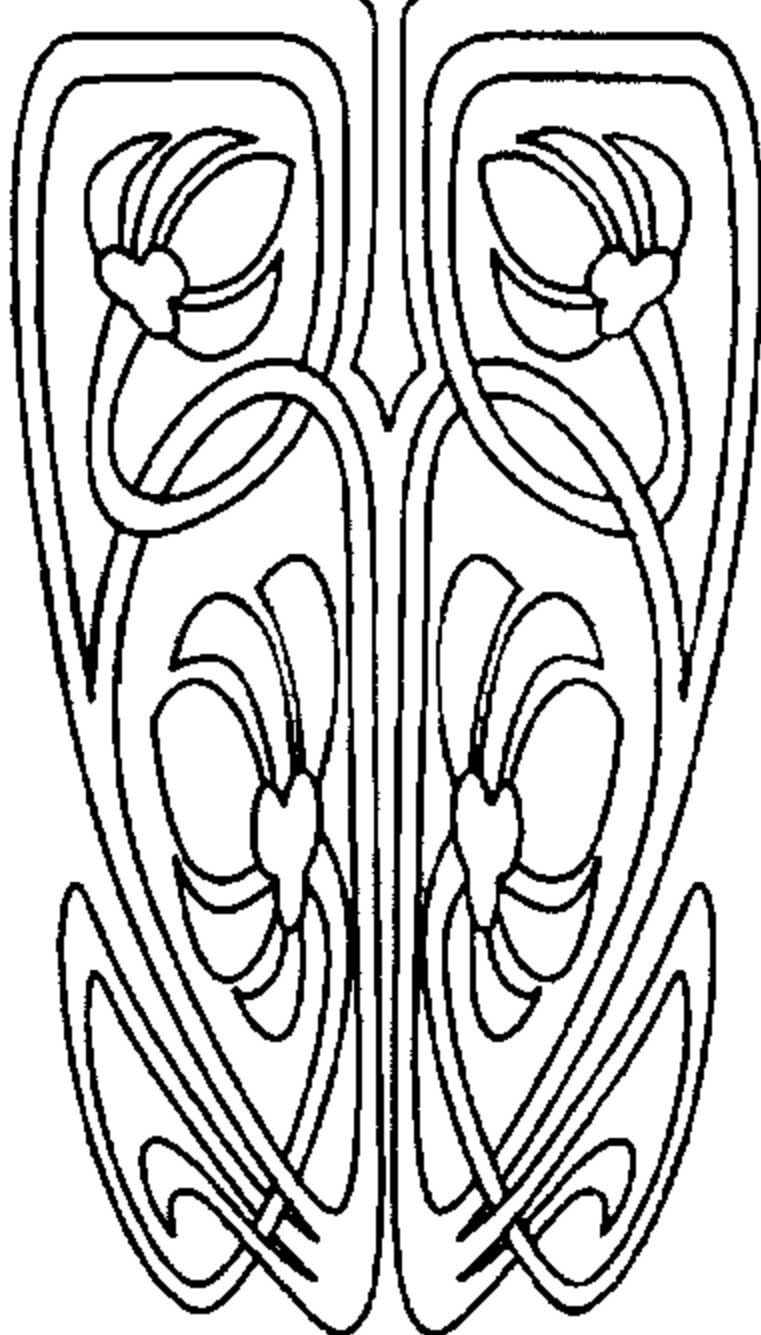
Язык является основным средством экспликации элементов концептуальной картины мира, что получает отражение в языковой, или «наивной», картине мира¹. «Обычно под языковой картиной мира понимается отображение в формах языка экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объеме значения и внутренней форме языковых единиц»². При этом исследователи подчеркивают, что данная картина отражает «неосознанные» наивные представления человека о мире, которые «имплицитно содержатся в его высказываниях и на основе этих высказываний реконструируются исследователями»³.

С одной стороны, «наивная картина мира некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины мира того же участка мира»⁴. С другой стороны, в семантическом пространстве языка находит отражение многовековой материальный и духовный опыт народа, языковые значения раскрывают «наши самые обычные, житейские представления о том или ином объекте (ситуации)»⁵.

Особую роль здесь играет метафора, которая в последние десятилетия рассматривается не только как средство номинации, но и как вербализованный способ мышления и познания. Однако язык не развивается абсолютно параллельно нашему сознанию. В частности, в современной языковой картине можно обнаружить остатки картин прошлых эпох⁶. Поэтому исследователи подчеркивают, что «объективную картину мира для определенного хронологического периода можно получить лишь в результате выявления неологизмов этого периода»⁷, а также изучения лексических подсистем, наиболее активно развивающихся в последние годы.



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Большинство лингвистов сходятся во мнении, что современный русский язык развивается чрезвычайно динамично, и это находит отражение, прежде всего, в лексической системе: «Любой язык с течением времени изменяется, в том числе искусственно созданный Эсперанто. Изменяется и русский язык; что заметно даже в пределах одного поколения, и не только специалистам. Наиболее заметны и многочисленны изменения в лексическом составе языка»⁸. Например, «иноязычные новации в русском языке – яркая примета времени»⁹. В качестве наиболее динамичных подсистем обычно называют язык средств массовой информации, просторечие и разговорную речь, жаргоны¹⁰.

Вследствие этого показательным может стать анализ тех субсистем, в которых новации последних десятилетий наиболее ощутимы и заметны – разговорная речь, общий жаргон и молодежный, компьютерный сленг и сленг военнослужащих.

Действительно, при анализе больших блоков лексики (источником материала стали достаточно представительные словари данных субсистем, а также записи живой речи) обращает на себя внимание тот факт, что число заимствований, особенно в молодежном и компьютерном сленге, достаточно велико. Однако «русских» новаций значительно больше. Можно выделить две основные тенденции.

Во-первых, в разговорной речи и жаргонах наблюдается явное стремление к русификации иноязычной терминологии, причем за счет фонетической мимикрии, русских словообразовательных элементов данные термины получают образность и экспрессивность (ср.: *аве Мария* ‘звуковая плата Sound Blaster AWE 32 от Creative Labs Inc.’; *автогад* ‘система проектирования AutoCAD’; *алкоголик* ‘программист, пишущий на языке Алгол’). Примечательно, что при подобного рода русификации регулярно используется именно «традиционная» лексика (ср.: *вакса* ‘компьютер VAX компании Digital’; *дурень* ‘AMD Duron’; *емеля* ‘электронная почта’). Во-вторых, метафора является одним из самых продуктивных способов номинации: в основе формирования переносных значений лежат традиционные концептуальные модели, сложившиеся в русском языке в течение столетий¹¹.

«Традиционность» современной языковой картины мира проявляется также в том, что источником метафоризации регулярно становятся слова, обозначающие реалии традиционного быта и традиционной культуры.

Так, в разговорной речи, просторечии и жаргонах активно используется лексика, связанная с патриархальным (прежде всего – крестьянским) укладом жизни.

В частности, это могут быть наименования построек в крестьянской усадьбе и на территории, прилегающей к ней (ср.: *околица, майдан, хата, изба, сени, хлев, курятник, сарай, лабаз, банька, стойло, загон*).

Регулярно переносные значения развивают номинации традиционных артефактов, именуемых простейшие орудия труда, бытовые предметы, одежду, игрушки. Часть из них широко используются в любом доме (ср.: *веник, лопата, ведро, горшок, корыто, кувшин, матрешка, метла, молоток, наперсток, сапог, фартук*), другие встречаются преимущественно в деревенском быту (ср.: *жбан, квашня, колода, кочерга, бочка, самовар, дрова, телега, седло, дышло, хомут*).

Примечательно, что многие из таких артефактов в начале XXI в. воспринимаются уже как устаревшие или устаревающие (ср.: *керогаз, керосинка, картуз, лапти, сарафан, табакерка, галоши, дерюга, лапсердак, бирюлька*). Подобного рода номинации характерны для стратов, носителями которых является юное поколение российского общества. Например, в молодежном жаргоне для наименования современных автомобилей и мотоциклов регулярно используются названия устаревших или устаревающих средств передвижения, прежде всего – гужевого транспорта (ср.: *каreta, кибитка, тачанка*).

Интересным представляется также следующий факт. Как показал опрос, далеко не всегда носители жаргонов могут дать точную формулировку первичных значений традиционной лексики. Затруднения вызвали слова, характеризующие как дореволюционный городской и патриархальный крестьянский быт (например, *лапсердак, бирюлька, табакерка, кочерга, дышло, шарманка*), так и бытовые реалии первой половины XX в. (например, *керогаз*), причем это распространялось даже на слова с отчетливо воспринимаемой внутренней формой (например, *табакерка, квашня*).



В метафорических системах разговорной речи, просторечия и жаргонов регулярно используются номинации традиционных русских блюд, причем не только распространенных (*блин, каша, квас, латша, студень, коврижка, крендель, овсянка, плюшка, семечки, кисель*), но и экзотических для большинства современных жителей России (*кулебяка, брандахлыст*). Показательно, что и в данном случае ни один из опрошенных не смог дать определений первичных значений экзотических для современной русской кухни блюд (*кулебяка* – ‘большой продолговатый пирог с начинкой из мяса или рыбы, капусты, каши’ → в молодежном жаргоне ‘хороший автомобиль’; *брандахлыст* ‘жидкий плохой суп, а также вообще плохая жидкая пища, питье, бурда’ → в разговорной речи ‘о пустом, ничтожном человеке’).

Очень активно метафоризируются члены семантических полей, характеризующих традиционную хозяйственную деятельность. Самым востребованным среди них оказывается земледелие. Наиболее частотны номинации процессов выращивания зерновых и огородничества (ср.: *жать, косить, пахать, молотить, прополоть, сажать, насаживать, молотба, прополка, окучить*), а также традиционных земледельческих орудий и лиц по роду деятельности (ср.: *соха, серп, тяпка, грабли, мотыга, плуг, косарь, пахарь, плуговик*).

Реже в процесс метафоризации включается соответствующая флористическая лексика (*солома, соломка, ботва, картошка, капуста, репа, морковь, петрушка, тыква*). Кстати, в определении первичного значения слова *ботва* (‘стебель или листья корнеплодов, клубнеплодов, бобовых’) носители молодежного жаргона, где эта лексема и была зафиксирована, причем сразу в нескольких значениях (‘волосы’; ‘мошонка’, ‘мелкие купюры’), испытывали явные затруднения.

Животноводство преимущественно представлено зоонимами, именующими домашних животных и птиц, типичных для русского крестьянского подворья (ср.: *бык, бугай, баран, овца, коза, козел, козлик, корова, телка, свинья, конь, кляча, жеребец, лошадь, савраска, курица, клуша, петух, гусь, кобель, собака*). Интересно, что самым востребованным оказываются существительные *коза* и *козел*. Так, номинатив *коза* в компьютерном

сленге имеет значение ‘комбинация Ctrl+Alt+Del, выполняемая при помощи трех пальцев одной руки’, в разговорной речи – ‘бойкая подвижная девочка, девушка’, а в молодежном жаргоне таких значений сразу несколько: ‘знак приветствия у молодежи в виде выпрямленных мизинца и указательного пальца поднятой руки’, ‘девушка’. Существительное *козел* регулярно именуется средствами передвижения и человека (как правило, отрицательно оцениваемого коллективом): в молодежном жаргоне – ‘предатель’, ‘мотоцикл’, ‘велосипед’; в сленге рокеров – ‘мотоцикл модели «Ява 350/638»’; в жаргоне военнослужащих ВВС – ‘подпрыгивание, подскок от удара о взлетно-посадочную полосу, толчок при посадке самолета’; в разговорной речи – ‘легковой автомобиль-вездеход армейского типа, открытый или с брезентовым верхом’; ‘мужчина, вызывающий раздражение упрямством, глупостью, ненужностью’.

Достаточно регулярно, но все же менее последовательно в рамках современной метафорической системы используются номинации, связанные с традиционными ремеслами и простейшими трудовыми процессами. Самыми продуктивными оказываются наименования столярного, слесарного, кузнечного, строительного дела, а также орудий, используемых в данных ремеслах (ср.: *пилить, распилить, рубить, порубить, тесать, втесать, рыть, порыть, стругать, плющить, запаять, мочалить, отмочалить, трамбовать, тачка, кувалда, лом, напильник, наковальня*).

Абсолютное большинство таких лексем известны носителям языка и в их первичных значениях. Исключение составляют глаголы *мочалить* и *отмочалить*, которые носители молодежного жаргона при опросе часто связывали с мытьем в бане, причем именно в традиционной русской бане, а не с трудовым процессом – ‘раздирать на мочало, на волокна’.

Современная разговорная речь, просторечие и жаргоны содержат большое число номинаций элементов традиционной (прежде всего – русской и восточнославянской) культуры. Так, регулярно переносные значения развивают наименования народных музыкальных инструментов (ср.: *балалайка, гармошка, дудка, дудочка, бандура, волынка*). Хотя в повседневной жизни носители разго-



ворной речи, просторечия и жаргонов практически не сталкиваются с этими инструментами, но первичные значения лексем им знакомы. Исключение составляет существительное *бандура* ‘украинский народный струнный щипковый музыкальный инструмент’, которое в разговорной речи и просторечии именуется ‘любой крупный, громоздкий предмет’, а в молодежном и компьютерном сленге – ‘персональный компьютер’). Первичное значение этой лексемы было неизвестно всем опрошенным; более того, многие не знали, что это вообще музыкальный инструмент (среди ответов преобладали следующие: ‘что-то старое и уродливое’, ‘что-то большое, что трудно нести’, ‘старая мебель’).

Регулярным источником метафорических наименований в разговорной речи, просторечии и жаргоне становятся русские фольклорные образы (ср.: *емеля, кикимора, упырь, горыныч, баба Яга, Яга, снегурочка*), а также образы героев классических литературных сказок – отечественных, европейских, восточных (ср.: *али-баба, гномы, дракоша, айболит, бармалей, буратино, пилюлькин*). Как показали опросы, большинство таких лексем «приходят» в жаргоны, просторечие и разговорную речь опосредованно, а именно – из фильмов-сказок и (пожалуй, в первую очередь) из мультфильмов.

Наконец, достаточно регулярно метафоризируются социальные и культурные историзмы. Так, современные значения получают номинации социальных институтов, зрелищных и развлекательных учреждений, а также лиц по социальной принадлежности, профессиональной деятельности, исторических личностей. Это могут быть слова, характеризующие средневековую Русь и Российскую империю (ср.: *варяги, корабейники, городовой, гусар, зубодер, купец, кучер, тапер, фармазон, балаган, кабак*). Показательно, что в современной разговорной речи и жаргонах популярны советизмы (ср.: *совдеп, ревком, ударник, безлошадный, гепеушник, чекист, тимуровец, КПСС, стройотряд*). В процесс метафоризации вовлекаются наименования утраченных денежных единиц, единиц измерения (*пуд, полпуда, пудовик, верста, алтын*).

Большинство историзмов известно носителям жаргонов, просторечия и разговор-

ной речи, однако некоторые вызвали затруднения. Например, никто из опрошенных не смог определить значение слова *фармазон* ‘масон’; часто не знали точных значений единиц измерения (*верста*) и денежных единиц (*алтын*). Как правило, как полные синонимы (в первичном значении) воспринимались лексемы *гепеушник, чекист*.

Таким образом, можно констатировать, что современная разговорная речь, просторечие и жаргоны активно используют «традиционный» лексический фонд русского языка. Однако сам принцип их функционирования может быть различным.

Во-первых, с помощью «традиционной» лексики могут именоваться новые реалии. Наиболее регулярно это наблюдается в компьютерном сленге и сленге военнослужащих (ср.: *капуста* ‘символ @’, *доска* ‘клавиатура для компьютера’, *айболит* ‘антивирусная программа Aidstest’, *алтын* ‘дисковод для 3.5" дискет’, *корогаз* ‘компьютер’, *балалайка* ‘фронтальной истребитель МиГ-21’, *гребенка* ‘тактика, применяемая в Чечне: способ ведения поиска самолетами, вертолетами и БЛА’, *жестящик* ‘специалист по РЭП’).

Во-вторых, не менее регулярно новые метафорические производные значения используются для экспрессивного обозначения обычных предметов, явлений, процессов, существующих в жизни этноса в течение десятилетий или даже столетий. Такого рода номинации обнаруживаются во всех исследуемых стратах (ср.: *пахать* ‘работать, трудиться’, *тяпка* ‘рука’, *мотыга* ‘долговязая, неловкая девушка, женщина’; *петрушка* ‘симпатичная девушка’, *безлошадный* ‘не имеющий автомобиля, вынужденный перемещаться пешком или на чужих машинах’; *упырь* ‘некрасивый, неряшливо, старомодно одетый мужчина’).

С одной стороны, одна и та же лексема может развивать несколько новых метафорических значений (ср.: *телега* – (1) ‘рассказ, история’; (2) ‘шприц’; (3) ‘легковой автомобиль’; (4) ‘трамвай’; (5) ‘мотоцикл’; (6) ‘велосипед’); с другой стороны, одно и то же явление действительности получает синонимические метафорические обозначения (ср.: *балалайка / доска* ‘худая девушка с плоской грудью’; *лапоть / жаба / капуста* ‘символ @’).



Сам принцип формирования переносных значений может быть связан или не связан с традиционными для литературного языка моделями метафоризации.

При использовании сложившихся в русском языке метафорических моделей можно выделить два варианта их реализации.

В первом случае внутренняя форма и модуль сравнения выражены четко и определено. Самым распространенным является перенос на базе сходства формы, других пространственных и кинетических характеристик. Так, в основе формирования значений *блин* 'компьютерный диск', *доска* 'клавиатура для компьютера' лежит представление о соответствующей форме этих реалий (плоская округлая и плоская прямоугольная). Сходство кинетических характеристик становится базой для развития значения *кадриль* 'фигура пилотажа', *гребенка* 'способ ведения поиска самолетами, вертолетами и БЛА'. Не менее частотны случаи развития переносных значений на базе сходства функций объектов неживой природы, особенностей поведения, образа жизни человека и животного и т.п. (ср.: *пилюлькин* 'лечащий модуль антивирусной программы', *бобер* 'десантник-подводник', *варяг* 'офицер КГБ, присланный со стороны, а не «выращенный» для данной должности в соответствующем отделе'; *коробейница* 'работница военторга'; *купец* 'транспортное судно ВМФ; транспортный самолет').

Во втором случае (и таких примеров не меньше) новое метафорическое значение лишь опосредованно связано с первичным, т.е. основой для переноса становится метафорическое значение, уже существующее в русском языке и функционирующее в литературном речи или просторечии. Так, существительное *корыто* традиционно имеет переносное значение 'о старом, негодном судне, лодке': *Шхуна опять стала отходить от баржи.. Бляхин кричал уже сорванным голосом и метался вдоль борта: – Анфиса, беги сюда!.. Беги, а то сгоришь на этом гнилом корыте* (Ф. Gladkov). В военном сленге это же существительное развивает значение 'плавающий танк', где ассоциация именно с переносным литературным, хотя и разговорным значением создает ироничную экспрессию подобной номинации.

Особенно явно мотивация традиционными метафорическими значениями прослеживается в тех случаях, когда первичное значение носителям жаргона известно плохо или неизвестно вообще. Так, существительное *бандура* в просторечии традиционно именуется что-либо громоздкое, несоразмерное в частях, например: *Танкер был водоизмещением сто тысяч тонн, судя по осадке, имел на борту около семидесяти тысяч тонн нефти. Обычно нефть просто горит, но иногда и рвется. Если такая бандура рванет, не поздоровится самому Нептуну, не говоря уж о простых смертных* (Устьянцев). Это значение и становится основой для формирования жаргонного 'компьютер', поскольку объект состоит из нескольких составляющих (системный блок, монитор, клавиатура и т.д.), имеет множество проводов и занимает достаточно большое место на письменном столе, в комнате.

Хотя, как отмечалось, первичное значение глагола *мочалить* носителям молодежного жаргона и компьютерного сленга не было известно, но традиционное разговорное переносное значение 'мучить, терзать' им было знакомо, ср.: *Не везло Чмелеву, нещадней, чем других, мочалила его жизнь* (Леонов). Именно оно мотивирует появление нового значения 'избивать' в молодежном жаргоне и просторечии.

Достаточно часто мотивация нового переносного значения связана в общем значением фразеологизма. Носители молодежного и компьютерного жаргона затруднялись в определении первичного значения существительного *бирюлька* 'набор очень мелких деревянных предметов, используемых в игре, состоящей в том, чтобы из кучки этих предметов вытаскивать крючком один за другим, не задевая остальных'. Однако им был известен фразеологизм *играть в бирюльки*, который становится основой для развития значения *бирюля* 'компьютерная игра'.

Вместе с тем формирование нового значения, особенно при номинации новых реалий в молодежном и компьютерном жаргоне, может быть не связано с существующей в языке традиционной моделью метафоризации. Однако новых метафорических моделей просторечие и жаргоны не образуют. В этом случае самым типичным становится явление



так называемой «звуковой» метафоры¹², где термин «метафора» отнесен к плану выражения слова¹³. Как правило, звуковая метафора связана с фонетической мимикрией английской компьютерной терминологии, например: *баба Яга* ‘видеоадаптер EGA’; *КПСС* ‘файловая система’ (от OS/2 HPFS – High Performance File System); *лапоть* ‘переносной компьютер’ (*laptop*). Никакого внутреннего «сходства» между первичным и вторичным значениями не наблюдается, однако формирование за счет мимикрии новой внутренней формы создает образный экспрессивный потенциал такой номинации.

Кстати, на базе звуковой метафоры может в дальнейшем формироваться и внутренняя метафора, метафора в традиционном смысле слова. Например, за счет звуковой мимикрии формируется номинация *вакса* ‘компьютер VAX компании Digital’, а на этой основе развивается значение *сапоги* ‘люди, работающие на компьютере VAX’ (сапоги чистят ваксой). Случаев подобной языковой игры в разговорной речи, просторечии и жаргонах не так уж и много.

Таким образом, вряд ли можно говорить, что носители современного просторечия и жаргонов глубоко и сознательно ориентированы на сохранение традиционной языковой картины мира при обозначении реалий современности. Однако «традиционные» внешние или внутренние ассоциации играют заметную роль в метафорических системах исследуемых стратов. Показательно уже то, что создателями такого рода переносных наименований становятся молодые люди, проживающие преимущественно в современном российском городе. Кроме того, иногда прослеживается и более последовательное использование традиционной картины мира.

Например, использование элементов патриархальной крестьянской картины мира в сленге военнослужащих связано со стремлением человека дистанцироваться от суровых и страшных реалий военных будней. Не случайно наиболее регулярно такого рода метафоры используются при номинации во-

енных действий, стратегии и тактики ведения боя и т.п. (ср.: в речи военнослужащих во время Афганской и Чеченской военных компаний – *игрушка* ‘мина’; сажать картошку ‘ставить мины’; огородничество ‘минирование’; *косарь* ‘любитель пострелять, особенно расстреливать всех, включая военнопленных’; *куличик* ‘итальянская противотанковая мина ТС-50’).

В целом же использование «традиционных» реалий и элементов «традиционной» картины мира в большей или меньшей степени способствует сохранению данной картины в сознании молодого городского россиянина – основного создателя новых метафорических номинаций в русском языке конца XX – начала XXI века.

Примечания

- ¹ См.: *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: В 2 т. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995; *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- ² *Гак В.Г.* Русская динамическая языковая картина мира // *Русский язык сегодня*. М., 2000. Вып.1. С.36.
- ³ *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // *Русский язык сегодня*. М., 2000. Вып.1. С.9.
- ⁴ *Апресян Ю.Д.* Указ. соч. С.57.
- ⁵ *Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs. обиходные представления (Модель восприятия в русском языке) // *Вопросы языкознания*. 1998. №2. С.3.
- ⁶ См., напр.: *Балашова Л.В.* Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов, 1998.
- ⁷ *Варбот Ж.Ж.* Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. М., 2001. С.40.
- ⁸ *Сиротинина О.Б.* Что происходит с русским языком? // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2006. Вып.6. С.5.
- ⁹ *Какорина Е.В.* Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социолингвистическое исследование) // *Русский язык сегодня*. М., 2000. Вып.1. С.137.
- ¹⁰ См.: *Гак В.Г.* Указ. соч.; *Крысин Л.П.* Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. М., 2003; *Сиротинина О.Б.* Указ. соч.
- ¹¹ Ср.: *Балашова Л.В.* Указ. соч.
- ¹² См., напр.: *Москвин В.П.* Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006. С.130.
- ¹³ *Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г.* Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996.

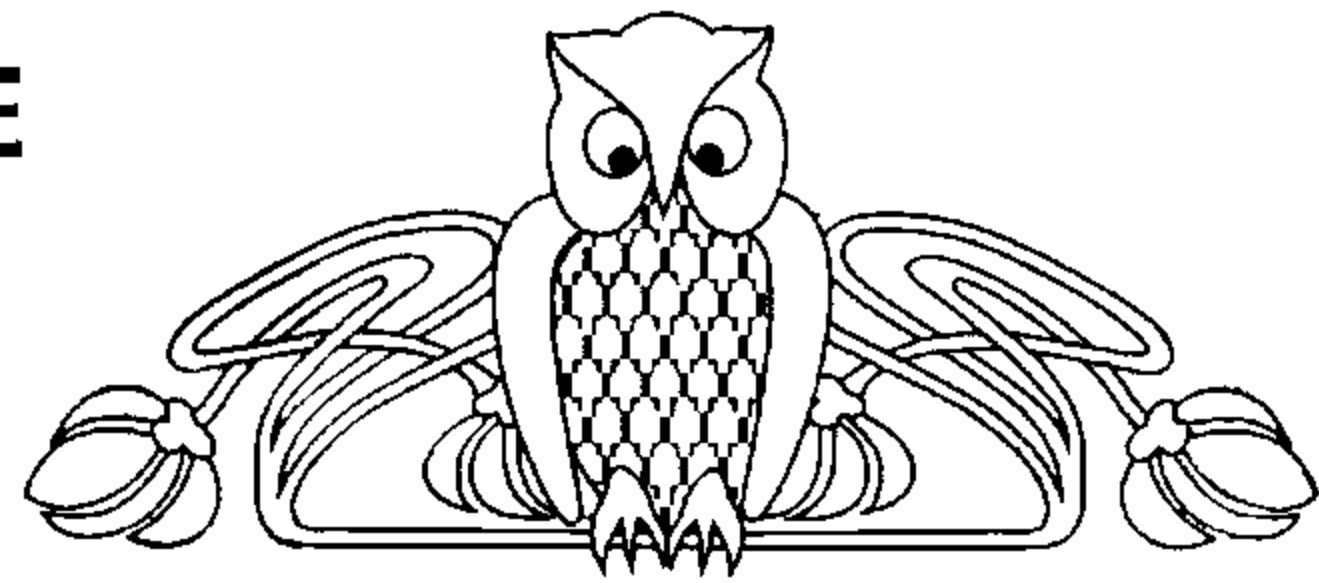


УДК 808.2-085

ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

М.А. Кормилицына

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: Philology@sgu.ru



В статье на материале газетных публикаций показано, что при наличии определенного уровня коммуникативной компетенции и речевой культуры журналист всегда может умело и эффективно использовать для реализации любых, самых сложных целей те богатые возможности, которые предоставляет ему русский язык.

The Potential of the Russian Language and Its Use in Contemporary Press

М.А. Kormilitsyna

Based on newspaper materials, the article shows that with a certain level of communication and speech competence, a journalist can use all the various tools provided by the Russian language to reach any, even the most difficult, goal.

Русский язык предоставляет тем, кто им пользуется, богатейшие возможности для выражения самых тонких оттенков смысла, для точной и полной информации об окружающем мире, для успешного воздействия на собеседника, для решения самых сложных коммуникативных задач. Каждый может использовать эти возможности для эффективного взаимодействия с себе подобными.

Средства массовой коммуникации являются сегодня одним из важнейших общественных институтов, оказывающим решающее влияние на формирование не только взглядов, представлений общества, но и норм поведения его членов, в том числе и речевого поведения. Это мощный инструмент воздействия на аудиторию и средство манипуляции общественным сознанием.

СМИ играют одну из активных ролей в создании соответствующей атмосферы в обществе. «От толерантной или конфликтной направленности деятельности СМИ, в том числе и речевой, сегодня в нашей стране зависит очень многое: какие идеи и ценности, нормы поведения будут внедрены в массовое сознание, такие <...> и будут в значительной степени доминировать в ближайшие десятилетия в общественных отношениях»¹.

В нашей стране исторически сложилось так, что язык СМИ воспринимается обществом как образец для подражания. Эталонный приоритет печатного слова сохранился в какой-то мере до сих пор: можно говорить о том, что язык СМИ формирует языковые вкусы общества. Поэтому проблема использования в СМИ возможностей, заложенных в языковой системе, остается весьма актуальной. Особенно остро она воспринимается в наше время, в период становления гражданского общества. «Именно в газете опробовались и складывались особые приемы употребления языка, т.е. нетрадиционного отбора и композиции выразительных единиц»².

Понятно, что все это требует от журналистов умелого использования богатых возможностей русского языка. Журналист должен выбрать для передачи разнообразной информации, для наиболее эффективного воздействия на читателей те языковые и речевые средства выражения, которые помогут ему наиболее успешно решить стоящие перед ним социальные задачи, в том числе повышение общей и речевой культуры общества, и выполнить основную функцию СМИ – информационно-воздействующую.

Решение этой задачи во многом зависит от коммуникативной компетенции журналиста, хорошего знания им законов и правил русского языка и речевого общения. Наблюдения за использованием журналистами возможностей языка для успешного выполнения коммуникативных целей позволяют говорить, что, как и в любой другой сфере деятельности, в журналистской среде есть настоящие мастера своего дела и их становится все больше. Журналистика во многом преодолела кризис 90-х гг. XX в., когда в связи с общей демократизацией общества и желанием отойти от советского официоза в журналистику хлынула масса непрофессионалов,



создавших особый тип речевой культуры – литературно-жаргонизирующий³. Во многом именно этот процесс оказал большое влияние на состояние речевой культуры современного общества и позволил исследователям говорить о деградации, варваризации, вульгаризации русского языка. Сейчас таких оценок становится меньше. Все чаще говорят о двух тенденциях в развитии русского языка современности – о его демократизации и интеллектуализации.

В статье будут рассмотрены только некоторые аспекты заявленной в названии проблемы, касающиеся использования возможностей языка для реализации требований к точности и определенности передаваемой информации, организации полемики на страницах газет, а также создания эмоциональной тональности текста публикаций, усиливающей их воздействующую силу⁴.

Основной функцией, объединяющей средства массовой информации разных типов, считается информационная. Среди требований к качеству информации на первом месте стоят ее точность, определенность и достоверность. Как показывает анализ текстов современной прессы, журналистами далеко не всегда выполняются названные требования, поэтому задача соблюдения этих качеств не утратила своей актуальности. Это касается и объективной, предметно-логической стороны информации (передача истинных или заведомо ложных фактов, разные типы их искажения), и субъективной (выбор самих способов подачи информации, исключая точные указания на источник и способ ее получения). Часто журналисты выбирают те способы, которые делают сообщение весьма неопределенным, приблизительным, неточным, а иногда и просто неинформативным: *Ведь то, что у нас сегодня есть и на что опирается Путин, – это все же не то, что называется осознанным патриотизмом образованной личности* (ЛГ 2006. №27). Малознаменательные местоименные слова, используемые автором, делают информацию несодержательной, «пустой», плохо понимаемой, а поэтому и неинтересной читателю.

Такой же эффект создают и слова диффузные, имеющие очень широкую семантику, предельно обобщенные, формирующие так называемые «неясные высказывания»:

Обмен мнениями (какими?) прошел в напряженной обстановке. <...> Из-за бюрократической волокиты и несогласованности действий чиновников разного уровня (в чем это проявляется?) наши власти могут не успеть (а могут и успеть?) целиком освоить в этом году и без того не слишком большие средства (какие же?), выделенные на реализацию четырех национальных проектов (РГ 5.07.06). Читатель не получает никаких сведений, в чем же состоял обмен мнениями, какие вопросы конкретно обсуждались, какие недостатки выявлены и пр. Единственное, что узнает читатель из подобного сообщения, – это то, что встреча состоялась.

Причины появления таких неясных высказываний кроются, с одной стороны, в непрофессионализме авторов публикаций: они не сумели использовать те возможности языка, которые позволяют кратко, предельно конкретно передать важную информацию; с другой – в неуважении к читателю: журналист не заботится об интересах читателя, получателя информации, о том, чтобы оправдать ожидания массового адресата. Но неопределенность информации может быть и сознательным способом манипуляции читателем, результатом стремления с помощью предельно обобщенных, неконкретных формулировок уйти от прямого ответа на вопрос или просто скрыть какую-то важную информацию: *Но Сурков по причинам, о которых можно догадываться* (почему бы не поделиться ими с читателем, если зашла об этом речь?), *напротив, размахивает жупелом оранжевой угрозы* (МК 7.03.06). Здесь, вероятно, следует говорить об умелом использовании журналистом возможностей такого класса слов для решения своих коммуникативных задач. Другое дело, что эти задачи не соответствуют ожиданиям читателя, нарушают законы профессиональной этики.

Согласно кодексу речевого поведения, говорящий/автор должен сообщать достоверную информацию. Доказательством качества информации служат точно и определенно названный ее источник и способ получения⁵. Для реализации этих смыслов в русском языке существуют специальные средства, так называемые авторизирующие конструкции⁶. В современной прессе журналисты могут воспользоваться самыми разнообразными



авторизующими конструкциями – от наиболее информативных целых предикативных единиц до слов типа *мол, дескать, де* и т.п.: *Недавно президент Путин, отвечая на вопросы прессы, сказал, что мы должны знать, что о нас говорят* (ЛГ 2006. №5); *«РГ» уже не раз писала об этом громком деле* (РГ 27.12.05); *Собственно, и интервью, по большому счету, давалось ради одного тезиса: мол, если сегодня Москва оставит без энергоресурсов Белоруссию, то завтра может перекрыть кран и Западу* (Изв. 29.01.07).

Широкая употребительность авторизующих конструкций подчеркивает объективность сообщаемой информации, создает эффект ее достоверности, точности и тем самым усиливает степень воздействия на читателя. Кроме того, эти конструкции дают возможность читателю проверить в случае необходимости достоверность сообщаемой информации. «Данный метод используется, когда содержание материалов не может опираться на опыт читателя как фактор достоверности, и поэтому требуется указание на «достоверный» с точки зрения читателя источник информации, уже интерпретировавший ее таким же образом»⁷.

Авторизующие конструкции позволяют журналисту объяснить, интерпретировать сообщаемое (причем, ему не нужно для этого придумывать какие-то свои слова, он может воспользоваться уже сказанным кем-то). Он может организовать полемику на страницах газеты, отразить позиции своих оппонентов, убедить в правильности своего мнения ссылкой на авторитетное мнение, привлечь читателя на свою сторону, используя для этого самые разные существующие в языке приемы введения чужого слова в текст: прямую или косвенную речь, тематическую речь, собственно-прямую речь.

В то же время, как это ни парадоксально, авторизующие конструкции в прессе используются журналистами как одно из активных средств манипуляции читателем. С их помощью сообщения фактически дезавторизуются. Журналисты включают в текст авторизующие конструкции для того, чтобы не называть точно автора чужой информации или оценки, мнения (это иногда необходимо

журналисту) и в то же время сохранить видимость максимальной достоверности информации. Эффекта дезавторизации журналист, например, может достичь путем использования двусоставной предикативной единицы (как самостоятельной, так и в составе сложноподчиненного предложения), в которой позицию субъекта-источника информации занимают слова обобщенной или неопределенной семантики. Чаще всего это номинации некоей общности лиц, в которую входит иногда и автор сообщения. Такой способ «авторизации» информации вызывает порой возмущение и самих журналистов: *Все-таки в течение двух месяцев кряду потрясать мир исключительно цитатами из неназванных представителей британской власти – и хоть бы один представитель назвался, – это начинает прискучивать. Сообщение о том, что «Весь Лондон был свидетель злодеяния, // Все граждане согласно показали <...> – это уже кризис жанра* (Изв. 1.02.07).

Этот прием позволяет журналисту уйти от личной ответственности за достоверность непроверенной информации (попробуй ее проверить!), подчеркнуть, что сказанное является обобщенным мнением, мнением всех членов общества. И, как нам представляется, здесь тоже проявляется неуважение к получателю информации, стремление манипулировать его мнением, заставить домысливать лишнее.

Для передачи непроверенной информации выбирается речевой жанр «слухи». На это явление обращает свое внимание и В.Г. Костомаров, который пишет: «Характер вида массовой коммуникации приобрели “закулисные” разговоры, распространяющие правдивые или злостные слухи и сплетни: отнюдь не только в шутку их принимают за законный вид массовой коммуникации, даже за один из самых оперативных и действенных каналов массового распространения информации»⁸. Может быть, именно поэтому степень доверия в обществе к публикуемым слухам увеличилась. Газеты приняли на себя функцию продуцирования слухов, превратились фактически в орган, фабрикующий определенные слухи, распространяющий и культивирующий их.



Далеко не всегда читателю открыто дают понять, что передаваемая информация является недостоверной, непроверенной. Чаще в газете слухи подаются в косвенной форме. Вот, например, как «неопределенно-обобщенно» (как и положено в слухах) может быть выражен субъект авторизирующих конструкций: *Но многие люди, знающие Путина, уверены, что у него нет стремления бесконечно долго оставаться на капитанском мостике. Мол, заявления ВВП о его верности Конституции делаются вовсе не для красного словца; Некоторые эксперты считают, впрочем, что формальные преобразования политической системы мало влияют на суть российского режима. Мол, назови его хоть халифатом или конституционной монархией, править будут все равно те же люди, что и сейчас, – питерские* (МК 15.03.05); *Среди осведомленных правительственных чиновников этот звонок Медведева вызвал шквал комментариев...* (МК 10.01.06).

Современная пресса буквально пронизана полемичностью. Полемичность свойственна не только диалогическому общению на страницах газет (различные интервью, круглые столы, диалоги, клубы – это наиболее распространенные газетные жанры), но и монологическим текстам, в которых активно используются журналистами средства диалогичности. Авторы публикаций представляют в них различные точки зрения на важные проблемы жизни страны, отражают позиции своих оппонентов. Реализовать эти коммуникативные цели журналистам помогают предоставляемые языком различные способы включения в текст чужого слова, что в современной прессе уже становится сознательным стилистическим приемом. Умелое и разнообразное введение «чужих голосов» – показатель профессионализма журналиста. Они оживляют текст, создают атмосферу непринужденного (иногда даже раскованного) общения с читателем, усиливают экспрессивность газетного текста, тем самым помогая журналисту эффективно воздействовать на читателя, вовлекая его в дискуссию.

Авторы аналитических материалов в газете (именно такие материалы явились объектом наших наблюдений) дают оценки предлагаемым властью нововведениям, часто

полемизируя с их сторонниками. В подобных случаях основная цель журналиста не просто отстоять свою точку зрения на рассматриваемую проблему (хотя это для него, безусловно, важно), но и привлечь внимание читателей на те или иные социально значимые действия и заявления, «предать гласности отрицательную оценку объекта, испортить его репутацию»⁹. Иными словами, это публичное осуждение, а порой и разоблачение в печати деятельности, взглядов, мнений чаще всего известных лиц, в том числе и представителей власти. Автор выстраивает полемику в соответствии со своими коммуникативными задачами, по своему усмотрению выбирая разные точки зрения.

Иногда полемика просто описывается с помощью разнообразных авторизирующих конструкций с глаголами речи, знания, мнения. Это могут быть экспрессивно окрашенные глаголы: *Разгорается традиционный спор ЦБ и Минфина по поводу того, какие факторы виноваты в раскрутке инфляции: монетарные или немонетарные. А чиновники все бубнят и бубнят* (Изв. 28.06.05); *Наши чиновники на это упорно молчат. В Минпромэнерго, в МИДе, в Совбезе, в МЭРТе считают, что на эту тему говорить нечего. Иванов сказал лишь, что «Москва серьезно настроена расширить связи с Тегераном во всех областях»...* (Изв. 30.01.07).

Но на страницах газет настоящая полемика может не только описываться, но и вестись открыто. Причем в полемике находят отражение характерные для СМИ особенности адресата: здесь очень мало полемики с конкретным оппонентом, а если она имеет место, то, как правило, оппонент является известным обществу лицом. Обычно журналист выбирает для полемики неопределенно-обобщенного, «фантомного» оппонента – власть всех видов, социальную или партийную группу, неуловимое общественное мнение: *Советская система пропаганды и агитации страдала многими пороками. О них нужно помнить, чтобы не наступать на те же грабли. Но у нее было одно преимущество. Она существовала* (ЛГ 2006. №5).

В газете журналистами широко используются конструкции скрытой полемики. Завуалированность ее заключается в отсутствии прямого указания на того, с кем не со-



гласен автор публикации, кому он возражает, чье мнение оспаривает. Фактически в таких случаях скрытый оппонент – власть, но не как собрание конкретных личностей, а как нечто фантомное, как некая сила, которая определяет характер общественно-политических и социальных процессов, сила, по мнению авторов публикаций, чаще всего негативная. Журналист просто дает резко отрицательную оценку каких-то социально значимых событий, явлений, действий, но не указывает, чьи действия привели к негативным последствиям. Оценки (социальная оценочность пронизывает газетные публикации в современной прессе) становятся одной из важнейших составляющих скрытой полемики: *Просто хочется сказать, что нельзя же так беспардонно плодить пошлость и невежество. Надо все-таки поставить на их пути какие-то заслоны, барьеры, препоны, заградотряды или хотя бы вкус и элементарные знания* (РГ 7.07.05); *Не все нынче, скажу помягче, меня радует. Но сдвиги есть* (ЛГ 2007. №2). Оценка бывает сформулирована и не вполне корректно, подчас даже оскорбительно, что приводит к нарушению элементарных этических норм общения: *Это же преступный абсурд!* (ЛГ 1998. №14); *Да это, простите, настоящее свинство* (ЛГ 2001. №8); *Абсурд. Дикость, которую мы тащим по инерции из дремучего прошлого* (МК 6.02.06). Следует признать, что в качественных газетах последних лет такого рода оценки редки.

Гораздо чаще в скрытой полемике журналисты используют всевозможные способы непрямой коммуникации: иронию, намек, колкость, издевку: *Начали с того, что «освободили людей от непосильного подоходного обложения». В результате мы – чуть ли не единственная с виду цивилизованная страна, где бедные платят такой же (в процентах) подоходный налог, что и богатые!* (ЛГ 2005. №26); *Сегодня мы строим новые институты, основанные на базовых принципах полноценной демократии. Демократии – без ненужных дополнительных определений* (Изв. 29.01.07). В последнем примере намек становится понятным только тем читателям, которые внимательно следят за полемикой в верхах по поводу термина «суверенная демократия». Другие читатели намек, конечно, не поймут.

Активно используются, особенно для создания иронии, кавычки: *С помощью «выборов» (тарифы на которые в избытке размещались на соответствующих сайтах) можно было взять на кормление район, город, область, поиметь месторождения, отрасль* (ЛГ 2005. №33); *А значит, наши «реальные» доходы сразу же превращаются в ирреальные.* (ЛГ 2007. №1); *В Пенсионном фонде появились «ничейные» деньги* (РГ 6.10.06); *В конце 2005 года разразилась «маленькая победоносная война» России с Украиной* (РГ 11.01.06).

Русский язык предоставляет широкие возможности не только для передачи и оценки информации, но и для выражения самых разных эмоций автора. Любой газетный текст эмоционален, так как это важный фактор эффективности воздействия на читателя. Можно различать только уровень, степень проявления эмоциональной тональности. По нашим наблюдениям, даже информационные сообщения в прессе не лишены эмоциональности: сам подбор фактов и событий для передачи информации часто актуализирует реакцию журналиста и читателя на них, а эмоции и возникают как реакция на некоторую ситуацию во внешнем мире.

Особенностью эмоциональной составляющей газетного текста является намеренная демонстрация эмоционального отношения автора к сообщаемому. Но журналист использует ее не столько для самовыражения, сколько для решения главной стратегической цели газетного текста – социального воздействия на читателя. Эмоциональная тональность газетного текста носит адресный социальный характер. Для журналиста самое важное – повлиять на восприятие, понимание и оценку сообщения, стимулировать у читателя заданную им эмоциональную реакцию.

Для создания эмоциональной окраски текста он отбирает весьма разнообразные лексические, синтаксические, стилистические, графические средства из широкого арсенала возможностей, предоставляемых русским языком. Это не только лексемы с эмоциональной семантикой и нейтральные слова, приобретающие эмотивные коннотации в тексте, но и эмоционально-экспрессивные грамматические формы, эмотивные высказывания и коммуникативы,



специфические синтаксические конструкции, образные средства, особые способы построения текста.

Выбор этих средств определяется многими причинами: конкретными целями данной публикации, ее социальной важностью, идиостилем автора, типом его личности, особенностями темперамента и др.

Журналист может выбрать, на первый взгляд, чисто рациональные способы создания эмоциональной тональности текста, в том числе и рациональную аргументацию своей точки зрения, строгую логичность и доказательность предлагаемого взгляда на проблему и пути ее решения, апелляцию к фактам не только российской, но и мировой истории. Для этого он использует различные средства субъективной модальности, которые служат для передачи отношения автора к сообщаемому. Чаще всего это долженствование, категорическая модальность, реже модальность возможности, но это, как правило, рекомендательная возможность. Такая модальность объясняется желанием разобратся вместе с читателем в чрезвычайно сложной и дискуссионной проблеме, предложить и аргументировать возможные варианты её решения, а иногда и подсказать выход из тупика.

Всю цепь доказательств (и каждый аргумент в отдельности) своего взгляда журналист обычно сопровождает оценками, многие из которых весьма экспрессивны и открыты. С этой целью он использует и прецедентные феномены, и разговорные оценки, и яркие эпитеты, и развернутые метафоры, а данные образные средства, как известно, всегда сигналы эмоционального отношения к сообщаемому или эмоционального состояния пишущего. Автору важно выразить своё эмоциональное состояние прежде всего для того, чтобы вызвать подобное же чувство у читателей.

В результате, несмотря на очень логично выстроенную цепь рациональных аргументов, специальные метатекстовые показатели логической последовательности изложения мыслей, спокойный в целом тон публикаций, не содержащих специальной эмотивной лексики и эмотивных высказываний и коммуникативов, совместным употреблением разнообразных средств оценки журна-

лист может создать достаточно высокий уровень эмоциональной тональности текста: *Основную часть доходов в России получают не те, кто производит товары и оказывает услуги, а «смотрящие»: сидящие на «трубе», на финансовых потоках, на теплых местах в администрациях разных уровней. Достойные заработки наблюдаются лишь в экспортно-ориентированных отраслях. То есть там, где работают для чужого дяди, а не для своего брата* (МК 10.03.06).

Эмоциональность текста может быть обеспечена и другим путем – абсолютно открытым прямым выражением своих собственных эмоций. С этой целью журналист использует специальные эмотивные высказывания, что, безусловно, не может не зарядить читателя, не создать нужную автору эмоциональную волну, сквозь призму которой его собеседник и будет воспринимать сообщение. Журналист выбирает для решения поставленных коммуникативных задач тональность доверительной беседы с читателем, причем беседы с потенциальным сторонником его взглядов: *Да и зачем нам иностранные деньги, если сейчас и свои выглядят совсем неплохо?* (Изв. 31.01.07); *Поговорим сегодня на тему, по которой в последние дни не высказался только ленивый* (РГ 5.10.06). Доверительность создает эмоциональную тональность симпатии к читателю: автор надеется на его поддержку и одобрение, согласие с предлагаемым взглядом на положение вещей. Этим объясняется большое количество разговорных элементов, характерных прежде всего для дружеской неофициальной беседы: *А вы знаете, кого он мне нынче напомнил? Он нас напоминает* (ЛГ 2005. №28); *Кому неймется затеять еще одну войну?! Ради чего?* (РГ 24.01.06). Эффект доверительной беседы с читателем создают многочисленные метатекстовые конструкции самых разных типов, часто разъясняющие позицию автора, демонстрирующие его чувства: *Хотелось бы обратить внимание на позицию Министерства культуры. Она удивляет своей индифферентностью. Попросту говоря, никакая позиция!* (МК 6.10.06); *Я все время думаю: почему за последние двадцать лет не произошло нового прорыва в нашей педагогике?* (РГ 17.10.06).



Эмоционально заряжают читателя и многочисленные сравнения и метафоры, часто развернутые, передающие самые разные эмоции – от возмущения, злости, презрения до гнева: *А то ведь какой фасон для меня скроили: без порток, но со Стабфондом! Неприкасаемым* (ЛГ 2005. №28); *Имидж упал и не отжался, а для того, чтобы он отжался, надо что-то предпринимать* (Изв. 31.01.07). Особенно эмоциональны абсурдные сравнения, усиленные параллельными конструкциями и повторами, построенные на антитезе: *В конце концов что такого ужасного для России может сделать Юценко и что такого прекрасного может сделать Янукович? Юценко не предъявит претензий ни на один метр краснодарской земли – так и Янукович не отдаст России ни метра земли крымской.* <...> *Юценко не объявит английский вторым государственным языком – как и Янукович не объявит таким языком русский.* <...> (РГ 15.06.04).

Эти средства помогают читателю легко определить эмоциональное состояние автора. В результате формируется единое эмоциональное пространство автора и читателя, а, значит, усиливается воздействие на массового адресата.

Наши наблюдения над различными аспектами газетных публикаций позволяют говорить о том, что при наличии определенного уровня коммуникативной компетенции

и речевой культуры журналист всегда имеет возможность умело и эффективно использовать то богатство, которое предоставляет ему русский язык для реализации любых сложных целей газетных публикаций. Недостаток профессиональных качеств сразу сказывается на качестве публикаций и приводит к снижению возможностей воздействия прессы на общество.

Примечания

- ¹ Малькова В.К. «Сказанное слово не бывает неслышанным» // Мир русского слова. 2002. №5. С.14.
- ² Костомаров В.Г. Наш язык в действии. М., 2005. С.190.
- ³ См.: Сиротина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып.2.
- ⁴ См. об этом: Кормилицина М.А. О некоторых активных приемах введения чужого слова в тексты современной прессы // Русский язык на рубеже тысячелетий. СПб., 2001; Она же. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Русский язык сегодня – 2. М., 2003; Она же. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной прессе // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып.3.
- ⁵ См.: Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.
- ⁶ См.: Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- ⁷ Манаенко С.А. Достоверность аналитического текста в публицистике: языковой аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы. М., 2004. С.436.
- ⁸ Костомаров В.Г. Наш язык в действии. С.190.
- ⁹ Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. М., 1993. С.3.

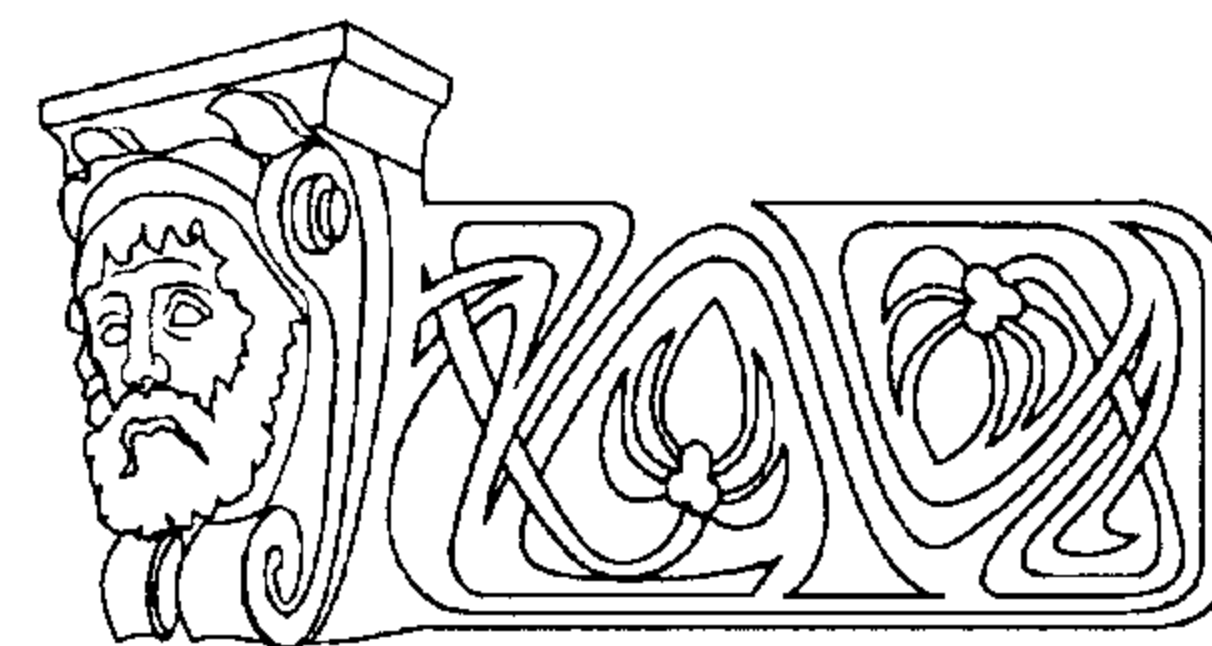
УДК 808.2-06

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА И ВОЗМОЖНОСТЬ ТЕСТИРОВАНИЯ ЕЕ УРОВНЯ

Т.А. Милёхина

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: rusyazsgu@mail.ru

В связи со значительным расслоением речевой культуры современных студентов возникает необходимость создания тестов, определяющих не только знание норм русского языка, но и тип речевой культуры студента. В статье обосновываются теоретические предпосылки создания таких тестов и предлагаются их примерные образцы.



Testing the Level of Speech Culture

T.A. Milekhina

With increasing differentiation in current students' speech culture, we face a need to develop tests that would not only show the level of students' knowledge of the Russian language norms, but classify the type of speech culture he/she belongs to. The article offers the theoretical basis and certain models for such tests.



Эмоционально заряжают читателя и многочисленные сравнения и метафоры, часто развернутые, передающие самые разные эмоции – от возмущения, злости, презрения до гнева: *А то ведь какой фасон для меня скроили: без порток, но со Стабфондом! Неприкасаемым* (ЛГ 2005. №28); *Имидж упал и не отжался, а для того, чтобы он отжался, надо что-то предпринимать* (Изв. 31.01.07). Особенно эмоциональны абсурдные сравнения, усиленные параллельными конструкциями и повторами, построенные на антитезе: *В конце концов что такого ужасного для России может сделать Юценко и что такого прекрасного может сделать Янукович? Юценко не предъявит претензий ни на один метр краснодарской земли – так и Янукович не отдаст России ни метра земли крымской.* <...> *Юценко не объявит английский вторым государственным языком – как и Янукович не объявит таким языком русский.* <...> (РГ 15.06.04).

Эти средства помогают читателю легко определить эмоциональное состояние автора. В результате формируется единое эмоциональное пространство автора и читателя, а, значит, усиливается воздействие на массового адресата.

Наши наблюдения над различными аспектами газетных публикаций позволяют говорить о том, что при наличии определенного уровня коммуникативной компетенции

и речевой культуры журналист всегда имеет возможность умело и эффективно использовать то богатство, которое предоставляет ему русский язык для реализации любых сложных целей газетных публикаций. Недостаток профессиональных качеств сразу сказывается на качестве публикаций и приводит к снижению возможностей воздействия прессы на общество.

Примечания

- ¹ Малькова В.К. «Сказанное слово не бывает неслышанным» // Мир русского слова. 2002. №5. С.14.
- ² Костомаров В.Г. Наш язык в действии. М., 2005. С.190.
- ³ См.: Сиротина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып.2.
- ⁴ См. об этом: Кормилицина М.А. О некоторых активных приемах введения чужого слова в тексты современной прессы // Русский язык на рубеже тысячелетий. СПб., 2001; Она же. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Русский язык сегодня – 2. М., 2003; Она же. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной прессе // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып.3.
- ⁵ См.: Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.
- ⁶ См.: Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- ⁷ Манаенко С.А. Достоверность аналитического текста в публицистике: языковой аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы. М., 2004. С.436.
- ⁸ Костомаров В.Г. Наш язык в действии. С.190.
- ⁹ Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. М., 1993. С.3.

УДК 808.2-06

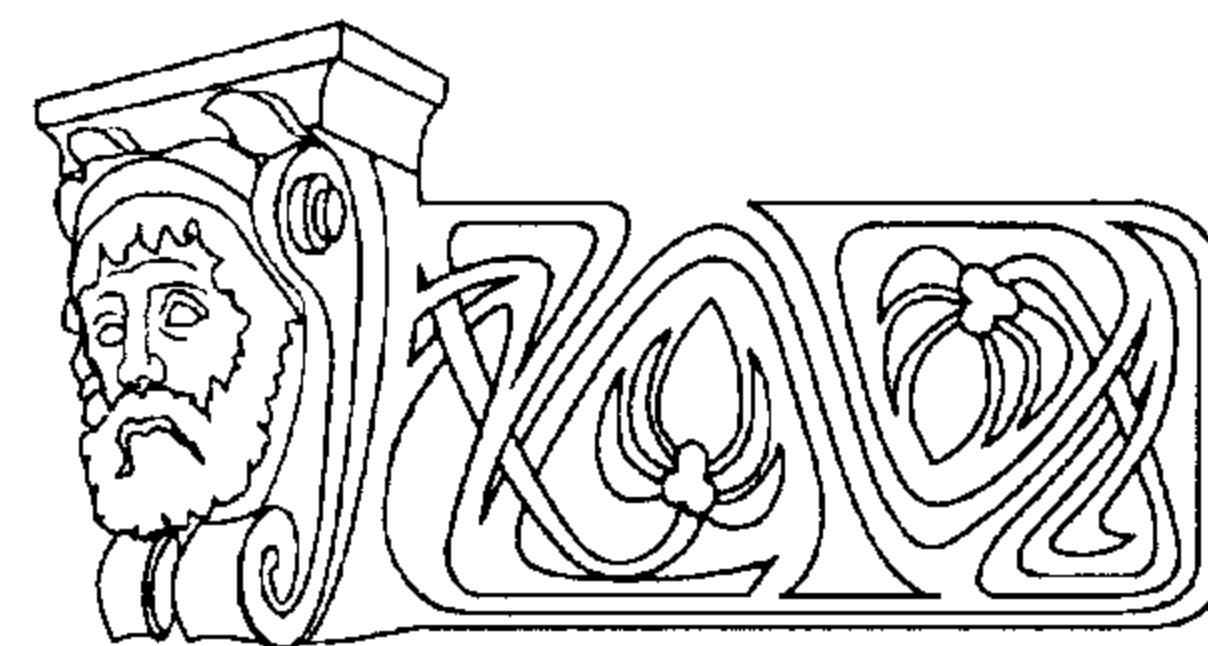
РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА И ВОЗМОЖНОСТЬ ТЕСТИРОВАНИЯ ЕЕ УРОВНЯ

Т.А. Милёхина

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: rusyazsgu@mail.ru

В связи со значительным расслоением речевой культуры современных студентов возникает необходимость создания тестов, определяющих не только знание норм русского языка, но и тип речевой культуры студента. В статье обосновываются теоретические предпосылки создания таких тестов и предлагаются их примерные образцы.

© Т.А. Милёхина, 2007



Testing the Level of Speech Culture

T.A. Milekhina

With increasing differentiation in current students' speech culture, we face a need to develop tests that would not only show the level of students' knowledge of the Russian language norms, but classify the type of speech culture he/she belongs to. The article offers the theoretical basis and certain models for such tests.



Языковая ситуация в России настоятельно требует кардинально новых подходов к преподаванию русского языка в вузе, что актуально в официально объявленный Президентом РФ Год русского языка. Если пять–шесть лет назад ответы студентов характеризовались незнанием чего-то, недостаточным владением сутью предмета, то в последнее время преподаватели всё чаще сталкиваются со значительным понижением уровня общей и речевой культуры. Особенно заметно это в практике преподавания курса «Русский язык и культура речи».

Огромное влияние на речевую культуру студентов оказывает качественное изменение информационно-культурного пространства, центральное место в формировании которого занимают теперь герои американских блокбастеров, телевизионная реклама, телепередачи типа «Дом-2», «Comedy club», популярные сериалы. Уходят в прошлое традиционная прецедентность, традиционная ассоциативность, общая культурная апперцепция, на протяжении многих десятилетий объединявшие разные поколения россиян. Неизвестными становятся цитаты из классических произведений, входящих в школьную программу (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой). Упоминание в лекции автора «Одиссеи» и «Илиады» вызывает в студенческой аудитории (разумеется, «в шутку») ассоциации с одним из героев американского мультфильма «Симпсоны» – Гомером Симпсоном. За пределами внимания большей части молодёжи находятся такие имена, как, например, Кобо Абэ, Камилль Коро, Маковский, такие понятия, как *рококо*, *реквием*, которые к тому же произносятся как *ракОко*, *реквиеМ*. Деформации подвергается не только внешний (*итруски* вместо *этруски*), но и внутренний облик слов (*этруски* – *народ вроде эстонцев*).

Меняется культурно-этикетная компонента образовательного диалога студент–преподаватель, коммуникативно-этические нормы поведения студентов. Отвечая на вопрос преподавателя: – *Дайте определение фонемы*, – студент может переспросить: – *В смысле?*; ответить – *Ну уж этого я не знаю*, – поинтересоваться у преподавателя: – *Ну / как / отдыхаем?* (Примеры заимство-

ваны из практики работы доцентов кафедры русского языка и речевой коммуникации Г.С. Куликовой и Е.П. Захаровой.)

Всё более очевидными становятся экстралингвистические причины расслоения современной студенческой аудитории. На одном курсе оказываются студенты, имеющие диаметрально разный уровень общей и речевой культуры. Так, преподаватель, объясняющий законы коммуникации, вынужден отвечать на вопросы типа *Почему неправильно говорить ехай или я кушаю*.

Парадоксально, но одновременно всё больше современных студентов свободно владеет даже не одним, а несколькими иностранными языками (например, филологи изучают не только английский, французский и немецкий, но и польский, турецкий, итальянский), в то время как, говоря на своём родном, допускает неправильности и прямые ошибки, позволяет себе грубость и вульгаризмы. Сложившееся положение наносит огромный вред внешнему имиджу нашей страны. Русская культура, литература, русский язык являются ценностями общемирового значения. Самой распространённой мотивацией изучения русского языка иностранцами выступает именно интерес, восхищение и любовь к великой русской культуре, которую в современной России, и это факт, удаётся обнаружить с трудом.

Как это ни странно, низкий уровень речевой культуры современного студента поддерживается и его вооружённостью техническими новшествами. Распространение Интернета в качестве источника информации приводит к тому, что студенты отвыкают от изложения какой-либо авторской точки зрения, как это принято в научном стиле, и ссылаются не на научную статью или монографию, а на сайт Интернета, содержащий зачастую абсолютно не авторитетные для науки сведения. Пережитком прошлого становятся традиционные виды работ, характерные для системы вузовского преподавания (реферирование научной литературы), поскольку специализированные Интернет-сайты переполнены готовыми работами такого профиля на любую тему, часто их выдаёт очень низкое качество. Широкое распространение получают все виды списывания,



в том числе и наиболее модернизированный и популярный – с помощью мобильного телефона.

Знания, которые студент получает традиционным объяснительно-иллюстративным методом, лекционными материалами, часто уже не работают, не дают положительной отдачи, превращаются во вчерашний день образования. Привычные, свойственные отечественной вузовской системе образования формы опроса также теряют актуальный смысл. Встаёт вопрос об адекватной деятельности преподавателя, который должен получить объективную картину знаний студента. В этих условиях востребованными становятся практические виды работ, выявляющие реальный уровень знаний студентов.

В то же время ценность и значимость фундаментального классического образования возрастает неимоверно. Обществу нужны профессионалы высокого класса. Качественные, глубокие и одновременно современные знания приобретают статус коммерческого продукта, владея которым, сегодняшние студенты, а завтрашние специалисты смогут занимать ведущие позиции на рынке труда. Особую ценность в этом смысле приобретает именно речевая культура человека, не обладая которой невозможно добиться прочного карьерного роста.

В связи с этим возникает насущная потребность в создании чёткого практического механизма, позволяющего определить уровень речевой культуры конкретного студента. Следует создать серию тестов – своеобразных фильтров, устанавливающих принадлежность студента к тому или иному типу речевой культуры. В качестве теоретической основы такого подхода может быть использована теория типов речевых культур (см.: *Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов. М., 2003*), суть которой заключается в том, что степень владения литературным языком может быть различной. Система тестирования поможет установить объём необходимых знаний, которыми должен владеть студент, выявить минимальный, предельно допустимый, средний и высокий уровни речевой культуры.

Конкретная структура тестов, диагностирующих тип речевой культуры, нуждается в длительном процессе тщательной разра-

ботки, но общая концепция уже понятна. В структуре теста должна присутствовать общекультурная часть, так называемый культурологический блок, выявляющий общую эрудицию личности. Вторым, но центральным по значимости сегментом теста является блок, определяющий знание норм русского языка. Особую сложность представляет состав третьего, коммуникативно-этического блока, в котором содержатся типовые, значимые для повседневного общения ситуации, в которых также обнаруживается тип речевой культуры. Для высокого уровня речевой культуры требуется владение и риторическими навыками.

Приведём образцы заданий, которые могут, на наш взгляд, составить культурологический блок теста: назовите область знания, в которой прославились, достигли значимых результатов следующие люди (*Вавилов, Рерих, Эйзенштейн, Врубель, Мандельштам*); укажите, к каким областям общечеловеческих знаний принадлежат следующие понятия и что обозначают слова (*фонема, гипотенуза, молекула, импрессионизм, вектор, роstralный, ренессанс, депортация, декодировать, оракул, панегирик*); расскажите, чем прославились в истории общемировой культуры следующие города (*Венеция, Афины, Лиссабон, Петербург, Нюрнберг*); назовите художественные тексты, из которых взяты следующие цитаты (*Привычка свыше нам дана: Замена счастию она; притча во языцех; Наш паровоз, вперёд лети! В коммуне остановка*); назовите авторов произведений, из которых в общую культуру вошли следующие имена собственные (*Левша, Держиморда, Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, Шехерезада*); каково значение следующих фразеологизмов (*гордиев узел, прокрустово ложе, узы Гименея, вавилонское столпотворение, лебедь, рак и щука*).

Нормативный блок достаточно традиционен и содержит задания, которые и сейчас активно используются в курсе «Русский язык и культура речи». Например: поставьте ударения в словах (*сабо, факсимиле, танцовщица, усугубить, маркетинг, оптовый, начат, ракушка, премировать, лососёвый, мастерски, алкоголь, жalousи, досуг*); укажите правильное произношение слов, дайте,



если возможно, варианты произношения (*шинель, деканат, компьютер, термин, беже, бестселлер, бижутерия, плеер, варьете, гипотетический, гротеск, беспрецедентный, альтернатива, стресс, синтез, резюме, компетенция, грейпфрут*); покажите различия в употреблении глаголов (*заплатить – оплатить – уплатить; есть – кушать; предоставить – представить*); составьте словосочетания со словами (*альтернатива, доказательство, обсуждение*); установите род аббревиатур (*СНГ, СССР, ОМОН, МАГАТЭ*); дайте правильные формы родительного падежа множественного числа (*грузины, баклажаны, ружья, турки*); правильно употребите числительные (*У (оба) стран есть проблемы с экологией. (Три, трое) котят уже открыли глаза. (Два, двое) студентов получили именные стипендии в этом году. (Четыре, четверо) суток мы пробирались по глухой тайге. Если к 25367 прибавить 46838, то получится 72205. (Оба) дочерям удалось поступить в университет в этом году. Сейчас идёт 2007 год*); дайте правильную форму сказуемого (*Несколько фотографий (висело – висели) над столом. В соревнованиях (участвовало – участвовали) всего 25 спортсменов. Большинство моих друзей (было – были) студентами старших курсов*).

Традиционные формы заданий будут дифференцированы в зависимости от типа речевой культуры тестируемого. Так, для носителя среднелитературного типа речевой культуры достаточно выполнение следующих заданий: назовите правильные формы именительного падежа множественного числа (*договор, лектор, крем, крендель, счёт*); назовите правильные формы родительного падежа множественного числа (*места, помидоры, носки, чулки, ботинки*); поставьте глаголы в нужную форму будущего времени (*Щенок (лечь) под диван и урчит. Я (захватить) к тебе вечером. Мать (зажечь) все лампы. Я (замесить) тесто, а потом отдохну. Если вода (затечь) под ванну, её трудно будет собрать. Когда мы (захотеть), тогда и (лечь) отдохнуть*).

Носители неполнофункционального типа речевой культуры должны показать знания более высокого уровня, например: в чём вы видите различия в значениях слов (*главный – заглавный; экономный – экономичный –*

экономический; праздничный – праздный; тактичный – тактический; значение – значимость; патронат – патронаж).

Способ дифференциации заданий – дело ближайшего будущего, но уже сейчас можно наметить общие принципы такого размежевания. В речи носителей полнофункционального типа речевой культуры ошибки должны практически отсутствовать. Носители неполнофункционального типа речевой культуры грубых произносительных ошибок не должны допускать, но могут произнести: *продАли, пОдали, уведоМИли, вы абсолютно правЫ*; ошибиться в согласовании сказуемого *прошлО ряд собраний*. Среднелитературный тип речевой культуры предполагает более широкий и стабильный круг неправильностей, большое количество грубых и разнотипных ошибок: *звОнит, шинЭль, тЭрмины, с проверкИМИ, с Москвы, с Турции, с Китая, в корнЮ, ездию, поехай*. Обычно для носителей данного типа культуры наличие просторечных вкраплений: *заместо, маркИми, де-нЮжки, плОтит, вотта*. Неправильно используются слова: *представление услуг; представление товара; предоставлены желания; качество покупателя выросло; товары детской направленности*.

Коммуникативно-этический блок представляет собой набор ситуаций, в которых необходимо проявить себя, обнаружив коммуникативные навыки, например: *обратитесь к незнакомому человеку на улице с просьбой о помощи; сделайте комплимент женщине, старшей по возрасту и служебному положению; выразите соболезнование; поздравьте друга с днём рождения; произнесите тост*. Данные задания могут составить элементарный уровень тестирования. На следующих уровнях задания усложняются, включаются разнообразные жанры современной речи: *подготовьтесь к собеседованию при приёме на работу; примите участие в дискуссии на тему*. Риторические умения являются частью теста на владение высоким уровнем речевой культуры и предполагают ответ на такие вопросы, как, например: *как вы поведёте себя, если есть то, с чем вы не можете согласиться – как вы построите ваши возражения?*

Разумеется, приведённая примерная структура теста – это только предварительная общая схема, нуждающаяся в коррекции



и доработке. Однако уже сейчас можно сказать, что планомерная работа по созданию тестов, рассчитанных на определение по крайней мере трёх (полнофункционального, неполнофункционального и среднелитературного), наиболее актуальных типов речевой культуры, предполагает решение нескольких задач. Первоочередной задачей является проведение пробного тестирования, способного выявить тип речевой культуры, наиболее распространённый в конкретной студенческой аудитории. Анализ результатов пробного тестирования будет способствовать созданию тестов, ориентированных на разные типы речевой культуры. Апробация тестов суммирует реальную степень отмечаемого специалистами расхождения ортодоксальных норм и речевого узуса. В перспективе необходимо создание профильных тестов,

включающих, например, специализированные типы жанров, распространённых в специальных областях речевой деятельности (например, презентации для менеджеров по гостиничному сервису и туризму, дискуссии, интервью, беседы для журналистов) с набором соответствующих языковых средств, речевых стратегий и тактик.

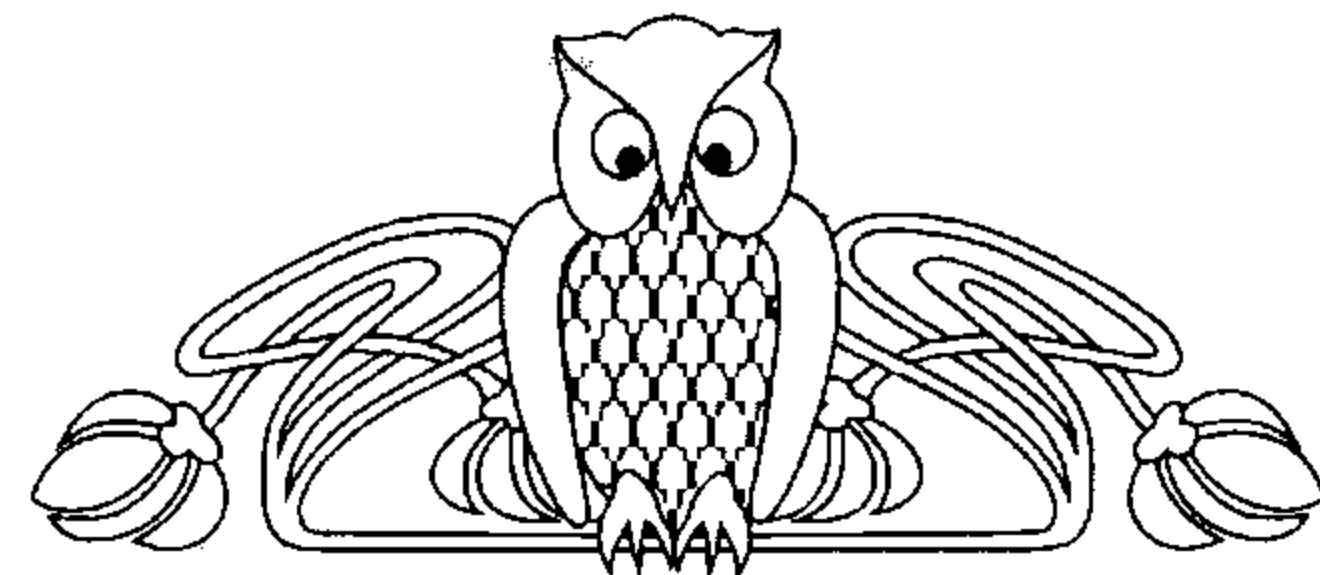
Работа по созданию тестов, определяющих тип речевой культуры, направлена не только на студенческую аудиторию, но имеет гораздо более широкую сферу применения. Представители самых разных специальностей и профессий должны отдавать себе отчёт в степени владения русским литературным языком. Поэтому тестирование необходимо всем носителям языка, особенно представителям публичных профессий – журналистам, политикам, предпринимателям.

УДК [316.74:808.2](470.44)

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ПО ДАННЫМ «АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ ШКОЛЬНИКОВ САРАТОВА И САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ»¹

В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: goldinve@yandex.ru
sdobnovaap@yandex.ru



В статье обосновывается положение о том, что возрастные изменения психологического значения слова имеют закономерный характер. Определены четыре основных типа таких изменений. При этом как массовые ассоциативные эксперименты, так и лонгитюдные исследования ассоциативных полей отдельных школьников свидетельствуют о постепенном сближении ассоциативно-вербальной сети школьников с ассоциативно-вербальной сетью взрослых носителей языка.

Dynamics of Linguistic Mentality of Modern Youth According to the Data of the *Dictionary of Associations of Schoolchildren of Saratov and Saratov Region*

V.E. Goldin, A.P. Sdobnova

The article treats the age changes in the psychological meaning of words as a natural phenomenon. Four types of such changes are distinguished. Both mass associative experiments and longitude study of associative fields of individuals give evidence of gradual convergence of the associative verbal net of schoolchildren with the associative verbal net of adult speakers.

Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области (АСШС) – реализуемый в Саратовском государственном университете научный проект, уникальность которого определяется следующими его особенностями:

1) в настоящее время это единственный словарь, в котором отражены ассоциативные реакции русских школьников всех возрастных групп;

2) словарь представляет собой электронную базу данных, чем обеспечивается получение различного рода выборок на представленном в базе массиве реакций и пополнение словаря новым материалом;

3) в отличие от других русских ассоциативных словарей в АСШС зафиксированы



и доработке. Однако уже сейчас можно сказать, что планомерная работа по созданию тестов, рассчитанных на определение по крайней мере трёх (полнофункционального, неполнофункционального и среднелитературного), наиболее актуальных типов речевой культуры, предполагает решение нескольких задач. Первоочередной задачей является проведение пробного тестирования, способного выявить тип речевой культуры, наиболее распространённый в конкретной студенческой аудитории. Анализ результатов пробного тестирования будет способствовать созданию тестов, ориентированных на разные типы речевой культуры. Апробация тестов суммирует реальную степень отмечаемого специалистами расхождения ортодоксальных норм и речевого узуса. В перспективе необходимо создание профильных тестов,

включающих, например, специализированные типы жанров, распространённых в специальных областях речевой деятельности (например, презентации для менеджеров по гостиничному сервису и туризму, дискуссии, интервью, беседы для журналистов) с набором соответствующих языковых средств, речевых стратегий и тактик.

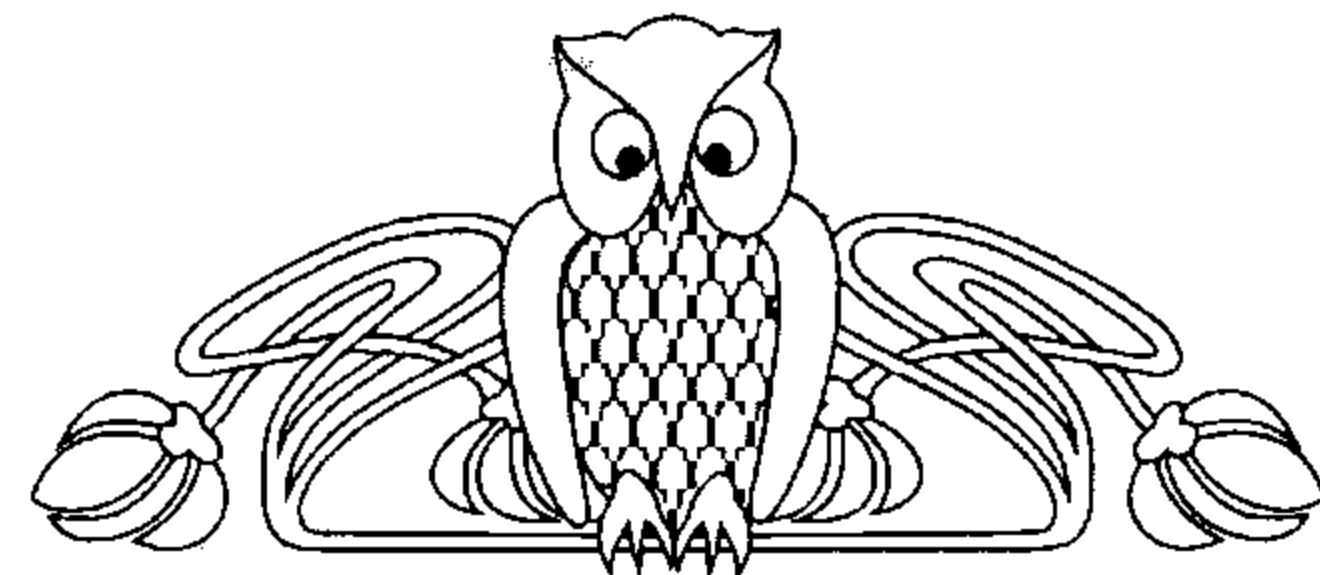
Работа по созданию тестов, определяющих тип речевой культуры, направлена не только на студенческую аудиторию, но имеет гораздо более широкую сферу применения. Представители самых разных специальностей и профессий должны отдавать себе отчёт в степени владения русским литературным языком. Поэтому тестирование необходимо всем носителям языка, особенно представителям публичных профессий – журналистам, политикам, предпринимателям.

УДК [316.74:808.2](470.44)

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ПО ДАННЫМ «АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ ШКОЛЬНИКОВ САРАТОВА И САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ»¹

В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: goldinve@yandex.ru
sdoobnovaap@yandex.ru



В статье обосновывается положение о том, что возрастные изменения психологического значения слова имеют закономерный характер. Определены четыре основных типа таких изменений. При этом как массовые ассоциативные эксперименты, так и лонгитюдные исследования ассоциативных полей отдельных школьников свидетельствуют о постепенном сближении ассоциативно-вербальной сети школьников с ассоциативно-вербальной сетью взрослых носителей языка.

Dynamics of Linguistic Mentality of Modern Youth According to the Data of the *Dictionary of Associations of Schoolchildren of Saratov and Saratov Region*

V.E. Goldin, A.P. Sdobnova

The article treats the age changes in the psychological meaning of words as a natural phenomenon. Four types of such changes are distinguished. Both mass associative experiments and longitude study of associative fields of individuals give evidence of gradual convergence of the associative verbal net of schoolchildren with the associative verbal net of adult speakers.

Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области (АСШС) – реализуемый в Саратовском государственном университете научный проект, уникальность которого определяется следующими его особенностями:

1) в настоящее время это единственный словарь, в котором отражены ассоциативные реакции русских школьников всех возрастных групп;

2) словарь представляет собой электронную базу данных, чем обеспечивается получение различного рода выборок на представленном в базе массиве реакций и пополнение словаря новым материалом;

3) в отличие от других русских ассоциативных словарей в АСШС зафиксированы



время и место проведения экспериментов, возраст и пол испытуемых, тип школы, в которой они учатся, и другие параметры, что позволяет фильтровать материал как по отдельным из этих признаков, так и по различным их сочетаниям;

4) в настоящее время это единственный русский ассоциативный словарь, который открывает пользователю не только обобщенные данные, но и образ каждой отдельной анкеты, заполненной испытуемым в ходе эксперимента;

5) АСШС существенно отличается от других ассоциативных словарей школьников объемом материала: к середине 2006 г. в нем было сосредоточено уже более 400 000 пар «стимул – реакция» (S – R);

6) эксперименты, в ходе которых собирается материал для словаря, проводятся с использованием более 1000 лексических стимулов, отобранных таким образом, что материал оказывается сопоставимым с данными других русских ассоциативных словарей.

Словарь имеет особое приложение в виде результатов лонгитюдных индивидуальных ассоциативных экспериментов с четырьмя школьниками Саратова². Индивидуальный ассоциативный материал (более 10 000 пар S – R) был получен в те же годы, что и материал массовых экспериментов. Это дает возможность соотносить результаты синхронно-типологического анализа ассоциаций с собственно диахроническими данными и таким способом проверять надежность выводов о возрастной динамике ассоциаций школьников.

Работа над АСШС ведется с 1998 г., когда после нескольких подготовительных исследований начался массовый сбор материала. В проведении свободных ассоциативных экспериментов со школьниками приняли участие учителя 88 школ Саратова и Саратовской области, аспиранты и студенты Саратовского государственного университета и Педагогического института Саратовского госуниверситета. Программное обеспечение АСШС разработано А.О. Мартьяновым. По материалам АСШС опубликовано более 50 статей, защищено несколько диссертаций³.

Данные как массовых, так и индивидуальных лонгитюдных экспериментов со школьниками подтвердили правильность по-

ложения о том, что психологическое значение слова как ассоциативный процесс не только постоянно варьируется, но и развивается в определенных направлениях, т.е. имеет динамический характер. У разных слов векторы развития их значений, скорость протекающих изменений и глубина преобразований не одинаковы. На материале АСШС выделяются по крайней мере четыре типа динамики психологических значений, условно называемые нами как «тип вхождения в лексикон», «тип усложнения», «тип стандартизации» и «тип периферийного развития». Каждый из типов может быть представлен через характеристики эталонного для него ассоциативного поля.

Эталоном динамического типа вхождения в лексикон являются возрастные изменения ассоциативного поля СКУПОЙ⁴. На стимул **скупой** почти 50% младших школьников не дают словесной реакции, а самая частая из отмеченных у них словесных реакций – слово *скупка*, связанное со стимулом лишь формально. По-видимому, содержательная сторона стимула **скупой** младшими школьниками в целом еще не освоена. Однако по мере своего взросления школьники все реже отказываются от словесного реагирования на стимул **скупой**, и у учеников 9–11 кл. «нулевые реакции» на **скупой** составляют лишь 2,5% ответов, а первое место по частоте занимает синонимичная стимулу реакция *жадный* (более 37% реакций), что свидетельствует о семантической освоенности слова старшеклассниками, о вхождении его в лексикон (правильность этого вывода подтверждают и другие реакции данного поля).

Основные признаки динамического типа стандартизации – это заметное возрастание доли самой частой словесной реакции, а также одновременное уменьшение количества единичных ответов и отказов от реагирования на фоне качественного совпадения наиболее частотных реакций в ответах школьников всех возрастных групп. Типичный пример динамики этого типа – возрастные изменения поля ЧИТАТЬ. В ответах школьников всех возрастных групп на стимул **читать** первое место занимает реакция *книга*, но у школьников 1–4 кл. ее доля составляет 22% ответов, в 5–6 кл. – 37%, в 7–8 кл. – 47%, а в ответах учеников 9–11 кл. она возрастает



до 55%. Основные преобразования в строении данного поля связаны с уровнем стандартизации ассоциаций: он становится все более высоким.

Эталонном динамического типа усложнения могут служить возрастные изменения поля РЕБЕНОК. Реакции на стимул **ребенок** показывают, что психологическое значение этого слова, хорошо известного уже малышам, не просто меняется по мере перехода школьников в следующие возрастные группы, но заметно усложняется за счет появления новых смысловых связей и увеличения разброса реакций. Так, если в реакциях младших школьников (1–4 кл.) **ребенок** выступает прежде всего в своем отношении к взрослым (взрослые – большие, а **ребенок** → *маленький, малыш, один из детей*) и при этом оценочный компонент ассоциаций еще почти не представлен, то в ответах учащихся следующей возрастной группы (5–6 кл.) уже определеннее выражена линия ‘дитя – семья, родители’, больше реакций, отражающих ситуацию ухода за грудным ребенком (*младенец, грудной, карапуз, лялька, бэби, baby, брат, ванна, коляска, кукла, памперсы, нянчить, ухаживать*), конкретнее характеристики малышей и их состояний (*губастенький, игривый, плакса, смеется, спит*), имеются оценочные реакции и среди них преобладают положительные (*радость, красивый, любовь, хорошенький, милый, родной, способный, умный*). В ответах школьников 7–8 и 9–11 кл. наряду с положительными оценочными реакциями на стимул **ребенок** появляется немало негативных (*мелкий, глупый, тварь, урод, пискля, с рахитом, свинья, ужас*), формируются и новые тематические группы реакций (**ребенок** → *забота, проблемы, ответственность, обязанность* и **ребенок** → *свадьба, семья, родители, роды, рожать, чей, от кого, мой, не мой, не хочу*), уменьшается стандартность ответов.

Основной отличительной чертой динамики периферийного развития является то, что у всех возрастных групп школьников самыми частыми ответами на предъявленный стимул выступают отказы от реагирования. По мере взросления испытуемых содержание таких ассоциативных полей, конечно, претерпевает некоторые изменения: у старшеклассников ассоциативные поля приобрета-

ют более компактную структуру, несколько возрастает стереотипность ответов, а доля отказов от реагирования уменьшается, но не настолько, чтобы в списке реакций, ранжированном по убыванию частот, первую позицию заняла вербальная реакция. Развитие отмечается, таким образом, на периферии поля: вербальные ассоциативные связи соответствующих стимулов слабы или не актуализированы в течение всего периода обучения в школе. Эталонном динамики этого типа могут служить возрастные изменения ассоциативного поля ВПЕЧАТЛЕНИЕ: даже у учащихся 9–11 кл. отказы от реагирования на данный стимул составляют еще 22% ответов, а доля наиболее частой словесной реакции (*хорошее*) равна всего лишь 8%.

Выявленные динамические типы образуют парные оппозиции: тип усложнения поля противопоставлен типу стандартизации, тип периферийного развития – типу вхождения в лексикон.

Динамический тип поля зависит от совокупного действия многих факторов, но в ряде случаев среди них можно выделить ведущие. Так, усложнение ассоциативного поля наблюдается в связи со стимулами, называемыми такие социальные отношения и ситуации (**ребенок, семья, армия**), которые по мере взросления человека приобретают для него другую значимость и положение человека в которых с возрастом меняется. Тип периферийного развития чаще всего обнаруживают ассоциативные поля абстрактной лексики (**исключение, впечатление, смысл** и под.)⁵.

Важной характеристикой динамики ассоциативных значений является не только общий тип изменения поля, но и то, как меняется соотношение отдельных групп значений в составе поля, какие именно группы значений выдвигаются на передний план. В частности, материалы АСШС свидетельствуют об увеличении в старших классах в сравнении с младшими доли реакций личностного характера, т.е. таких, которые возникают, когда испытуемые относят содержание стимула к себе: **знание** → *знаю, учиться* → *не хочу, думай* → *не буду*, **войти** → *ко мне*, **компьютер** → *мой*, **встречаться** → *со мной* и под.; увеличивается с возрастом также доля оценочных реакций. Параллельность этих



двух изменений, по-видимому, не случайна и отражает, с одной стороны, процесс формирования самосознания молодых людей и, с другой стороны, – общее возрастание личностного начала в современной российской коммуникации.

Существенным результатом исследования динамики языкового сознания по материалам АСШС можно считать установленную Т.С. Колбинева⁶ общую модель возрастных изменений в зоне «нулевых реакций» (отказов от словесного реагирования). В ответах старшеклассников доля «нулевых реакций» в целом значительно меньше, чем доля «нулевых реакций» в ответах учеников 1–4 классов, но ее уменьшение не имеет характера постепенного равномерного убывания: в ответах учеников 5–6 кл. относительная частота отказов меньше, чем в ответах младших школьников, потом она начинает возрастать, и пик этого подъема приходится на ответы учеников 6–7 кл., а затем относительная частота отказов вновь уменьшается. Возможно, так в результатах ассоциативных экспериментов отражается известный психологический кризис, приходящийся на период учебы школьников в средних классах.

Изменения в области «нулевых реакций» протекают неодинаково у мальчиков и девочек, у городских и сельских школьников. Ассоциативные реакции этих групп школьников различаются и по другим параметрам. В частности, стандартизация ответов городских девочек в целом опережает стандартизацию ответов мальчиков, хотя в небольшой части ассоциативных полей наблюдается и обратное явление.

По составу испытуемых АСШС – словарь региональный, но сопоставление его материалов с материалами других региональных ассоциативных словарей (с ассоциативным словарем пермских детей 6–10 лет⁷, с ассоциативным словарем омских подростков 15–17 лет⁸) показывает, что в ассоциативном процессе региональный компонент не играет главной роли: соответственные словарные статьи сравниваемых региональных словарей обладают такой высокой степенью общности, что представленные ими ассоциативные поля можно рассматривать как усредненное отражение языкового сознания российских школьников в целом. Из этого следует, что

сопоставление данных АСШС с данными Русского ассоциативного словаря (РАС)⁹, обобщившего ассоциации взрослых молодых людей (в основном студенческого возраста), и рассмотрение АСШС и РАС в качестве фиксации последовательных состояний языкового сознания, измеренных на шкале изменений социально-ролевого статуса испытуемых, могут быть достаточно корректными.

Сопоставление с данными РАС имеет особое значение при исследовании динамики лексикона школьников и ядра их языкового сознания. Анализ материалов АСШС показывает, что *ядро языкового сознания* (ЯЯС) школьников – структура динамическая. Возрастная динамика ЯЯС школьников характеризуется ярко выраженным последовательным сближением с ЯЯС взрослых. Этот процесс проявляется и на формальном (состав единиц ядра), и на глубинном (семантические зоны, их наполнение) уровнях ЯЯС.

Основная часть единиц ЯЯС школьников, выделенная по методике А.А. Залевской на базе обратных статей АСШС (она рассматривается в объеме 75 лексических ассоциатов), совпадает с единицами ЯЯС взрослых, определенных Н.В. Уфимцевой по материалам РАС¹⁰ (табл.1).

Представленные в табл.1 единицы ЯЯС ранжированы по убыванию количества входящих связей. 45 единиц ЯЯС школьников совпадают с единицами ЯЯС взрослых, а единицы *человек* и *дом*, обладающие наибольшим количеством ассоциативных связей, к тому же совпадают и по рангам. Возрастную динамику состава единиц ЯЯС школьников отражают следующие показатели: у младших школьников совпали с единицами ЯЯС взрослых 43 единицы, у подростков – 47 единиц, у старшеклассников – 50 единиц.

Семантические структуры ЯЯС взрослых и школьников близки между собой. Они могут быть представлены в виде совокупности семантических зон (их названия несколько условны): **Человек** (*человек, друг, ребенок, я, он* и др.), **Жизнь** (*жизнь, смерть, время* и др.), **Оценка** (*большой, хорошо, умный* и др.), **Природа** (*земля, вода, лес* и др.), **Занятие** (*работа, дело, думать* и др.), **Дом** (*дом, мама, ребенок, кот* и др.), **Артефакты** (*книга, машина, кино* и др.), **Цвет** (*белый,*



Таблица 1

Ядро языкового сознания школьников и взрослых¹¹

РАС		АСШС		РАС		АСШС	
Ранг	Ассоциат	Ранг	Ассоциат	Ранг	Ассоциат	Ранг	Ассоциат
1	человек	1	человек	39	мой	39	ум
2	дом	2	дом	40	красный	40,5	играть
3	жизнь	3	машина	41	машина	40,5	ребенок
4	плохо	4	хорошо	42,5	женщина	42	идти
5	большой	5	друг	42,5	книга	43	учитель
6	хорошо	6	я	44	грязь	44	дурак
7	нет	7,5	большой	46,5	идти	45	дело
8	деньги	7,5	хороший	46,5	старый	47	маленький
9,5	друг	9	плохо	46,5	мальчик	47	мир
9,5	дурак	10	мальчик	48	белый	47	гулять
12,5	лес	11	мама	49	девушка	49	дерево
12,5	мужчина	12	умный	50	мужик	50	вещь
12,5	хороший	13,5	жизнь	51,5	страх	51	кот
14	день	13,5	школа	51,5	умный	52	предмет
15	много	15	красивый	53	долго	53	думать
16	любовь	16	урок	54,5	далеко	54	город
17	работа	17	класс	54,5	сильный	56	животное
18	вода	18	плохой	56	город	56	он
19	ребенок	19	книга	57	зеленый	56	добрый
21,5	радость	20	собака	58	черный	60	делать
21,5	все	21	день	59	боль	60	боль
22	дело	22,5	мой	60	всегда	60	слово
23,5	плохой	22,5	нет	61	море	60	лес
23,5	смерть	24	деньги	62	муж	60	улица
25	быстро	25	любовь	63	счастье	63	быстро
26	стол	26,5	дорога	64	солнце	64,5	земля
27	парень	26,5	стул	65	собака	64,5	ученик
28	дорога	28	стол	66	кино	66	ты
29	мир	29	ручка	67	ум	68,5	телевизор
30	говорить	30	мяч	68	маленький	68,5	сильный
32,5	есть	32	вода	69	сделать	68,5	солнце
32,5	дерево	32	цветок	70,5	очень	68,5	голова
32,5	время	32	работа	71,5	он	71,5	время
34	жить	34,5	папа	71,5	предмет	71,5	доска
35	думать	34,5	тетрадь	73	война	73	писать
36	я	36	игра	74	ночь	74	говорить
37,5	разговор	37,5	радость	75	земля	75	девочка
37,5	свет	37,5	много				

красный и др.). В ЯЯС школьников выделяется также зона **Детство** (*игрушка, мяч, школа, урок, гулять* и др.). В табл. 2 семантические зоны ранжированы по убыванию количества единиц в их составе.

Развитие семантической структуры ядра языкового сознания школьников проявляется во всех зонах. Так, зона **Детство** (точнее ее следовало бы обозначить как «жизненную сферу детства») в ядре языкового сознания младших школьников занимает первое место. У подростков и старшеклассников интенсивность ассоциативных связей единиц

Таблица 2

Семантические зоны ядра языкового сознания

Ранг	Возрастная группа			
	Молодые взрослые (по РАС)	Старшеклассники (по АСШС)	Подростки (по АСШС)	Младшие школьники (по АСШС)
1	Жизнь	Жизнь	Детство.	Детство
2	Оценка	Оценка	Оценка	Оценка.
3	Человек	Человек	Человек.	Человек
4	Природа	Детство	Жизнь	Природа
5	Занятие	Природа	Артефакты	Дом.
6	Дом.	Занятие.	Занятие.	Жизнь
7	Артефакты.	Артефакты	Природа.	Артефакты
8	Цвет	Дом	Дом	Занятие
9				Цвет

этого поля ослабевает, и семантическая зона **Детство** сокращается, перемещаясь сначала на второе, а затем и на четвертое место у старшеклассников. Место отдельных единиц с конкретным значением (*урок, игрушка* и под.) замещается сложными, абстрактными понятиями, связанными с оценкой мира, жизни в различных ее проявлениях (*жизнь, смерть, время*).

Еще более отчетливо динамика ядра ЯЯС школьника наблюдается в семантической зоне **Жизнь**. Понятие *жизнь* в языковом сознании взрослых и школьников обладает неодинаковым весом. По интенсивности ассоциативных связей в ассоциативно-вербальной сети ассоциат *жизнь* имеет в ЯЯС взрослых 3-й ранг, у старшеклассников – 8-й, у младших школьников – 48-й. Семантическая зона **Жизнь** при общих для взрослых и школьников базовых единицах *жизнь, радость, любовь; день; идти, дорога; думать* содержит различия, прежде всего в объеме: у младших школьников эта зона включает 11 единиц, у подростков – 12, у старшеклассников и взрослых – по 21 единице. Кроме того, расхождения проявляются в том, что единицы с негативным содержанием, имеющиеся в ядре ЯЯС взрослых (*смерть, война, страх*), отсутствуют в этой зоне у младших школьников и подростков и появляются только у старшеклассников и не в полном объеме (*смерть, страх*). У взрослых в этой зоне значительно шире представлены пространственные и временные параметры жизни. Например, такая важная в языковом сознании взрослых единица, как *время*, отсутствует в ЯЯС учеников 1–4 кл. и подрост-



ков, но у старшеклассников уже занимает такое же место (34-й ранг), как и у взрослых (33-й ранг).

Важные для формирования ЯС личности динамические процессы происходят и в семантических зонах **Человек, Природа, Оценка**.

Существующие совпадение и расхождение в лексическом составе и семантической структуре ядра ЯС взрослых и ядра ЯС школьников, несомненно, отражают динамические процессы формирования языковой картины мира. Попытки проследить их сделаны и на материале индивидуального словаря подростка.

Индивидуальный ассоциативный словарь (ИАС) подростка И. был получен в долговременном эксперименте: он проводился с испытуемым И. в возрасте 10–11 лет, а затем – 13 и 15 лет по одному и тому же списку стимулов, т.е. включает три временных среза. В списке использованных стимулов 1517 единиц, три четверти из них совпадают со стимулами основного АСШС (76%) и 82% – со стимулами РАС. В результате получены три индивидуальных ассоциативных словаря одного и того же современного подростка.

При рассмотрении количественной динамики его ассоциативного словаря мы рассматриваем в первую очередь состав лексем. Он определен в результате лемматизации всех ассоциативных реакций испытуемого, т.е. приведения каждой ассоциативной реакции к начальной грамматической форме слова.

Словарь лексем подростка И. от одного возрастного периода к другому неизменно увеличивается (рис.1).

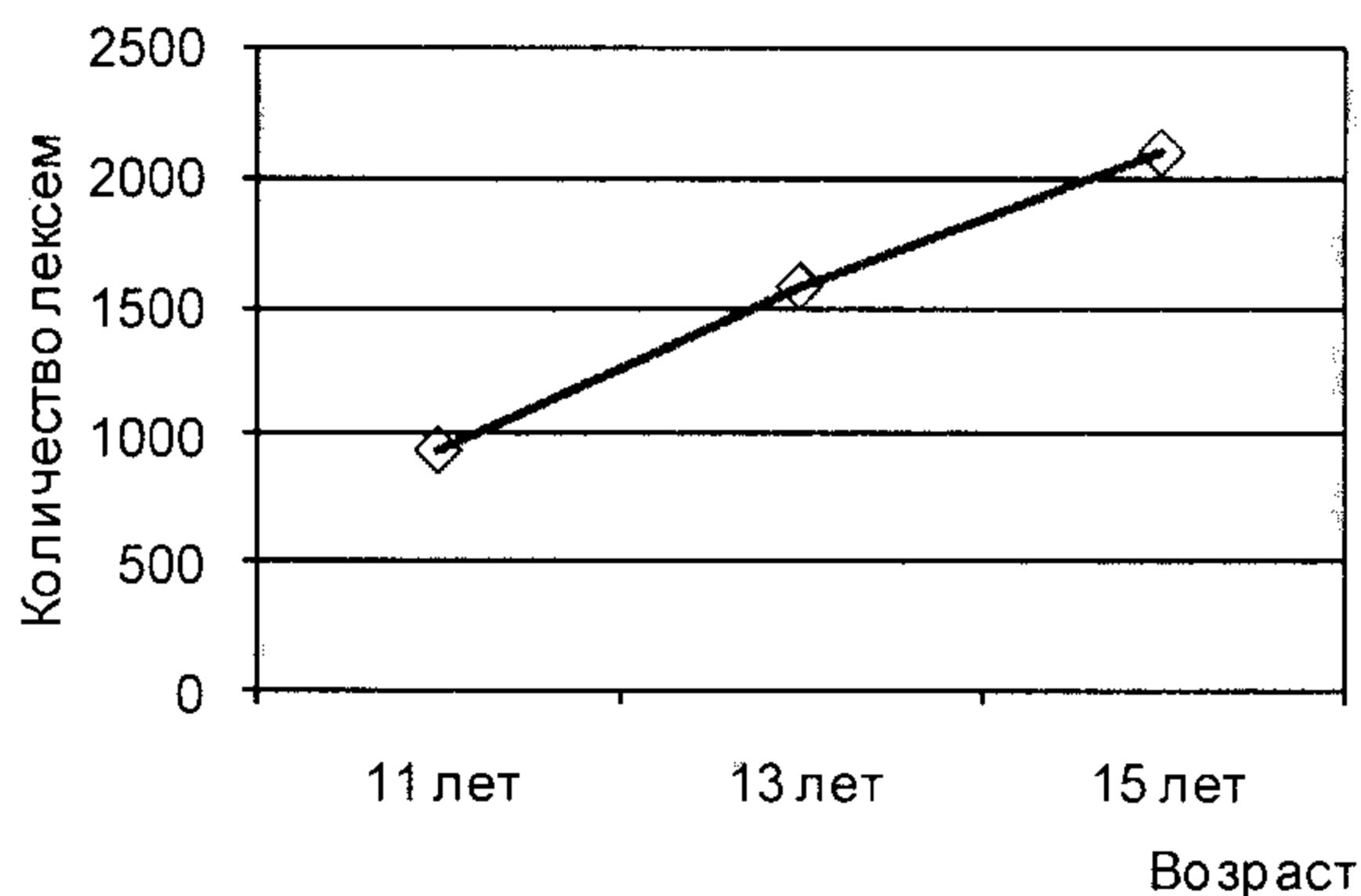


Рис.1. Рост индивидуального словаря испытуемого И. по данным трех этапов ассоциативного эксперимента

По данным трех разновременных экспериментов совокупный ИАС подростка включает 2091 лексему. В нем выделяются следующие пласты (рис.2):

- лексемы, имеющиеся в каждом из трех ИАС, – 249 разных слов (12% общего словаря);
- лексемы, имеющиеся в двух из трех словарей (ИАС-1 и ИАС-2, или ИАС-2 и ИАС-3, или ИАС-1 и ИАС-3), – 397 слов (19%);
- лексемы, имеющиеся только в одном из ИАС и не встречающиеся в других, – 1445 лексем (69%). Количество таких лексем с возрастом увеличивается. На первый взгляд, это увеличение незначительно – 459 : 471 : 515 лексем (соответственно). Однако эти лексемы составляют от 46 до 50% объема словаря на каждом временном срезе. Они образуют две трети общего ИАС – основную часть тезауруса подростка. Лексическое разнообразие словаря растет в первую очередь за счет слов этой группы.

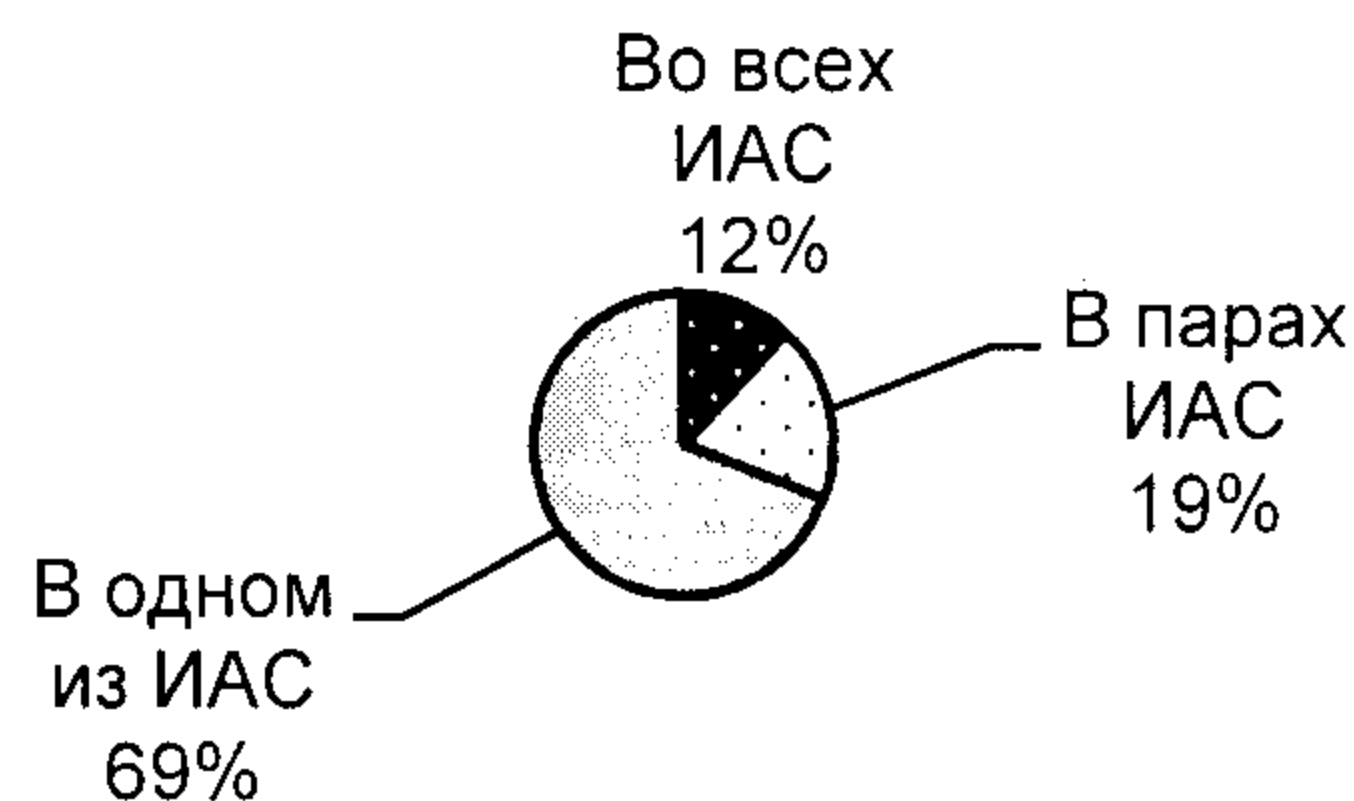


Рис.2. Состав ассоциативного словаря И. по данным трех этапов эксперимента

Группа лексем, представленных в каждом из трех ИАС, содержит 60% слов из «ядра языкового сознания» русских (45 из 75)¹². Это следующие лексемы:

Белый	День	Жить	Муж	Радость
Большой	Дерево	Земля	Мужчина	Ребенок
Вода	Дом	Идти	Нет	Свет
Война	Дорога	Книга	Ночь	Смерть
Время	Друг	Красный	Он	Собака
Говорить	Думать	Лес	Очень	Ум
Город	Есть	Машина	Плохо	Хороший
Грязь	Женщина	Мир	Предмет	Человек
Далеко	Жизнь	Мой	Работа	Я

В совокупном индивидуальном словаре подростка И., выделенном по материалам ассоциативных экспериментов, обнаруживаются 72 лексические единицы из 75 единиц ядра языкового сознания русских.



Как показал анализ, слабые связи в индивидуальном ассоциативном словаре подростка постепенно заменяются сильными, более стандартными, увеличивается доля ядерных лексем в индивидуальном словаре и, таким образом, хорошо прослеживается тенденция сближения ассоциативно-вербальной сети подростка с ассоциативно-вербальной сетью взрослых. Материалы АСШС в целом свидетельствуют о том, что это главная тенденция развития ассоциативно-вербальной сети школьников.

Примечания

- ¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 05-04-0142а).
- ² Сдобнова А.П. Индивидуальный ассоциативный словарь школьника // Русский язык сегодня. М., 2004. Вып.3. С.286–295.
- ³ О структуре и функциональных возможностях АСШС см.: Гольдин В.Е., Мартыанов А.О., Сдобнова А.П. Компьютерная версия ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области // Русский язык сегодня. М., 2004. Вып.3.

- ⁴ В статье имена полей даются прописными буквами, стимулы выделяются полужирным, а реакции – курсивом.
- ⁵ Подробнее о типах динамики психологических значений см.: Гольдин В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // Язык. Сознание. Культура. М., 2005.
- ⁶ Колбинева Т.С. Отказы от реагирования в Ассоциативном словаре школьников Саратова // Язык. Сознание. Культура. М., 2005.
- ⁷ См.: Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995; Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). Пермь, 2000.
- ⁸ Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004.
- ⁹ Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь: Ассоциативный тезаурус современного русского языка. М., 1994–1998. Кн.1–6.
- ¹⁰ См.: Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. 2-е изд. М., 2000.
- ¹¹ Ассоциаты, совпадающие в ядре языкового сознания школьников и взрослых, выделены полужирным.
- ¹² Ср.: Уфимцева Н.В. Указ. соч.

УДК 808.2-087

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ И ПРИНЦИПЫ ЕГО РАЗМЕТКИ¹

О.Ю. Крючкова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: pks@rambler.ru

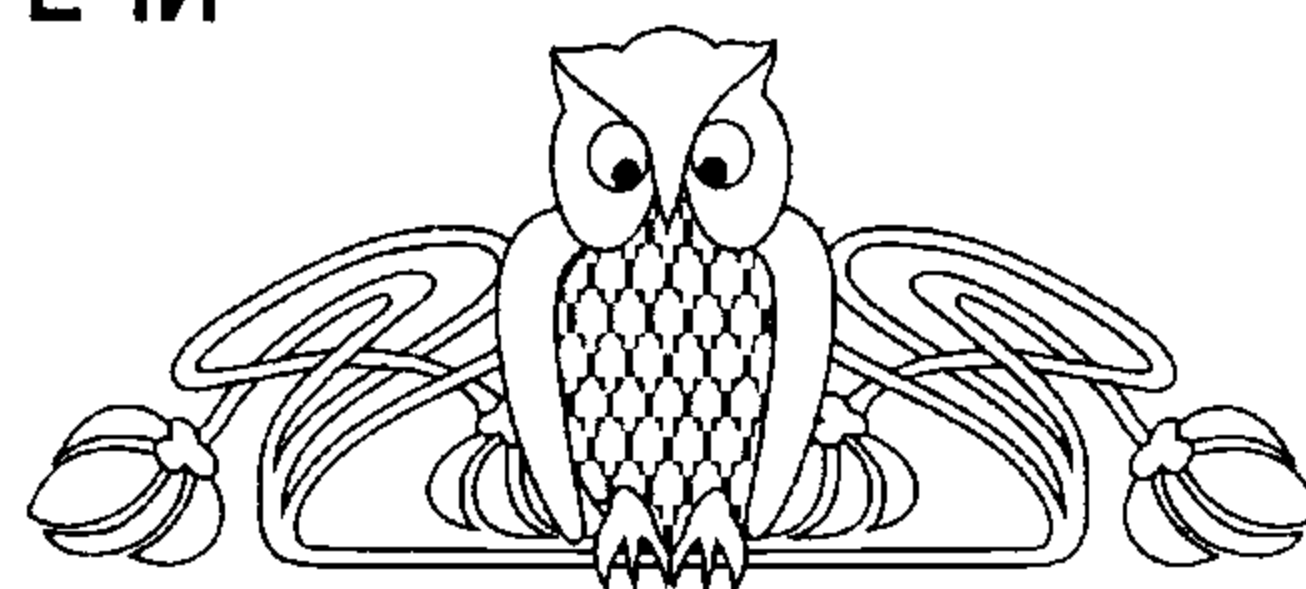
В статье освещаются стратегии создания уникального электронного текстового корпуса русской диалектной речи. Автор рассматривает также принципы разметки диалектных текстов.

Computer-processed Textual Body of Russian Dialect Speech and the Principles of Its Marking

O.Y. Kruchkova

The article deals with the strategies of creating a unique computer-processed textual body of Russian dialect speech. The author also considers the principles of marking dialect texts.

История активного изучения русских народных говоров насчитывает уже более двух веков. За это время была достаточно полно описана территориальная дифференциация русского языка, выделены целостные в языковом отношении территориальные общности различных уровней (группы говоров,



наречия, диалектные зоны). Детальное исследование фонетических, грамматических, лексических диалектных особенностей, образующих систему разнообразных по своему характеру междиалектных соответствий (диалектных различий), позволило разработать теорию диалектного языка как особого языкового образования. Вторая половина XX в. была ознаменована такими масштабными диалектологическими проектами, как «Диалектологический атлас русского языка», «Общеславянский лингвистический атлас», «Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья», «Лексический атлас русского языка» (работа над ним продолжается и в настоящее время). Издание атласов и ряда диалектных словарей, среди которых много-томный «Словарь русских народных гово-



Как показал анализ, слабые связи в индивидуальном ассоциативном словаре подростка постепенно заменяются сильными, более стандартными, увеличивается доля ядерных лексем в индивидуальном словаре и, таким образом, хорошо прослеживается тенденция сближения ассоциативно-вербальной сети подростка с ассоциативно-вербальной сетью взрослых. Материалы АСШС в целом свидетельствуют о том, что это главная тенденция развития ассоциативно-вербальной сети школьников.

Примечания

- ¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 05-04-0142а).
- ² Сдобнова А.П. Индивидуальный ассоциативный словарь школьника // Русский язык сегодня. М., 2004. Вып.3. С.286–295.
- ³ О структуре и функциональных возможностях АСШС см.: Гольдин В.Е., Мартыанов А.О., Сдобнова А.П. Компьютерная версия ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области // Русский язык сегодня. М., 2004. Вып.3.

- ⁴ В статье имена полей даются прописными буквами, стимулы выделяются полужирным, а реакции – курсивом.
- ⁵ Подробнее о типах динамики психологических значений см.: Гольдин В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // Язык. Сознание. Культура. М., 2005.
- ⁶ Колбинева Т.С. Отказы от реагирования в Ассоциативном словаре школьников Саратова // Язык. Сознание. Культура. М., 2005.
- ⁷ См.: Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995; Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). Пермь, 2000.
- ⁸ Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004.
- ⁹ Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь: Ассоциативный тезаурус современного русского языка. М., 1994–1998. Кн.1–6.
- ¹⁰ См.: Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. 2-е изд. М., 2000.
- ¹¹ Ассоциаты, совпадающие в ядре языкового сознания школьников и взрослых, выделены полужирным.
- ¹² Ср.: Уфимцева Н.В. Указ. соч.

УДК 808.2-087

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ И ПРИНЦИПЫ ЕГО РАЗМЕТКИ¹

О.Ю. Крючкова

Саратовский государственный университет, кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: pks@rambler.ru

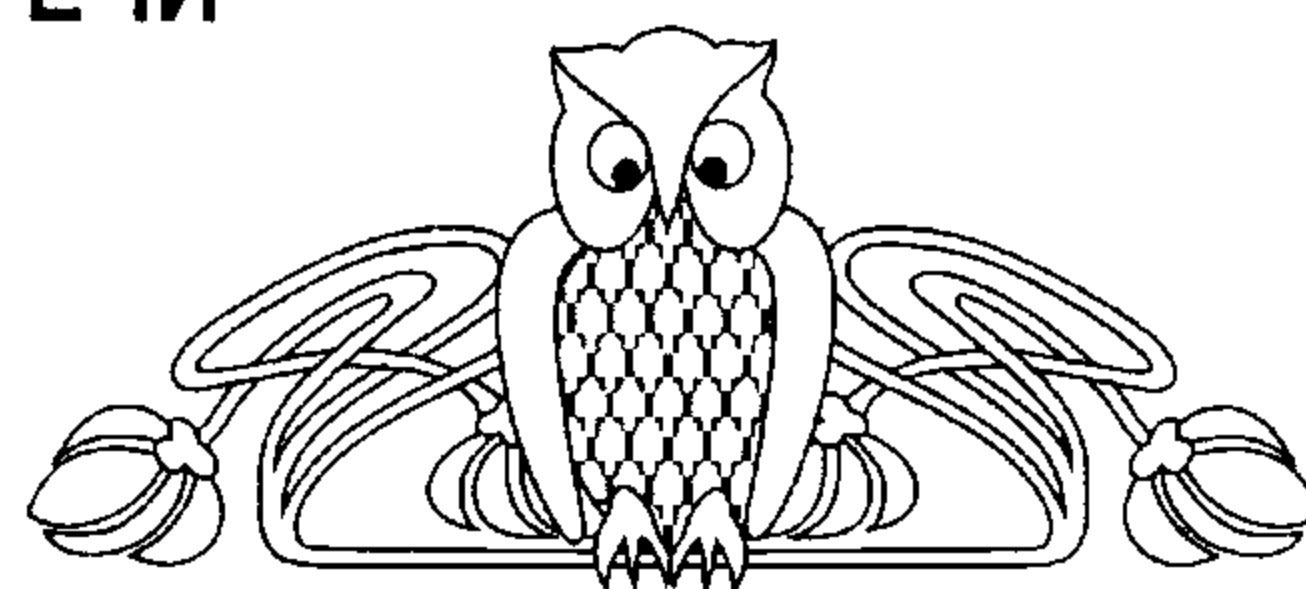
В статье освещаются стратегии создания уникального электронного текстового корпуса русской диалектной речи. Автор рассматривает также принципы разметки диалектных текстов.

Computer-processed Textual Body of Russian Dialect Speech and the Principles of Its Marking

O.Y. Kruchkova

The article deals with the strategies of creating a unique computer-processed textual body of Russian dialect speech. The author also considers the principles of marking dialect texts.

История активного изучения русских народных говоров насчитывает уже более двух веков. За это время была достаточно полно описана территориальная дифференциация русского языка, выделены целостные в языковом отношении территориальные общности различных уровней (группы говоров,



наречия, диалектные зоны). Детальное исследование фонетических, грамматических, лексических диалектных особенностей, образующих систему разнообразных по своему характеру междиалектных соответствий (диалектных различий), позволило разработать теорию диалектного языка как особого языкового образования. Вторая половина XX в. была ознаменована такими масштабными диалектологическими проектами, как «Диалектологический атлас русского языка», «Общеславянский лингвистический атлас», «Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья», «Лексический атлас русского языка» (работа над ним продолжается и в настоящее время). Издание атласов и ряда диалектных словарей, среди которых много-томный «Словарь русских народных гово-



ров» (под ред. Ф.П. Филина), создало хорошую источниковую базу для изучения различных языковых особенностей русских народных говоров.

Развитие когнитивно-дискурсивной научной парадигмы в лингвистике привело к формированию нового направления и в изучении русских народных говоров. На рубеже XX–XXI вв. в диалектологии вырабатывается новый подход к пониманию специфики диалекта, согласно которому своеобразие говора не сводится к его структурным особенностям в области фонетики, грамматики и лексики, а проявляется также в строении диалектных текстов, в соотношении различных жанров в составе диалектной коммуникации, в особых приемах раскрытия темы, в когнитивных особенностях диалектной речи, в особой картине мира, реализуемой в общении на диалекте. Задачи и возможности коммуникативной диалектологии были сформулированы в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в работах В.Е. Гольдина, томских диалектологов². Постановка новых задач обусловила потребность в новых источниках, необходимость обращения к целостным речевым произведениям на диалекте. В разных диалектологических центрах России (Москве, Саратове, Томске, Благовещенске и др.) ведется активное накопление текстового диалектного материала, который становится основным информационным ресурсом диалектологии.

Развитие современных информационных технологий делает актуальным и возможным создание машинообрабатываемых корпусов диалектных текстов³. Работа над созданием электронных корпусов русской диалектной речи ведется в рамках проектов «Национальный корпус русского языка» (Институт русского языка РАН) и «Текстовая репрезентация диалекта как культурно-коммуникативного образования»⁴ (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского). Названные проекты различаются своими целями, принципами организации баз данных, методами обработки (разметки) текстов, включаемых в состав электронного корпуса.

Основная задача диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) заключается в представлении диалекта как специфической функциональной

разновидности общенародного языка, в демонстрации многообразного территориального варьирования русского языка. В соответствии с этим корпус включает текстовые фрагменты различных говоров; членение корпуса осуществляется на типологической основе (по типам говоров, а не по отдельным говорам). Методической основой корпуса является дифференциальный подход к диалекту, сравнение диалекта с литературным языком (прежде всего в области морфологии и лексики): «в диалектном подкорпусе специально отмечаются отличия от литературного языка»⁵. Для этой цели при разметке корпуса используется ряд дифференциальных помет: *dialmorph,type*; *dialmorph,part*; *diallex* и др. Ср. разметку диалектного текста, подготовленную саратовскими диалектологами для Национального корпуса русского языка: там {там=ADV} было {быть=V=несов, изъяв,прош,ед,сред}/ мало {мало=ADV} зарабатывали {зарабатывать=V=несов,изъяв,прош,мн} / выработок {выработок=S,муж,неод=ед,им} / а {а=CONJ} мы {мы=S,мн,од=им} *виновати* {виноватый=A=кр,мн,им=*dialmorph,type*}/ я {я=S,ед,од=им} оста... всё {весь=A=ед,сред,вин} своё {свой=A=ед,сред,вин} здоровье {здоровье=S,сред,неод=ед,вин} оставила {оставлять=V=сов,изъяв,прош,ед,жен} / это {это=PART}/ пригнали {пригонять=V=сов,изъяв,прош,мн} овец {овца=S,жен,од=мн,род}/ *овчаркой* {овчарка=S,жен,од=ед,твор=*diallex*, 'работница, занимающаяся уходом за овцами'} была {быть=V=несов,изъяв,прош,ед,жен}; вот {вот=PART} это {этот=A=ед,сред,им|этот=A=ед,жен,им} вот {вот=PART} тоже {тоже=ADV} моя {мой=A=ед,жен,им} *наsupроть* {наsupроть=ADV=*diallex*, 'напротив'}-то {то=PART} вот {вот=PART} эта {этот=A=ед,жен,им} в {в=PR} загородке {загородка=S,жен,неод=ед,пр}-*ти* {то=PART=ед,жен,пр=*dialmorph,part*}/ картошечка {картошечка=S,жен,неод=ед,им}-то {то=PART}.

Саратовский диалектный текстовый корпус (СарДК), разрабатываемый в Центре изучения народно-речевой культуры Саратовского университета, базируется на ином подходе. Идеологией данного корпуса является представление в нем диалекта как целостной самодостаточной коммуникативной системы в отличие от традиционного дифференциального подхода к диалекту, рассматриваю-



щего диалектную речь в ее отношении к литературному языку. Недифференциальный характер СарДК, его ориентация на диалектную речь одного говора принципиально отличает данный проект от проекта создания диалектного подкорпуса в составе НКРЯ. СарДК создается как модель традиционной сельской коммуникации на диалекте, отражающая речевое общение в конкретных условиях жизни конкретного речевого коллектива. Этот подход определяет структуру корпуса, в котором каждый отдельный говор образует самостоятельный подкорпус⁶ и представлен значительным по объему и разнообразным текстовым материалом, соотносимым с многообразной лингвистической информацией (фотографии, видеоиллюстрации, схемы, карты, сведения исторического, социокультурного характера, демографические, этнографические, географические данные). Единицей хранения в корпусе текстов является «запись» – расшифровка магнитофонной фиксации непрерывного фрагмента общения, приводимая в символьной записи, близкой к орфографической.

Электронная база корпуса позволяет осуществлять запросы, касающиеся грамматических, лексических, словообразовательных языковых явлений, извлекать многообразную лингвистическую информацию и соотносить ее с лингвистической. С этой целью проводится пословная⁷ лексико-морфологическая разметка, а также многоаспектная метаразметка расшифрованных записей диалектной речи. Регулярные фонетические явления (например, характер безударного вокализма) в символьных расшифровках не отображаются, отражение получают лишь лексикализованные фонетические особенности (типа *топерь, кстить, Рожество, Паска*). Однако в корпусе учитывается значимость фонетической информации; она может быть получена из первоисточника – включаемых в корпус звуковых файлов, от которых возможен переход к символьным записям и наоборот. Такое представление фонетической информации в корпусе делает ее наиболее объективной и пригодной для использования в диалектологических исследованиях.

Лексико-морфологическая разметка в СарДК во многом опирается на принципы, выработанные при разметке текстов в НКРЯ⁸. В СарДК используются, в частности, принятые в НКРЯ правила обозначения классификационных и словоизменительных признаков словоформы. Таким образом, грамматический поиск (поиск с целью получения грамматической информации) в СарДК, так же как и в НКРЯ, может вестись по словоформе, по маске, по начальной форме, по любому из классификационных и словоизменительных признаков.

Вместе с тем недифференциальный характер СарДК обусловил ряд отличий при лексико-морфологической разметке текстов: отказ от дифференциальных помет, применяемых в НКРЯ; характер подачи начальной формы; введение зоны литературных соответствий. Отказ от дифференциальных помет связан с задачей представления диалекта в корпусе как целостной самостоятельной коммуникативной системы. Этому подходу соответствует недифференцированное рассмотрение всех бытующих в говоре языковых форм (совпадающих и несовпадающих с литературными) в качестве элементов единой диалектной языковой системы.

Этой же установкой продиктован и принцип подачи начальной формы. Строго говоря, при последовательном воплощении изложенного подхода к диалекту от лемматизации следовало отказаться, так как начальная форма диалектологам нередко доподлинно не известна и при определении леммы неизбежны условные решения. В электронном корпусе начальная форма необходима для удобства поисковых запросов. В связи с этим в СарДК начальная форма восстанавливается на основе *данной* текстотформы, например, для текстотформы *ходилась* приводится начальная форма *ходитьсь*, для *посклизнулся* – *посклизнуться*, для *куды* – *куды* и т.д.

Необходимо отметить, что принятие такого решения не устраняет полностью проблемы начальной формы. В ряде случаев однозначная, пусть даже и условная, лемматизация оказывается все-таки затруднительной. Так, текстотформе *мозгов* (*я это/упала с во-*



зу/ у меня сотрясение мозгов) с одинаковой вероятностью могут быть приписаны начальные формы ед.ч. и мн. ч. – *мозг* и *мозги*; текстоформе *хуже* (*мы с тобой сухоньки// а уж старенькей-то будешь/ еще хуже/ вон как у меня одни жилы*) – леммы *плохой* и *худой*. В таких случаях в зоне лемматизации приводятся варианты начальной формы, ср.: *мозгов* {мозг=S, муж, неод=мн, род|мозги=S, муж, неод, мн=род}, *хуже* {плохой=A/ADV=срав|худой=A/ADV=срав}.

Трудность для принятой в корпусе системы лемматизации представляют диалектные частицы *ти, ту, те, та* и под., согласуемые с полнозначными словами по морфологическому, фонетическому или же фонеморфологическому принципам, ср.: *эти вот как их деревянные-ти палочки-ти; как-то вот бутоны-ти вроде видать; а она вот с внучатами-ти; этот плавает по воде-ти; всё это начали строить тут на ихим-то позьме-ти; ведь прежде-ти чистили её*. Позиционная незакрепленность диалектных частиц, возможность употребления (иногда преобладающего) в тех же фонеморфологических условиях частицы *то* (ср.: *а так оне... родники-то кто знает; а вон один раз пошли на... на Конец к подруге-то; бабки в селе-то... уничтожали... малышей-то; а вы топерь чай дальние да? дальние сами-то?*) стали основанием для приведения всех диалектных частиц к начальной форме *то*.

Отказ от дифференциальных помет при разметке включаемых в СарДК диалектных текстов и текстоориентированная лемматизация словоформ, безусловно, затрудняют поиск в текстовой базе. Для облегчения поисковых запросов в лексико-морфологическую разметку вводится зона литературных соответствий, идущая вслед за начальной формой. Ср.: *оне* {оне(они)=S, мн, од=им}; *сварывать* {сварывать(сварачивать)=V, несов=инф}; *цементовый* {цементовый(цементный)=A=ед, муж, им}.

Возможность поиска по литературным соответствиям не только обеспечивает удобство пользования электронной базой диалектных текстов, но и служит отправной точкой для получения интересующей пользователя языковой информации грамматического, лексического и словообразовательного характера. Опора на литературные соответ-

ствия позволяет определить сходства и различия диалектных и литературных грамматических форм, лексем, словообразовательных моделей как в плане выражения, так и в семантико-функциональном аспектах, выявить случаи межсистемной (диалектно-литературной) омонимии типа *овчаркой* {овчарка(скотница)=S, жен, од=ед, твор} (ср.: *пригнали овец/ овчаркой была*); *всходишь* {всходить(приходить в себя)=V=несов.изъяв, не-прош, ед, 2-л} (ср.: *долго потом/ всходишь// двое суток в сознание-то не всходила*). Информативным является и отсутствие литературного соответствия, причиной которого может быть неясность значения нелитературного слова либо языковая лакуна. В первом случае в зоне литературного соответствия ставится знак вопроса, во втором – тире (прочерк). Ср.: под {под(под)=PR} *бедранку* {бедранка(?)=S, жен, неод=ед, вин} (ср.: *и он вот под бедранку-то/ залез*); *курбастенький* {курбастенький(?)=A=ед, муж, им} (ср.: *пу пчела поменьше/ по... там а... тулвище подлиньше/ а трутень курбастенькой такой толстенькой*); *дак* {дак(-)=PART}, *и* {и(-)=PART} в функции маркеров конца высказывания (ср.: *огуречки/ полить и//*).

Задача создания в корпусе культурно-коммуникативной модели каждого представленного в нем говора определяет важную роль метаразметки при организации базы данных корпуса. Метаразметка осуществляется либо на уровне модулей (соответствующие характеристики приписываются целому тексту), либо на уровне подмодулей (отдельных текстовых фрагментов). Параметрами метаразметки модуля (целого текста) являются сведения об информантах (фамилия, имя, отчество, год рождения, место рождения, родственные связи, образование, род занятий), о времени, месте записи, о конкретной ситуации общения, об адресатах речи, упоминаемых лицах и их отношении к информанту, о хронотопе текста (месте и времени событий в повествовании).

Тематическая разметка, целью которой является моделирование предметной области диалектной коммуникации, делит текст-модуль на подмодули. Предметная специфика диалектного текста (политематичность наряду с функциональной ограниченностью диалектной коммуникации бытовой сферой



общения), а также стремление к сопоставимости тематической структуры диалектных текстов с текстами, представляющими другие типы речи⁹, обусловили применение двухуровневой тематической разметки диалектных текстов – широкой и узкой. На уровне широкой тематической разметки выделяются, например, следующие классификационные рубрики: *частная жизнь, дом и домашнее хозяйство, религия, зрелища и развлечения, политика и общественная жизнь, производство*. Узкая разметка отражает тематическую структуру широкой предметной области и служит базой для лексико-семантических и когнитивных исследований диалектной речи. Так, в рамках широкой темы *частная жизнь* выделяются микротемы *родители, дети, другие родственники, брак и семейная жизнь, односельчане*. Тематический блок *дом и домашнее хозяйство* включает подтемы *огород, домашние животные, строения, техника и орудия труда*. Тема *религия* подразделяется на микротемы *православные и иноверцы, религиозные праздники и обряды, религиозный этикет, места религиозных отправлений*¹⁰.

Результатом жанровой кодировки диалектных текстов является выделение жанровых форм речи типа рассказ-повествование, рассуждение, описание, сказка, песня, частушка.

От разных компонентов метаразметки, а также от отдельных текстоформ в СарДК возможен переход к файлам с нелингвистической информацией. Образуя содержательно и программно связанное единое мультимедийное средство, корпус дает возможность получать комплексную информацию о говоре и условиях его бытования, представляет собой новый источник изучения диалектной речи, соответствующий современным требованиям науки о русских народных говорах.

Примечания

- ¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 06-06-80428-а).
- ² См., напр.: *Гольдин В.Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Саратов, 1997; *Он же.* Изобразительность диалектной речи // Бюллетень фонетического фонда русского языка. №7. Тексты устной речи. СПб., 2000; *Демешкина Т.А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000; *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002; *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.
- ³ *Гольдин В.Е.* К проекту текстового диалектологического подфонда Машинного фонда русского языка // Докл. III Всесоюз. конф. по созданию машинного фонда русского языка. М., 1990.
- ⁴ Проект поддержан Российским фондом фундаментальных исследований.
- ⁵ *Летучий А.Б.* Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С.215.
- ⁶ В настоящее время СарДК включает 3 подкорпуса: подкорпус с. Белогорное Вольского района Саратовской области, подкорпус с. Земляные Хутора Аткарского района Саратовской области и подкорпус группы поселений Мегра Вытегорского района Вологодской области.
- ⁷ Трудность для последовательного выполнения пословной разметки представляют устойчивые сочетания, смысл которых не выводим непосредственно из значений их компонентов (ср.: *не знай какой работник был* = ‘очень хороший работник’). При сохранении пословной разметки устойчивые сочетания отмечаются специальным индексом, отсылающим к имеющемуся в каждом подкорпусе списку таких сочетаний.
- ⁸ См.: *Ляшевская О.Н., Плунгян В.А., Сичинава Д.В.* О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005; *Сичинава Д.В.* Обработка текстов с грамматической разметкой: инструкция разметчика // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005.
- ⁹ О тематической кодировке в НКРЯ см.: *Савчук С.О.* Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005.
- ¹⁰ Подробнее о тематической разметке см.: *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: Материалы междунар. науч. конф.: В 2 ч. Самара, 2006. Ч.1.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882.09+929 Иванов-Разумник

ГРАНИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КРИТИКА (на материале выступлений Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»)

Н.В. Новикова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы
E-mail: Philology@sgu.ru

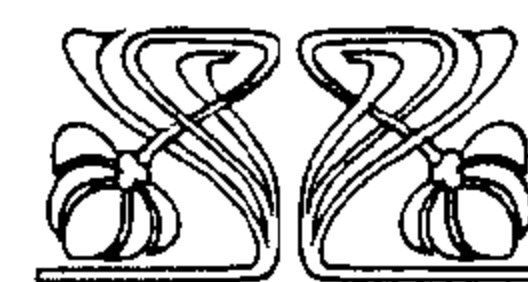
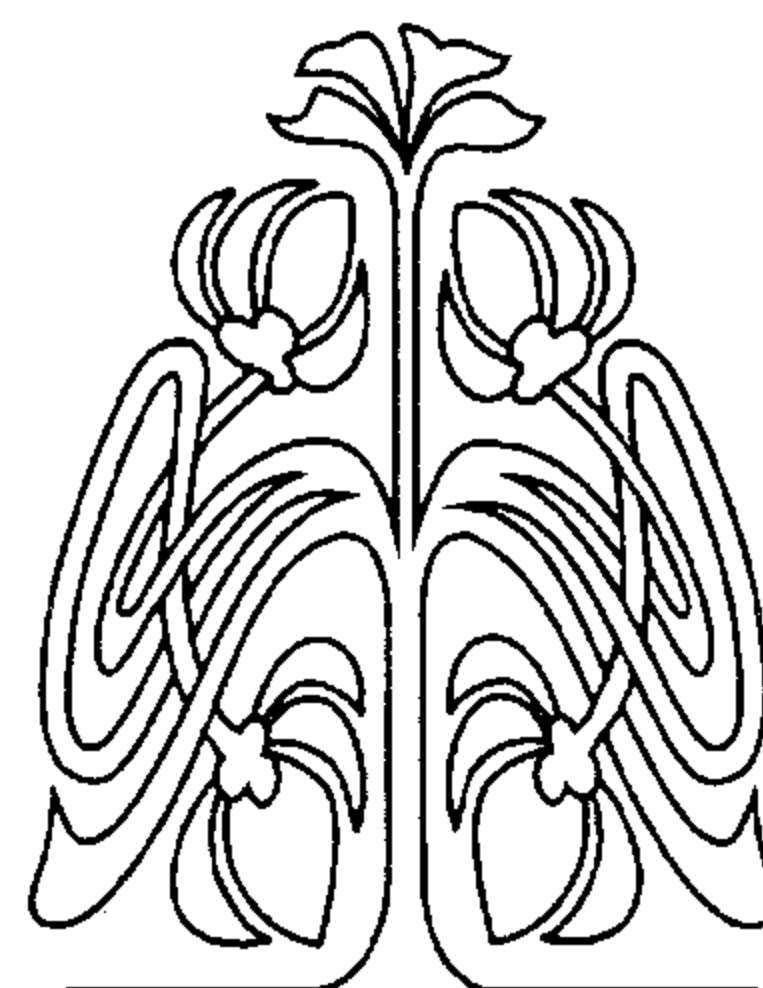
В статье рассматриваются «сказочка», побасенка, анекдот как наиболее заметные семантико-стилистические формы иронического высказывания, которыми в прямой и скрытой полемике оперировал Р.В. Иванов-Разумник на страницах журнала «Заветы» (1912–1914) и которые позволяют судить о яркой индивидуальности языковой личности критика.

Facets of the Critic's Speech Identity (Publications of R.V. Ivanov-Razumnik in *Zavety* magazine)

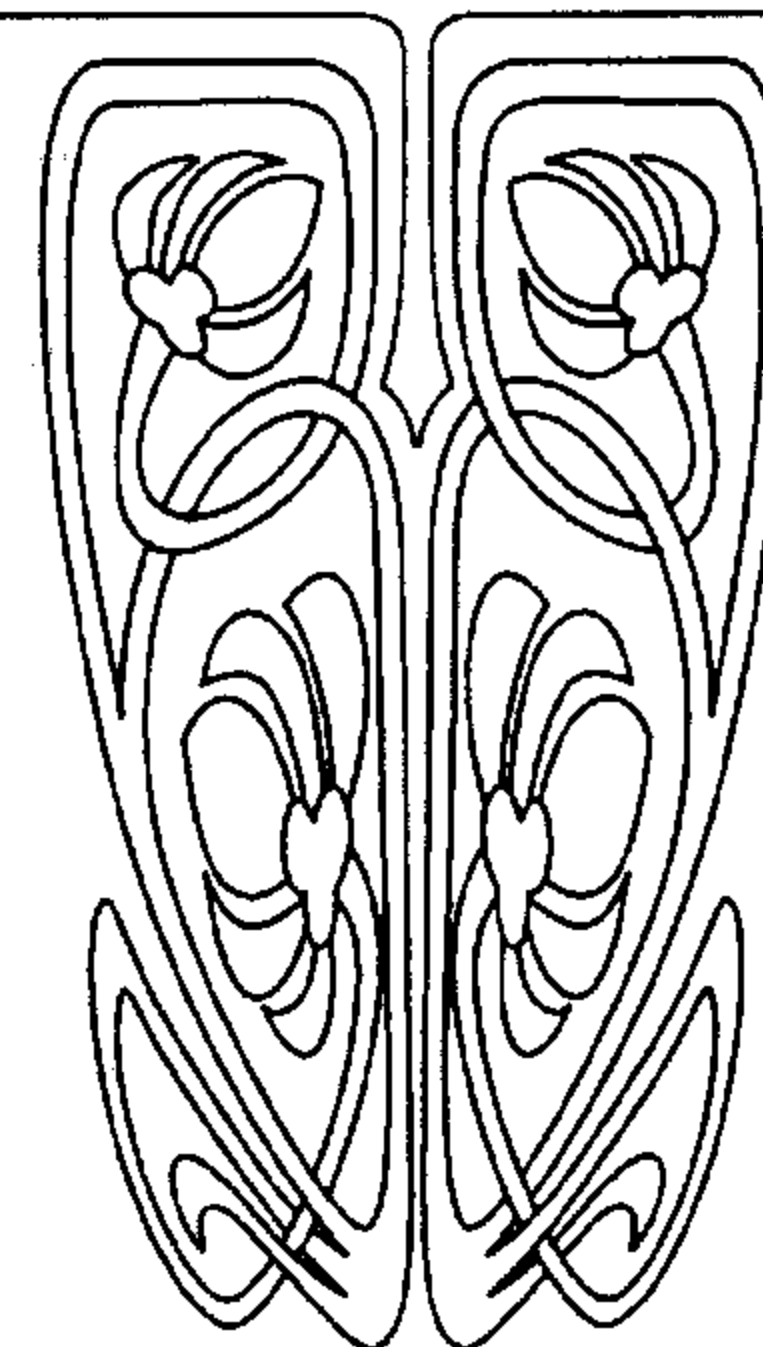
N.V. Novikova

The article examines the genres of "little folk-tale", fable, anecdote, as the most characteristic semantic-stylistic forms of the ironic statement used by R.V. Ivanov-Razumnik in his open and indirect polemical writings in the pages of *Zavety* magazine (1912–1914), aiming at elucidating the speech identity of the critic.

Литературно-общественный ежемесячник «Заветы», название которого реализовалось в его неонароднической направленности, издавался в Петербурге почти век тому назад, с апреля 1912 по август 1914 г. С шестой книги в коллектив создателей журнала, на правах литературного редактора и вскоре – ведущего критика, вошёл Р.В. Иванов-Разумник (1878–1946). К тому времени он был уже сложившимся историком литературы и общественной мысли, искушённым «оценщиком» литературных новинок. Более того, творческие принципы Р.В. Иванова-Разумника как критика демократической складки, обусловленные глубоким знанием русской классики и уважением к её духовному наследию, оказались результативными и в осмыслении тенденций и перспектив литературного движения той поры. Литературно-критическое полотно, создавшееся им на страницах «Заветов», по прошествии времени, ретроспективно воспринимается целостным. Академической наукой оно признаётся программно значимым явлением, содержащим ростки современного прочтения литературы начала 1910-х годов¹. Такая оценка, касаясь в первую очередь смысловой стороны эстетических построений, побуждает обратиться и к их форме. Вне всякого сомнения, её роль сказалась в донесении до читателя существа и оттенков системной критической мысли. Языковая фактура концептуального подхода Р.В. Иванова-Разумника к текущему литературному процессу привлекает в качестве предмета специального рассмотрения.



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Прежде всего следует отметить, что Р.В. Иванов-Разумник оперировал известными понятиями, которые в его журнальной критике стали опорными, сквозными, психологически и логически взаимосвязанными, иначе говоря – кодовыми и циклообразующими. Такие понятия, как «трагедия», «драма», «путь», «рождение человека», «любовь» (к человеку, к жизни), «вера» (в человека, в жизнь, в русский народ, в Россию), действительно выявляли характерные черты творческой данности интерпретируемых произведений, были суммарным критерием в их оценке и в конечном счёте целостно воспроизводили живую картину текущей литературы².

Обращаясь к вопросу о языковой индивидуальности критика, сразу оговоримся: она настолько своеобразна, что в рамках данной работы обозреть её не представляется возможным. Не претендуя на адекватную феномену полноту, остановимся на нескольких гранях оригинального самовыражения Р.В. Иванова-Разумника – на семантико-стилистических формах прямой и скрытой полемики. Дело в том, что литературно-критическая «платформа» «Заветов» формировалась и формулировалась им в обстановке острой дискуссии по ключевым проблемам литературной современности, суждения критика об отдельных произведениях, о творчестве в целом того или иного поэта (прозаика, критика) зачастую носили полемический характер.

Р.В. Иванов-Разумник был блестящим полемистом, мастерски владел соответствующим инструментарием. Одним из ходовых и, по всей видимости, органичных способов выявления ущербности, несостоятельности точки зрения оппонента и тем самым – подачи собственной в его выступлениях была ирония. Не задаваясь целью классифицировать все формы иронического письма, к которым прибегал критик в своих статьях, коснёмся самых броских. Начнём с относительно объёмных вставок, представляющих собой компактный, но самодостаточный, завершённый текст метафорического характера в виде смешной или поучительной истории, побасенки, анекдота и т.п. Как правило, они задают тон всей статье, когда она с них начинается, и – при неоднократном, настойчи-

вом обращении к ним – являются несущей конструкцией конкретного литературно-критического или теоретико-литературного анализа.

Например, в начале определяющей работы «Вечные пути (Реализм и романтизм)»³ Р.В. Иванову-Разумнику вспоминается – «по случаю бесконечных споров о символизме» – «ядовитая индийская сказочка о том, как слепые решали осязанием вопрос – на что похож слон? Один шупал ноги и потому решил, что слон похож на столбы; другой сказал, что слон похож на веник, – таким ему показался хвост слона; третий нашёл, что слон похож на платок, – этот трогал ухо; трогавший хобот решил, что слон похож на змею, а шупавший клыки сказал, что слон похож на быка. Так и не могли они сговориться друг с другом...» (с.93). Образный ряд фольклорного произведения, перенесённого на русскую почву, с иронической солью материализует «всеобщий разброд мнений» как очевидное и не удовлетворяющее критика состояние проблемы.

Р.В. Иванов-Разумник энергично включается, точнее – внедряется в концептуально важный спор, загораюсь отнюдь не шуточными вопросами: «Отмирает символизм или жива душа его? И в чём существо этой души символизма? Символизм – расслабленный ли это больной или полный сил организм? И что есть символизм? И кто есть символист? И так далее, и так далее» (с.93)⁴. И вновь – посредством удачно найденного приёма – автор статьи, с одной стороны, констатирует безрезультатность усилий («обо всём этом спорят много, спорят долго – и всё никак не могут сговориться друг с другом: ибо одни убеждённо доказывают, что слон похож на змею, а другие упорно отстаивают мысль о сходстве слона с быком») и с другой – пытается объяснить причину создавшегося положения («о таком громадном явлении нельзя правильно судить, руководясь одним “осязанием” текущего дня») (с.93).

Таким образом, аналогия с «ядовитой сказочкой» сыграла свою роль в серьёзном разговоре, в конечном счёте оказавшись его катализатором и логическим посылом к продуктивной мысли об истолковании символизма с оглядкой на его предысторию: «О, разумеется, я охотно верю, что все спорящие



ныне о символизме – совсем не слепые; охотно допускаю, что всё это люди с чрезвычайно пронизательным взглядом, – да, конечно. Но скажите, что же увидит самый пронизательный взгляд в расстоянии двух вершков от громадного изучаемого явления? И не скорее ли рассмотрит это явление тот простой смертный, который отойдёт от него на некоторое “историко-литературное расстояние”? <...> Ибо “символизм” – вовсе не мимолётное явление последних двух десятилетий, ибо в “символизме” есть некая вечная сущность, и споры о нём – вечные споры. Теперь спорят о *символизме*, сто лет назад спорили о *романтизме*: разные слова – тождественные явления» (с.94).

Завершается статья утверждением, которое аргументировано всем ходом рассуждений, спроецированных ироническим зачином: «“Символизм” можно определить только на почве историко-литературной, с одной стороны, на почве психической и познавательной – с другой: вне этого всякий спор о символизме будет только иллюстрацией к сказке о слепых, споривших о том, что такое слон...» (с.110). В итоге – вывод перекликается с тезисом, который возникает из восточной диковины. Отправной стилистически оправданный элемент выполняет сюжетобразующую функцию. Из этого следует, что экзотические краски появились здесь не случайно, не для пресловутого красного словца и, надо думать, не только для того, чтобы расцветить ими материю цехового спора, привлечь внимание читателя игровым – по нынешней терминологии – моментом. Они понадобились критику для зримого воссоздания и заострения полемической ситуации, а за этим внешним и локальным проступает более весомое – конструктивное осмысление вопроса, приведшего критиков в тупик.

Статья «Было или не было?», посвящённая вновь появившемуся роману В. Ропшина «То, чего не было»³, продиктована желанием «вплотную подойти» к нему «как литературному произведению, уяснить себе его художественную ценность, буде таковая имеется, его общественное значение, его место в литературе» (с.134). Прежде чем дать развёрнутую, обстоятельную интерпретацию «полнометражного» сочинения, критик обыгрывает два ничтожно малых, опять-таки – порожде-

ния устного народного творчества. На сей раз это побасенка и анекдот. Обращение к обоим навеяно атмосферой читательского восприятия. К читателю Р.В. Иванов-Разумник и адресуется: «Хорошо это или худо, такое преизобилие критических суждений? Я ответил бы словами народной побасенки: “Хорошо, да не дюже! Худо, да не дюже!”» (с.134). «Конечно, – продолжает он, – хорошо для автора, что произведение его не прошло незамеченным, но – хорошо, да не дюже, ибо всему есть мера, ибо литературный шум не есть мерило ценности произведения, ибо шум этот, эта “славы дань” часто есть только “кривые толки, шум и брань”. А согласитесь, что “кривые толки” и “брань” – это уже совсем “худо”, и такого худого было в изобилии вокруг романа “То, чего не было”. Были и обвинения в плагиате, и обвинения в “измене направлению”, и чего-чего только не было! И всё-таки – худо, да не дюже, ибо во всех этих толках можно разобраться теперь, когда роман закончен, можно посчитаться с возражениями, заслуживающими внимания, можно пройти мимо тех, которые внимания не заслуживают» (с.134).

Не собираясь «заниматься такими раскопками», критик сосредоточивается на центральных задачах, стремится объективно разобратся в узловых моментах романного видения революционной эпохи и характера боевика – теоретика террора и его непосредственного исполнителя. В этом случае методологически значимо и изначальное положение побасенки, и манифестирование ею принципа относительности, благодаря чему автор статьи иронически обобщённо даёт абрис заявленных критиками позиций. Уклончивость сентенции позволяет Р.В. Иванову-Разумнику использовать её двояко, в шутку и всерьёз – но не «криво»! – истолковывая критический бум вокруг одиозного романа. Отталкиваясь от универсального смысла побасенки, он признаёт неизбежность инсинуаций, указывает на то, что стоит большого труда научиться отделять зёрна от плевел, трезво относиться к шумихе и «не оспаривать глупца», тем более что на смену недолговечным «худым» суждениям должны прийти основательно взвешенные. Лапидарное просторечное высказывание становится преамбулой «речи» о превратностях судьбы



«новорождённого творенья», при этом с семантико-стилистической точки зрения оптимальна ссылка на Пушкина, который памятно благословлял своё детище: «...заслужи мне славы дань: / Кривые толки, шум и брань!»⁶ Отсюда – отнюдь не уклончивое, внятное понимание рецензентом своего долга перед писателем и читателем: «Надо только сперва убрать с дороги ряд мелких “кривых толков”, которые с самого начала появились на пути романа “То, чего не было”» (с.134).

Настойчивое внимание к превратной тенденции восприятия ропшинской беллетристики венчается анекдотом: «Главный из таких “толков” – обошедшее всю печать сенсационнейшее сообщение, что роман В. Ропшина является плагиатом, копией “Войны и мира” Толстого... Обвинение в высокой степени странное, ибо если бы роман этот был плагиатом, копией “Войны и мира”, то о нём никто бы и не говорил, и не шумел, и не толковал... К тому же легко сказать: плагиат у Толстого, копия с “Войны и мира”! Легко сказать, но попробуйте это сделать! Исчерпывающе убедительным представляется мне доказательство какого-то юмористического листка: вору не трудно украсть носовой платок, но пусть-ка попробует он стянуть и сунуть в свой карман Кёльнский собор!» (с.134). Действительно, после такого «доказательства» нечего возразить, семантико-стилистическая функция его – передать квинтэссенцию отношения к подобным критическим огрехам и рикошетом – к «Тому, чего не было», увидевшему свет как раз на страницах «Заветов». Этот факт накладывал на критика дополнительные обязательства, заставлял его быть предельно взыскательным к каждому слову.

Однако зафиксировав с помощью парадоксального сочетания образов кульминационную точку своих впечатлений от критики на роман, Р.В. Иванов-Разумник принимается разрабатывать анекдотическую жилу, извлекая из неё намёк на целесообразность подмеченного парадокса: «Кража “Войны и мира” это – просто анекдот, на который можно отвечать только соответственным анекдотом об украденном соборе. И, однако, за этим анекдотом стоит несомненная правда, которая имеет очень важное значение для всего ро-

мана. Украсть Кёльнский собор нельзя, но строить свой дом в том же готическом *стиле* и *духе* – можно. Так и В. Ропшин строил здание своего романа под слишком явным влиянием стиля и духа Толстого и его “Войны и мира”. Это сразу бросается в глаза, и сам автор не только не скрывает, но даже намеренно подчёркивает такое бесспорное влияние» (с.135; курсив автора. – Н.Н.).

На поверку оказывается, что позитивный творческий импульс, наметивший направление собственного анализа художественно-беллетристического текста, не повторяющего «зады» критических отповедей, максимально приближенного к авторскому замыслу, обнаруживается Р.В. Ивановым-Разумником в сгущённой ткани анекдота. Вновь, как и в сказочке, «эксплуатируются» жанровые готовности: через образное опредмечивание, интуитивную материализацию абстракций, что немаловажно в полемике, даётся ход интеллектуальному постижению сопоставляемого литературного явления. Ёмкие и экспрессивные создания чьего-то лукаво-насмешливого ума, по большей части – обогащённые опытом поколений, – сказочка, побасенка, анекдот, – каждое по своему, сугубо ситуативно, выполняют сходные функции.

Возникает ощущение, что для стиля Р.В. Иванова-Разумника спонтанность возникновения рельефных, колоритных элементов закономерна. Его ухо чутко улавливает анекдотические интонации, где бы они ни встречались, память хранит их в арсенале языковых средств как самое неотразимое, самое выигрышное оружие и в нужный момент, художнически мотивированно, пускает их в дело. В языковом поле критика прописан не только анонимный или авторский анекдот. Полемист живо откликается на анекдотически складывающиеся обстоятельства литературной повседневности и в своих выступлениях кристаллизует их до жанровой кондиции. Артистически насыщая рассказ иронией, Р.В. Иванов-Разумник, к примеру, в статье «“Полемика” и “критика”»⁷ повествует о... «кризисе критики», который, по его убеждению, «является таким же анекдотом, как и вообще “кризис” всей русской литературы» (с.151). Эмоциональная реакция «заветовца» на нестерпимый, с его точки зрения,



застой мысли и претенциозность стиля постоянного оппонента подкупающе искренна и динамична: «Мне всегда очень весело читать иеремиады одного уже почтенного критика, который вот уже лет пятнадцать подряд жалуется и вопиет о “кризисе литературы”» (с.151). Поскольку Р.В. Иванов-Разумник отсылает читателей к апрельскому номеру «Русской мысли» за 1913 год, адресатом его оценки, по всей видимости, оказывается Антон Крайний (З. Гиппиус), автор напечатанной там статьи «Журнальная беллетристика».

Иронический эффект признания усиливается благодаря лексическим блёсткам высокого стиля: здесь это «иеремиада» с её библейскими корнями (по имени библейского пророка Иеремии, создавшего плач по поводу падения Иерусалима) – не иначе как горькая жалоба, сетование и – архаичное «вопиет» – общеславянской генеалогии, но далеко отстоящее от разговорного родственника «вопит». Семантика и даже звучание предпочтённых слов способствуют картинному, пластическому воссозданию мизансцены: «В последней своей очередной жалобе <...> критик этот глубокомысленно стал перед неразрешимым для него вопросом: потому ли у нас нет литературы, что нет критики, или потому нет критики, что нет литературы? Так и не мог он сделать выбора между этими двумя одинаково заманчивыми решениями! Да и к чему? Не всё ли равно, раз у нас нет ни литературы, ни критики? Во всём этом только одно трогательно: то многолетнее самопожертвование, с которым этот критик так упорно отрицает существование критики» (с.151).

Анекдотический смысл ситуации очевиден, и работает он на утверждение обратной, прямо противоположной идеи. Ироническое высказывание только на первый взгляд несообразно краеугольной значимости дискутируемых проблем, стилистически несопоставимо с ними. На самом же деле полемическая энергия, преумноженная риторическими фигурами, в этом программном эпизоде особенно действенна. Дав волю иронии, Р.В. Иванов-Разумник уже другим тоном произносит бесспорные для себя вещи: «Конечно, всё это сущий вздор. У нас есть литература, есть и критика» (с.151). Это для него – основа основ, на этом он стоял и это отстаивал. Но

всё-таки чувствуется, что в стилистически нейтральном, если не сказать – голом виде, без иронического облачения, мыслям Р.В. Иванова-Разумника о «расцвете» современной литературы и внутреннем достоинстве критики недостаёт обаяния. Иронический пафос, с которым критик обращается к оппонентам, делает его слова более убедительными и косвенно демонстрирует прочность позиции.

Однако следует признать, что на пути проведения Р.В. Ивановым-Разумником оптимистически выдержанной литературно-критической политики случаются и переделки, перехлёсты, от которых никто не застрахован. Со всей наглядностью это предстаёт на уровне семантико-стилистического «обеспечения» полемики, когда критик увлекается анекдотической историей и абсолютизирует её значение в прояснении очень важных содержательных категорий. Так, аргументируя решительное неприятие романа Б. Зайцева «Дальний край»⁸, он воскрешает запомнившуюся когда-то миниатюру: «Где-то у Диккенса рассказывается о том, как некий лорд писал статьи по любым вопросам. Если ему надо было написать статью “Китайское искусство”, то он поступал очень просто: искал в энциклопедическом словаре две статьи – “Китай” и “Искусство” – и смешивал их в одну. Таким путём внешнего соединения можно и без энциклопедического словаря сопоставлять любые понятия, любые явления, хотя бы внутренняя связь между ними была самая поверхностная» (с.230).

Как видим, рецензент соглашается с логикой поистине анекдотического поведения литературного персонажа и, входя в образ, не делая поправки на присущие анекдоту утрирование и нажим, едва ли не механически переносит простейшую схему на художническое миропонимание: «Беру из вечно текучего словаря жизни слово “богема”, беру слово “революция”: почему бы не соединить их в одно и не написать роман из быта “революционной богемы”? Действительно, почему бы не написать? ведь революция настолько всеобъемлющее явление, что и богему она задела своим крылом. Задела – да, но на фоне этого громадного крыла такое ничтожное впечатление оставляют все эти мелкие и милые люди без стержня, без верований, без



своего Бога! В другой обстановке к ним и отнесёшься иначе, порадуешься их радостям, посочувствуешь их горестям. Такие они милые, чуть шалые, на вид беспутные, а в сущности тоскливо предобродетельные; наряжаются они в робы и фижмы, слегка жантильничают своим "богемством", гуляют под ручки, целуются – и всё собираются идти в "дальний край", за фиолетовые горы и лиловые облака. Конечно, никуда не пойдут и не попадут, а так и останутся вечно на своих чердаках; пусть так, – а всё-таки останется с ними и мечта о дальнем крае» (с.231).

Сдаётся, что примитивная схема действительно послужила для рецензента единственно возможной системой координат. Изображение «русской интеллигенции» «на фоне русской революции» (с.230), увиденное через анекдот, вписанное в него, к нему и осталось привязано: «Зачем было этих людей рисовать на таком чуждом и враждебном для них фоне – реальнейшем из всех возможных и резко враждебном по своей сути, «бесстержности» этих милых и мелких душ? В этом вся ошибка художника. А если это так, то и никакого "романа" перед нами нет. Есть лишь соединение двух слов, "богема" и "революция", в одно произведение» (с.231). Налицо пример сужения и упрощения выводов, обусловленных снисходительной иронией толкования. В широком спектре излюбленных критиком семантико-стилистических средств в данном случае она обернулась для него приёмом полемического саморазоблачения, обнаружила уязвимость подхода Р.В. Иванова-Разумника к творчеству Б. Зайцева. К счастью, примеры подобной недооценки в его статьях крайне редки.

Мы коснулись только нескольких существенных элементов персонально выразительного материала. Заявленная тема предполагает исследование целого комплекса личностно окрашенных семантико-стилистических приёмов и способов литературно-критического воплощения мысли – от россыпи лексических и синтаксических средств до разноприродных стилистических пластов, просторечных, иноязычных и интертекстуальных вкраплений. Богатые возможности

языка и стиля одного из самых заметных критиков 1900–1910-х гг. ещё ждут своих заинтересованных исследователей. Однако даже избирательно выхваченные штрихи к портрету незаурядного полемиста позволяют судить о яркой индивидуальности его языковой личности и, стало быть, о творческой самобытности Р.В. Иванова-Разумника как критика.

Примечания

- ¹ Говоря о зарождении в конце 1900-х гг. нового реалистического течения, В.А. Келдыш обратил внимание на сопутствующее «художественному запечатлению» «особого синтеза бытийного и социально-конкретного мировоззрения» «понятийное его осознание»: «Примечательно, что именно в 1910-е годы была предпринята попытка оформить – на основе подобного устремления мысли – творческие платформы: в товариществе «Книгоиздательство писателей в Москве», образованном в 1912 году, и в петербургском журнале «Заветы» (его литературном отделе), начавшем выходить в том же году» (Келдыш В.А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2001. Кн.1. С.269–270).
- ² Подробнее об этом: Новикова Н.В. «Рождение человека» как «заветная» идея литературной критики Иванова-Разумника // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: Материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 12–15 апреля 2006 г. Волгоград, 2006. С.122–127; Она же. Концептуальные формулы цикла журнальных статей Иванова-Разумника // Вестн. МГОУ. Сер. Русская филология. 2006. №2(27). С.239–248; Она же. Литературно-критическая позиция Р. Иванова-Разумника в журнале «Заветы» // Куприяновские чтения – 2005: Материалы межвуз. науч. конф. Иваново, 2006. С.80–89.
- ³ Иванов-Разумник Р.В. Вечные пути (Реализм и романтизм) // Заветы. 1914. №3. С.93–110. Здесь и далее цитируемые страницы указываются в тексте.
- ⁴ В статьях Р.В. Иванова-Разумника риторические фигуры – в избытке, что позволяет считать их одним из показательных элементов его поэтики, существенно влияющим на создание языкового «имиджа» критика.
- ⁵ Иванов-Разумник Р.В. Было или не было? (О романе В. Ропшина) // Заветы. 1913. №4. С.131–151.
- ⁶ Прямая и опосредованная цитация классиков мировой литературы (Шекспира, Мольера, Диккенса, Державина, Грибоедова, Пушкина, Крылова, Гл. Успенского, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Горького) – в силу особой семантико-стилистической выразительности интертекста – применительно к языковому портрету Р.В. Иванова-Разумника заслуживает отдельного разговора.
- ⁷ Иванов-Разумник Р.В. «Полемика» и «критика» // Заветы. 1913. №5. С.138–151.
- ⁸ Иванов-Разумник Р.В. Дальний край (О романе и рассказах Бориса Зайцева) // Заветы. 1913. №6. С.222–233.

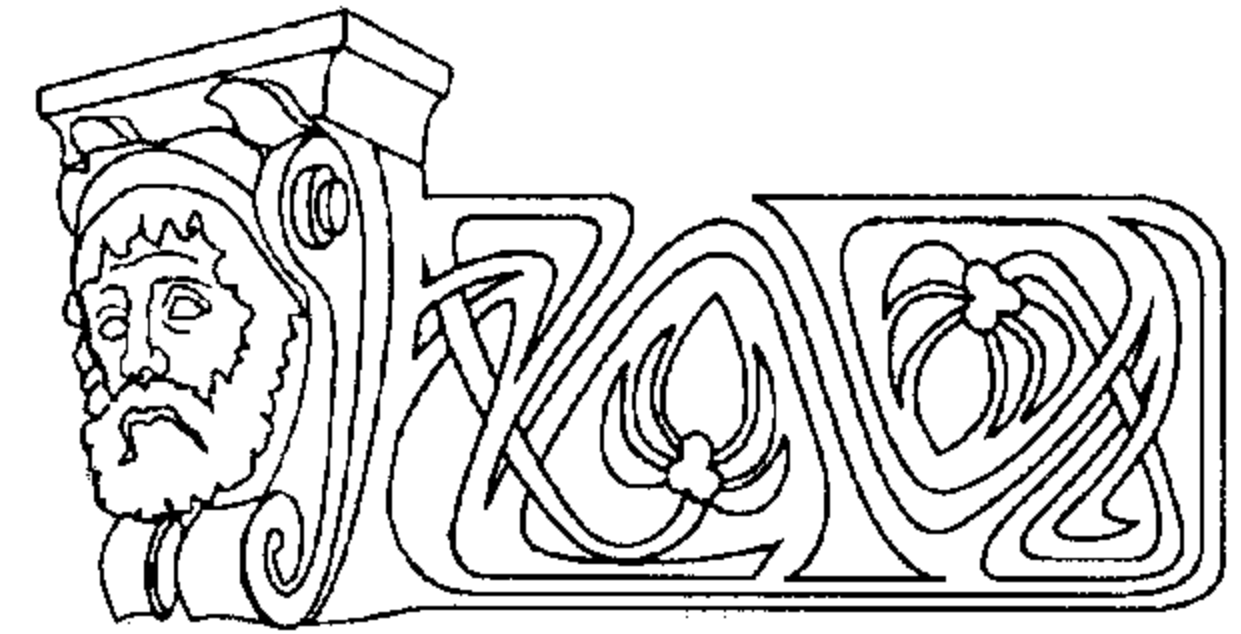


УДК 882.09-31+929 Пелевин

ПОЗНАНИЕ ГЛАМУРА ДИСКУРСОМ: ЯЗЫК В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «EMPIRE V»

И.В. Кабанова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru



Последний роман В. Пелевина рассматривается как роман о языке на основных уровнях: язык в сюжете, мотивной структуре, метафорике и стиле романа. Выявляются параллели между воплощенными в романе представлениями о языке и теорией языка в современной философии языка, в постструктурализме.

Discourse Going Into Glamour: Language in V. Pelevin's Empire V

I.V. Kabanova

The latest novel by V. Pelevin is looked into as a text centered on the language, as demonstrated by examination of plot, motive structure, key metaphors and style of the novel. The parallels are suggested between Pelevin's idea of the place and function of the language and the twentieth-century language philosophy, as well as post-structuralist language concepts.

В. Пелевин (р. 1962) – один из немногочисленных отечественных авторов интеллектуальной идеологической прозы, в которой положения постструктуралистской мысли, востребованные при очередной перемене интеллектуальной моды, обернуты в красочную форму, делающую их притягательной и доступной для массового читателя. Написанная от первого лица история девятнадцатилетнего москвича Ромы Шторкина, который из грузчика в универсаме превращается в могущественного вампира Раму Второго, имеет черты классических жанровых разновидностей романа, уже отмеченных критиками в творчестве Пелевина¹. От романа карьеры в нем история утраты иллюзий, обретения героем места в жестоком мире после принятия его законов, любовная история взаимоотношений с девушкой-вампиром по имени Гера – как в классическом романе XIX века, женщина оказывается важнейшим инструментом карьеры героя. От романа воспитания «Empire V» заимствует основную сюжетную структуру: обучение героя у наставников-вампиров, его прохождение «курса молодого вампира», постепенное раскрытие перед юношей тайн мироздания и самопознание. От жанра антиутопии – фокусировку на со-

циально-философских проблемах, склонность автора к сатирическому обличению современной культуры.

Пространственно-временная структура романа отсылает к столь значимой для Пелевина традиции фантасмагории «Мастера и Маргариты». В современной Москве, столице потребительства напоказ, разворачиваются фантастические события с участием нечистой силы; полет Рамы на великое грехопадение заставляет вспомнить полет Маргариты, а коттедж начальника вампиров Энлиля Маратовича на Рублевке обнаруживает такие же возможности трансформации пространства, как «нехорошая квартира» на Садовой в ночь бала у Воланда. Добавим к этому привычные у Пелевина черты постмодернистского романа: ироничную игру отражающими друг друга поверхностями смыслов, цитатами из недавних фильмов, самопародирование, эпатаж, упоминание событий практически из текущей хроники, таких, как дело Ходорковского и Беслан.

Поэтика пелевинского романа не предполагает тонкого психологизма, поскольку калейдоскоп его персонажей в очередной раз служит для воплощения излюбленной авторской идеи о выморочном характере индивидуального сознания, культуры, действительности вообще, для создания обличительного памфлета против современной культуры. Его послышки созвучны и буддистскому представлению о майе, обманчивом облике мира, и диагнозу Жана Бодрийера современной культуре как «эпидемии притворства, перехода во вторичное, притворное существование»: «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова»². Однако следующая из подобной по-



зиции мизантропия в «Empire V» искупается не как раньше, исключительно энергией занимательного слова, но, как кажется, еще и мессианской интенцией автора, направленной на «конечные истины»: «Люди даже смутно не понимают сил, которые управляют их жизнью. Они не понимают смысла своей эволюции»³. Эти слова из интервью по поводу выхода в свет печатного издания текста⁴ косвенно определяют пафос романа и перекликаются с многочисленными сходными по смыслу пассажами в самом его тексте. Задача раскрыть смысл эволюции, движущие силы жизни вообще выводит этот роман из поля постструктуралистской философии, которая не признает ни вечных истин, ни универсальных движущих сил, а только возможность субъективных, локальных историй. И хотя ниже в том же интервью слова Пелевина о культуре как о калейдоскопе, в котором не может быть никакой «сути», близки к постмодернистскому тезису об относительности любых культурных смыслов, сам по себе масштаб затеянной им конструкции свидетельствует в пользу его принадлежности к традиции отечественного правдоискательства, построения всеобъемлющих философских систем. Западная литература в последний раз задавалась такими задачами в эпоху «Улисса» и «Игры в бисер». На Западе сегодня подобная задача выглядела бы анахронизмом, поскольку «нет больше ни политического, ни художественного авангарда, который был бы способен предвосхищать и критиковать во имя желаний, во имя перемен, во имя освобождения форм. Это революционное движение завершено. Прославленное движение современности привело не к трансмутации всех ценностей, как мы мечтали, но к рассеиванию и запутанности ценностей. Результатом всего этого стала полная неопределенность и невозможность вновь овладеть принципами эстетического, сексуального и политического определения вещей»⁵. Этот масштаб и внутренняя серьезность, скрывающиеся под модной «вампирической» темой и столь же модными «антигламурными» пассажами, привносят в тематический комплекс, разрабатывавшийся в предыдущих романах Пелевина от «Чапаева и Пустоты» (1996) до «Священной книги оборотня» (2004), нечто существенно новое.

Начнем с наиболее очевидных вещей. Через весь роман проходит обязательная для всей постсоветской литературы тема национальной травмы. Современная Россия осмысливается как продукт несчастной, дискретной, абсурдной русской истории. Этот безнадежно-пессимистический взгляд на русский социум лежит в основе предшествующих произведений Пелевина, разве что в новом романе он выражен с особенной жесткостью: «Россия была вечно молодой – но эта молодость доставалась ценой полного отказа от идентичности, потому что каждый новый монстр разрывал прежнего в клочья при своем рождении... Это был альтернативный механизм эволюции – разрывно-скачкообразный... Никаких обнадеживающих знаков для нацеленного на личное выживание картезианского разума в этом, конечно, не было...»⁶.

Травмированному сознанию свойственно не помнить, вытеснять сам момент травмы. Самосознание Ромы-мальчика, который по возрасту не помнит распада Советского Союза, пробуждается под песенку о кузнечике и лягушке из старого советского мультфильма о носовском Незнайке: «Я сразу понял, о каком кузнеце речь: это был мускулистый строитель нового мира, который взмахивал молотом на старых плакатах, отрывных календарях и почтовых марках. Веселые коротышки отдавали Советскому Союзу последний салют из своего Солнечного города, дорогу в который люди так и не смогли найти... Я понял, что ласковый детский мир... навсегда остался в прошлом. Он потерялся в траве, где сидел кузнечик, и было понятно, что дальше придется иметь дело с лягушкой – чем дальше, тем конкретней...» (с.18). Зеленая, цвета доллара, лягушка не оставляет шансов кузнечику, скромному герою, с которым ассоциирует себя Рома, пишущий в сочинении на вступительном экзамене в университет: «И все-таки я патриот – я люблю наше жестокое несправедливое общество живущее в условиях вечной мерзлоты» (с.21). Пропущенная запятая после слова «общество» стоит ему, в подтверждение его слов, места в МГУ. Цель Ромы – выбраться из мутного тумана времени «к деньгам и свету» (с.21). Деньги – лежащая на поверхности цель нового российского общества, а формулировка «свет» несет в себе наследие духов-



ности русской культуры. Как писал Пелевин в статье «Джон Фаулз и трагедия русского либерализма», «Россия недавнего прошлого... была огромным сюрреалистическим монастырем, обитатели которого стояли не перед проблемой социального выживания, а перед лицом вечных духовных вопросов, заданных в уродливо-пародийной форме. Совок влачил свои дни далеко от нормальной жизни, зато недалеко от Бога, присутствия которого не замечал». В романе на материале новейшей российской действительности власть денег изображается как универсальная и абсолютная в жизни людей и одновременно, в соответствии с традициями русской культуры, опровергается и преодолевается, потому что для сверхлюдей, вампиров, деньги не являются самоцелью.

Для воспитанного матерью-диссиденткой Ромы, даже когда он становится Рамой, деньги – средство осуществления духовных задач; субъективно всегда важнее вторая его цель – «свет» (или другой полюс оппозиции, «тьма»), высоты и глубины человеческого духа. Он задается вечными вопросами о смысле бытия, существовании Бога, в полном соответствии с традицией нравственного поиска героя русской литературы, пусть роман ставит эти вопросы в гротескно-пародийной форме. Иными словами, роман представляет собой симптом переживаемого сегодня кризиса национальной идентичности и попытку преодоления этого кризиса с позиций, в которых узнаются такие черты русской культуры, как пренебрежение к материальному миру, безусловный приоритет духовного, почтение к Слову, к языку.

Но амбиции романа значительно выше, чем служить очередным высказыванием по проблемам русской души, механизмов русской истории вообще и переживаемого периода в частности. Пелевин выстраивает собственную фантазмагорическую модель мироздания, недоступную людям и открытую только вампирам. Постмодернистская идея о том, что смыслом всякой эмансипации, каждого освобождения является поддержание и питание сетей власти, оснащается технологическими подробностями и сказочно-мифологическими аллюзиями. Этапы ее постижения и составляют смысловой

стержень романа; все остальные затронутые в нем проблемы служат слагаемыми общей картины.

Картина эта представляет собой логический итог развенчания антропоцентризма, идущего в философии начиная с Ницше. Согласно ей, человечество, – всего лишь выведенное вампирами особого рода дойное стадо. Из людских мыслей, эмоций, надежд, из деятельности «ума Б», то есть из всей духовной жизни людей, вампиры добывают вполне материальный продукт, драгоценный «баблос», который служит пищей для Великой Богини. Человечество низведено с положения любимых сыновей и дочерей Божьих до низшего звена пищевой цепи, на вершине которой на земле стоят вампиры, а во Вселенной – Великая Богиня Иштар, она же Великая Мышь, сосланная в мир за забытый грех и воплощающаяся в серию земных реинкарнаций, «говорящих голов» в духе профессора Доуэля, которые всякий раз заново подсоединяются к главному мозгу на Древе Жизни, принося в жертву за статус Богини свое человеческое тело. Каждая Иштар отражает свою эпоху, и текущая российская немолодая Иштар Борисовна по прозвищу Примадонна полна сомнений и тревоги, которые она заливает дорогим коньяком. Она правит миром через элиту вампиров, посредством языка, которым Богиня некогда и была, а сейчас язык является ее орудием власти, создавая в головах людей наборы ложных представлений о мире, формируя их желания и иллюзии. Язык в смысле сосюрковского *langue* предстает в романе гигантской ловушкой, конструирующей сознание человека таким образом, что он не может вырваться из заданных им границ.

Пелевин прямо воспроизводит положение о том, что слово не отражает, а создает мир и всей образной системой, всем сюжетом романа объединяет хайдеггеровское представление о языке как о «доме бытия» и гумбольдтовское понимание языка как энергии духа. Но от буддистских увлечений прежнего Пелевина роман сохраняет глубокое недоверие к слову, поскольку человеческий язык в нем предстает самодостаточной иллюзорной системой, инструментом для поддержания человечества в состоянии сле-



поты. Язык автор понимает как деятельность, как некую силу или энергию, но источником его в романе служит Иштар, распорядителями – касты вампиров и подчиненных им членов людских элит, «халдеев», то есть язык объективируется в серии образов как независимое от людей начало. Но люди являются объектами воздействия языка, язык может проявляться, действовать только через них. Таким образом, в центр своей Вселенной автор ставит образную материализацию абстракции языка, в которой сочетаются отдельные, противоречащие друг другу, положения современной философии языка. Язык в романе одновременно объективирован, овегетивлен в образах Иштар и «баблоса» и представлен как естественная энергия, омывающая сознание людей. Эта противоречивость авторской концепции языка служит одним из источников неоднозначности романа, проявляясь на всех уровнях вплоть до сюжетосложения.

Роман, который может быть прочитан и как вариация конспирологической литературы (заговор вампиров в основе мира), и как прощание с иллюзией Бога (Бог – всего лишь полезный для образования баблоса фантом человеческой души), эти идеи проговаривает мимоходом, а путь центрального персонажа оказывается, в соответствии с лингвистической философией XX века, путем постижения языка, и соответственно роман – романом о языке. Это признание языка главенствующим началом не ново для русской литературы; до Пелевина его прямо утверждал И. Бродский. Но в романе проблематика языка воплощена с изобретательностью, свойственной Пелевину вообще, и способами настолько разнообразными, насколько возможности романа превышают по своей образной развернутости возможности лирики и эссеистики.

Язык как вечная неизменная первосущность наделен в романе самостоятельным существованием, он только меняет своих смертных носителей. Язык – это и та часть тела, которая делает человека вампиром. «Это была как бы переносная флэш-карта с личностью, сердцевина мозга – своего рода червь, на девяносто процентов состоящий из нервных клеток. Это вместителище индивидуальности стало селиться в черепе других су-

ществ... и входить с ними в симбиоз» (с.167–168). Достаточно натуралистично описывается физиология вампирического языка, части тела еще более интимной, чем обыкновенный язык, – это всего лишь небольшая припухлость, или нарост, на небе, но только эта незаметная деталь делает вампира вампиром, придает личности новый центр тяжести. После особого кровавого укуса, непременно в день летнего солнцестояния, вампирический язык, «другое живое существо высшей природы» (с.34), поселяется в новом теле, и обычный человек благодаря этому симбиозу с языком обретает сверхчеловеческие способности. Изменение облика, невидимость, способность к полету – это традиционные свойства сказочного героя; способность проникать во внутренний мир любого человека, чья капля крови попадает на язык вампира, – это тоже знакомый вариант, вариант эмпатии, или, если угодно, телепатии. Но главный смысл существования вампира – служить поставщиком энергии для языка, своего рода медиумом между языком и жизнью – осуществляется в момент принятия баблоса. Высшая точка вампирического опыта – способность испытывать в момент принятия баблоса нечеловеческое счастье через присвоение в фантастическом ускорении духовного опыта миллионов, ощущение божественного всемогущества – описывается в манере, сходной с описаниями наркотических путешествий в предыдущих романах Пелевина. Автор приходит к формуле Бога как сверхчеловека: простой человек после овладения тайнами языка, активно приобщенный к его высшей силе, становится вампиром, или, что на языке романа одно и то же, Богом на земле. Любое иное представление о Боге – побочный отход в процессе производства баблоса.

Закономерно, что роман о языке представляет собой слепок состояния языка, на котором он написан. За плохой русский язык Пелевина упрекали слишком многие. Реже высказывалось соображение, что стиль Пелевина полностью соответствует его художественной задаче: в идеологическом романе нет места риторике, идеи должны быть донесены до читателя с максимальной внятностью и прямоотой, и стиль, подчиняясь этой цели, делается прозрачным, незамет-



ным. К нему можно подойти и с точки зрения последствий национальной травмы для всякого языка – проблема на материале советской литературы затрагивалась в книге Майкла Горэма⁷. Какой же облик русского языка фиксирует роман?

Как всегда у Пелевина, протагонист – человек с творческими задатками. Его родители имеют отношение к искусству слова: Рома с матерью живут в доме профкома драматургов у метро Сокол; его отец, которого он ни разу не видел, – преуспевающий сетевой журналист. Как только Рома превращается в Раму, он становится гиперчувствителен к словам, открывая в них новые, фантастические смыслы. Эти первые шаги Рамы-лингвиста позволяют автору позабавить читателя: «Синоптик становился для меня составителем синопсисов, ксенофоб – ненавистником Ксении Собчак, патриарх – патриотическим олигархом» (с.63–64), иронически выстраивая в один ряд скандально известную героиню светской хроники и главу Русской православной церкви. Озарения Рамы происходят в основном по поводу социально-политических явлений сегодняшней российской жизни. Эмблема правящей партии, медведь, истолковывается им по созвучию западноевропейских слов «bear» и глагола «берет»: «тот, кто берет», и не только мед. Название Петроград он производит от petrol, английского «бензин», прозревая в названии столицы бывшей империи ее нынешнюю нефтяную основу. И тем более слова из тюремно-лагерного жаргона могут стать поводом к созданию публицистического мини-трактата: «Слово «западло» состоит из слова “Запад” и формообразующего суффикса “ло”, который образует существительные вроде “бухло” и “фуфло” (в данном случае словообразующего; формообразующим суффикс “ло” был бы в глаголе: (оно) *запа́д-ло*, подобно *упало* и *побежало*. – И.К.). Не рано ли призывать склонный к такому словообразованию народ под знамена демократии и прогресса?» (с.65).

От Хайдеггера до Дерриды философы предлагали вслушиваться в слово «само по себе», в то, что оно несет в себе помимо всяких исторических контекстов, и видя в этом методе рефлексии над словом путь к постижению «оформленной концептуальности»

языка, окошко, приоткрывающее смысл бытия. Этимологические экскурсы Рамы гротескно используют именно эту установку, потому что исследование запечатленной в слове философии вступает в противоречие с открывающимся Раме как раз в этот момент свойством слова как знака маскировать бессмыслицу, пустоту.

Рама проходит базовый курс вампирских наук, главными из которых являются гламур и дискурс, или, как говорят ведущие их специалисты, вампиры Бальдр и Иегова, курс гламура́ и дискурсá, с ударением на последнем слоге – автор наделяет их таким образом профессиональным произношением, подобно тому, как «старые волки-эксплуатационники говорят, например, “мазута́” вместо “мазута”. Это сразу вызывало доверие к их знаниям и вызывало уважение к их опыту» (с.60). Раме этот курс дается с трудом, потому что разницы между дисциплинами в сущности нет, обе трактуют тайную суть современной общественной мысли: «Идеологией анонимной диктатуры является гламур. Гламуром анонимной диктатуры является ее дискурс» (с.68). Одно является разновидностью другого, и в этом автор прав. Без всяких отсылок к создателю современной теории дискурса Фуко, Пелевин словами Бальдра и Иеговы раскрывает суть описанных им, разработанных Новым временем практик контроля и управления, «нормализации» человеческого поведения и сознания, путем построения удобных властью имущим представлений и натурализации этих мифологем в общественном сознании через систему социальных институтов.

В современном мире образы и знаки стали формировать саму реальность, так называемую «гиперреальность», скрывающую отсутствие под ней реальности подлинной. Гиперреальности соответствует новый тип знаков, которые целиком утрачивают связь с подлинной действительностью и единственной функцией которых становится симуляция действительности, знаков-симулякров. В самом деле, главный товар рыночной экономики – идеи, образы, брэнды, т.е. интеллектуальный продукт, что свидетельствует об ослаблении в экономике производства материальных ценностей и о новой роли культуры в жизни общества. Искусство,



средства массовой информации, реклама играют в поддержании существующего социального устройства важнейшую роль, формируя жизненные цели людей, и в разоблачении власти журналистов, маркетологов, пиарщиков автор вновь вступает на территорию, хорошо знакомую читателям его предыдущих романов. Особенно больно он задевает творцов современной культуры, производителей и хранителей дискурса, специалистов по потреблению в сфере общения: «Гламур – это секс, выраженный через деньги. Дискурс – это секс, которого не хватает, выраженный через деньги, которых нет... Гламур – это дискурс тела, а дискурс – это гламур духа» (с.59–60). Убийственное толкование в результате получает модная разновидность современного гуманитария – культуролог, этакий метросексуал среди гуманитариев; с точки зрения Рама, «это ... уролог, который так подробно изучил мочеполовую систему человека, что добился культового статуса и получил право высказываться по духовным вопросам» (с.72). Разного рода галеристы, критики, писатели, художники и прочие люди творческих профессий преуспевают исключительно в зависимости от своего умения «кидать понты» в принятой в данный момент манере. Трудности с понятиями «метросексуал», «ваммосексуал», «каргокульт» и прочими разделами курса Рама преодолевает легче, и опять-таки автор обходится без сложной теоретической базы – правда, упоминается создатель термина «показное потребление» американский социолог Торстон Веблен, – а пишет на эти темы на том же интеллектуальном уровне, на каком они освещаются в глянцевах журналах.

Занятия приносят нужные плоды, Рама начинает прозревать истинный смысл общественных дискуссий: «Я начинал догадываться, что схватка двух интеллектуалов, где один выступает цепным псом режима, а другой бесстрашно атакует его со всех возможных направлений – это не идеологическая битва, а дуэт губной гармошки и концертино, бэкграунд, который должен выгоднее оттенить реальную идеологию, сияющую из гадючьей мглы» (с.84). Пелевинские гламур и дискурс трактуют именно проблемы власти символизации, преломления реальности в знаке, возможностей дискурса и т.д., т.е. те про-

блемы, которыми занимались постструктуралисты – Деррида, Фуко, Делез, Лиотар – в попытке вырваться из ловушки идеологии. Их опыт дает урок иллюзорности попыток выйти за пределы идеологического поля. В главах «Бальдр» и «Иегова», в сценах капустника у Энлиля Маратовича Пелевин излагает своего рода тезисы постструктуралистского понимания идеологии как культурно и социально обусловленной доктрины, успешно выдающей себя за самоочевидную истину, идеологии как неизбежного глубинного регулятора процесса культурного воспроизводства. Вампир Рама понимает все это скорее интуитивно; сюжетная функция погружения в глянец гламура (который написан с большим знанием дела) и в мутный туман дискурса – выработать у начинающего вампира иммунитет к ним, подготовить его к роли их распорядителя, в конечном счете – хозяина языка. Отдельный вопрос, что здесь налицо противоречие: ведь по утверждениям теоретиков от Альтюссера до Бодрийяра, идеология (не в грубом марксистском понимании) лежит в основе человеческой субъективности, и «преодолеть» ее никому не дано, ну разве что вампирам, но никак не романисту, что и доказывает текст романа. Образование Рама завершает курс «Искусство боя и любви», который ведет похожий на Тютчева вампир Локи.

На протяжении романа стиль повествователя не претерпевает особых изменений. Это все тот же пелевинский стиль, «принципиальная стилистическая какофония», если воспользоваться словами Л.Я. Гинзбург по поводу обэриутов. В интертекстуальном поле романа равноправно соседствуют литературные (Набоков, Пастернак, Окуджава, Солженицын, Тютчев, Джозеф Хеллер) и кинематографические тексты (голливудская трилогия «Чужие», «Криминальное чтиво» Тарантино, фильм Майкла Мура «Фаренгейт 9/11», исторический блокбастер «Троя»). Забавно пародируется заимствованная с Запада мода на политкорректность: вампиры говорят не «кровь», а «красная жидкость», не «жертва», а «ликвид провайдер» (поставщик жидкости). Предметом особого интереса автора является язык Интернет-сообщества в разных его вариантах, от относительно нейтрального стиля электронных писем, которыми Рама



общается с Герой, до буквенно-фонетической записи речи, введенной в оборот «падонками» с петербургского сайта udaff.com. Например, объяснение разницы между отражающим объективную реальность умом «А» и умом «Б», денежной железой человека, становится выразительней с применением элементов именно этого языка: «Когда ты замечаешь разницу в форме кузова и фар, отличие в звуке мотора и рисунке шин – это работает ум «А». А когда ты видишь два «Мерседеса», один из которых гламурный, потому что это дорогушая модель прошлого года, а другой – срачный ацтой, потому что на таком еще Березовский ездил в баню к генералу Лебедю и в наши дни его можно взять за десять грин, – это работает ум «Б». Это и есть полярное сияние, которое он производит» (с.172). Ненормативная, обценная и жаргонная лексика также становятся важной частью общей языковой игры.

Обилие англоязычных вкраплений в роман отражает реально возросшую роль западной культуры в России. Как правило, по-английски называются товарные брэнды, цитируются слоганы рекламных кампаний, слова из песен, реплики из кино, приводятся термины культурных исследований: *conspicuous consumption* (потребление напоказ), *industrial exemption* (освобождение от физического труда), *override* (принудительное управление). Прагматика конкретных случаев употребления английских выражений иногда сомнительна, например: «Мы с матерью занимали небольшую двухкомнатную квартиру вроде тех, что в закатных странах называют «one bedroom». В этой самой bedroom я и вырос» (с.14), или: «современное рабочее место в офисе – *subicle* – даже внешне похоже на стойло...» (с.176). Любопытно, что в англоязычных романах, написанных на советском материале, практически никогда не встречается русскоязычных вкраплений, единственное известное нам исключение – «Заводной апельсин» Э. Берджесса, отчасти использующий, отчасти конструирующий русский слэнг криминальной молодежи, но и там русские слова переданы латиницей. Даже в русскоязычных романах третьей волны русских эмигрантов на материале американской жизни английский используется уме-

реннее, чем у Пелевина, который находит в этом своего рода интеллектуальное щегольство.

Неологизмы английского происхождения изобилуют в романе, отражая новые социальные явления и помогая передать «дух времени». Это чаще всего кальки с английского: из компьютерной сферы («ноут» для переносного компьютера, «аттачмент» вместо «приложения к письму»), из сферы индустрии красоты (ботокс и липосакция), для обозначения культуры знаменитостей (селебритиз), для описания механизмов коррупции (тендер с откатом). Реже эти кальки заменяют простые понятия: дринк (напиток), мессидж (смысл), лузер (неудачник), уже цитированный выше бэкграунд (фон).

Автор использует и более сложные способы словообразования, например: «Я давно уже обратил внимание на пошлейшую приметку нашего времени: привычку давать иностранные имена магазинам, ресторанам и даже написанным по-русски романам, словно желая сказать – мы не такие, мы продвинутые, оффшорные, отъевроремонтированные. Это давно уже не вызывало во мне ничего, кроме тошноты» (с.75), где сочетаются такие способы словообразования, как сложение основ (отъевроремонтированные – «евро»+«ремонт») и суффиксально-префиксальный способ.

Самоирония в последней цитате обращает нас к смыслу заглавия романа, который комментирует пассаж о Пятой Империи: «Это всемирный режим анонимной диктатуры, который называют «пятым», чтобы не путать с Третьим рейхом нацизма и Четвертым Римом глобализма. На деле это гуманная эпоха Vampire Rule, вселенской империи вампиров, или, как мы пишем в тайной символической форме, Empire V» (с.272). Простая перестановка первой буквы в слове *vampire* в конец слова – и автор загадывает шараду, которая подлежит разгадке уже на двух языках, русском и английском, потому что по-английски слова «империя» и «ампир» пишутся по-разному, а произносятся одинаково. Автор не забыл высказаться по поводу сталинского классицизма, советского варианта стиля «ампир»: «Я люблю наш ампир. Люблю его выстрадавший в нищете гламур и выкованный в боях дискурс» (с.406).



Овладение Рамы вампирическим курсом отражается в его поэтических опытах. Их в романе всего три. Первый – плод знакомства с препаратом в пробирке, помеченной «Пастернак +1/2 Nabokov», после чего героя охватывает поэтический зуд и рождаются четыре строки, пародирующие невнятицу раннего Пастернака; зуд не унимается, и рука Рамы записывает еще две столь же беспомощные строки по-английски. Третий опыт Рамы-поэта цитируется практически во всех рецензиях на роман; за него авторы сетевых блогов в своих отзывах говорят Пелевину отдельное «спасибо», поэтому на нем стоит остановиться подробнее.

Дуэль между Рамой и его соперником в отношениях с Герой, вампиром Митрой, происходит в форме поэтического конкурса, что вовсе не представляется неожиданным среди существ, служащих языку. За тридцать минут дуэлянты должны написать вампирический сонет на заданную тему с тем, чтобы Гера выбрала победителя. Раме достается тема «Князь Мира Сего». Это аллюзия на Евангелие от Иоанна; при вступлении в Иерусалим с небес звучит глас Господень, и Иисус говорит: «Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон» (12:31). «Князь мира сего», сатана – так традиционно переводится на русский язык стоящее в оригинале слово «архонт» (греч. начальник, мироправитель). В христианских текстах архонты безусловно враждебны богу и человеку, это слуги дьявола, бесы. Рама соответственно устраивает свой суд сегодняшнему миру, пишет «грозный мистический стих-предупреждение» (с.387) повышенной злободневности, обращенный, как и следует ожидать в идеологическом романе, к отечественным халдеям, т.е. к элите, управляющей страной.

СТАС АРХОНТОФФ

Зачем скажи Начальнег Мира
Твой ладен курицца бин серой?
Кто Бени. Фици. Ары пира?
Они твои акционерны?

Зачем ты так нипабедимо
Керзою чавкаиш в ацтои?
Каму кадиш в тумани винам
Под куполами Главмосстройа?

Ты щаслеф. Ветир мньот волосья.
Литит салома тибе ф морду.
Но биригис. Твой след ф навози
Уж уведал Начальнег Морга.

Сонет написан на языке сайта udaff.com. Это язык новейшей генерации русских пользователей Интернета, которые таким образом самовыражаются в неподцензурной сети. Язык авторов сайта, пародирующий все шире распространяющуюся безграмотность письменной речи (непосредственно с сайта позаимствованы «начальнег», написание окончаний существительных мужского рода на «ой» в родительном падеже как «ойа» как в «Главмосстройа», «цц» вместо «тсся» в глаголе, высокочастотный на сайте «ацтои»), – этот язык выражает одну из сегодняшних форм радикальной культурной оппозиции официальной культуре. Нарочито неловкие рифмы, пять риторических вопросов, таящих угрозу, и ее прямое выражение в образе Начальника Морга – единственно понятного «начальникам мира» воплощения Бога, – сонет как бы говорит с адресатом на его собственном языке, примитивность которого замаскирована «понтами». Ранее в романе автор замечает: «интернетовский новояз был совсем молодым, но уже мертвым языком» (с.385), и все же использует его в кульминации романа. Идеологический заряд стихотворения понятен: развенчание сегодняшних хозяев жизни, причем набор русских реалий (купола, кирза, солома, навоз) служит более явным средством политизации текста, чем нуждающееся в комментарии заглавие. Герой уверен в своей победе: «я с гордостью ощутил, что сам не понимаю написанного до конца» (с.387), в опыте ускорения и сгущения языка в процессе создания сонета он почувствовал себя поэтом, т.е. хозяином языка.

Раме помогают его секунданты, не сомневающиеся в его победе; ему дают возможность воспользоваться препаратом, чтобы подстегнуть вдохновение. В спешке он выплескивает в рот содержимое пробирки «Тютчев+албанск. source code». «Албанский источник» здесь, вероятно, не столько аллюзия на патриотическо-славянскую струю в творчестве Тютчева, сколько отсылка к значениям слова «албанский», которые оно приобрело после голливудской политической сатиры «Хвост машет собакой», где виртуальная война в никому не известной Албании должна замаскировать проблемы во внутренней жизни США, и хорошенькая амери-



ЖУРНАЛИСТИКА: история, теория, практика

УДК 80+070

ФИЛОЛОГИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА: СТЕПЕНЬ РОДСТВА

В.В. Прозоров, Е.Г. Елина

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

Данная публикация основывается на сочинениях студентов факультета филологии и журналистики Саратовского университета. Тема их размышлений – степень сходств и различий между природой филологической науки и современной наукой о масс-медиа.

Philology and Journalism: the Degree of Kinship

V.V. Prozorov, E.G. Elina

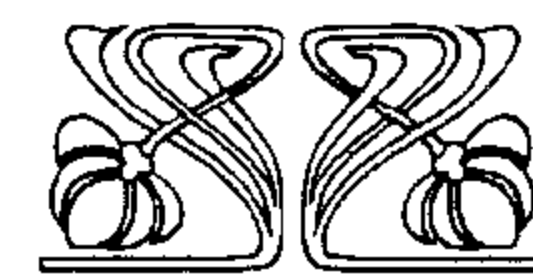
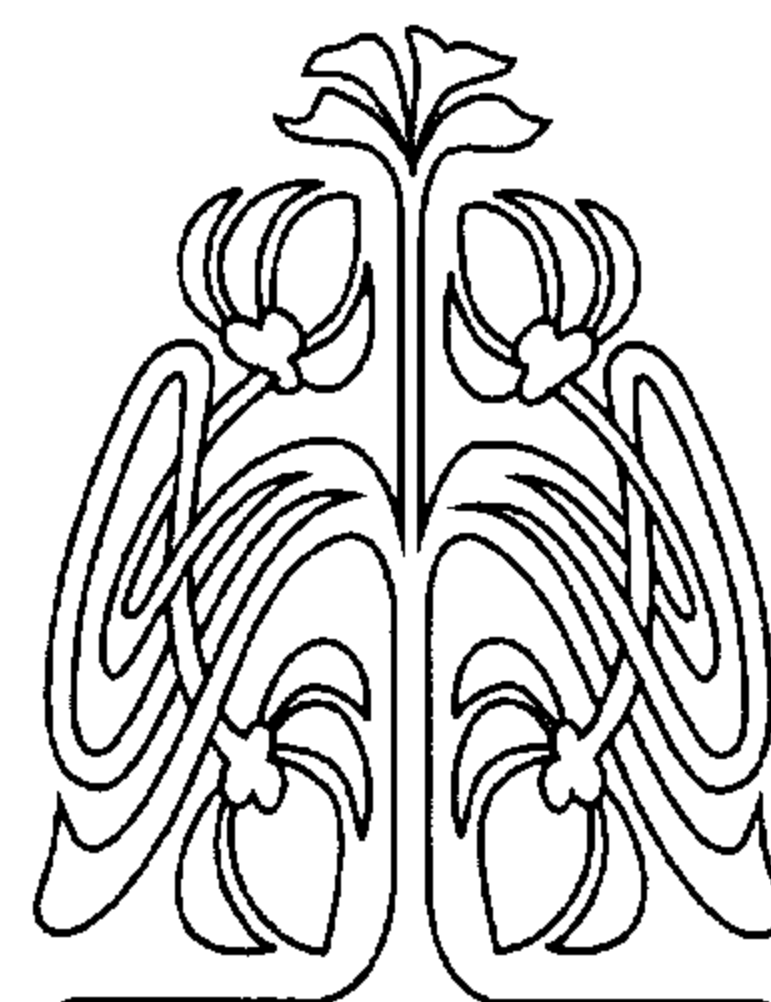
The article is based on the essays written by students in the Department of Philology and Journalism of Saratov State University. In their essays, they reflect on the degree of affinity and distinctions between philology and modern mass-media studies.

Филология и журналистика – две области гуманитарного знания, имеющие близкие (и даже общие) корни и несомненные родственные связи. Тем не менее они расходятся и в исторической ретроспективе, и в задачах сугубо актуальных.

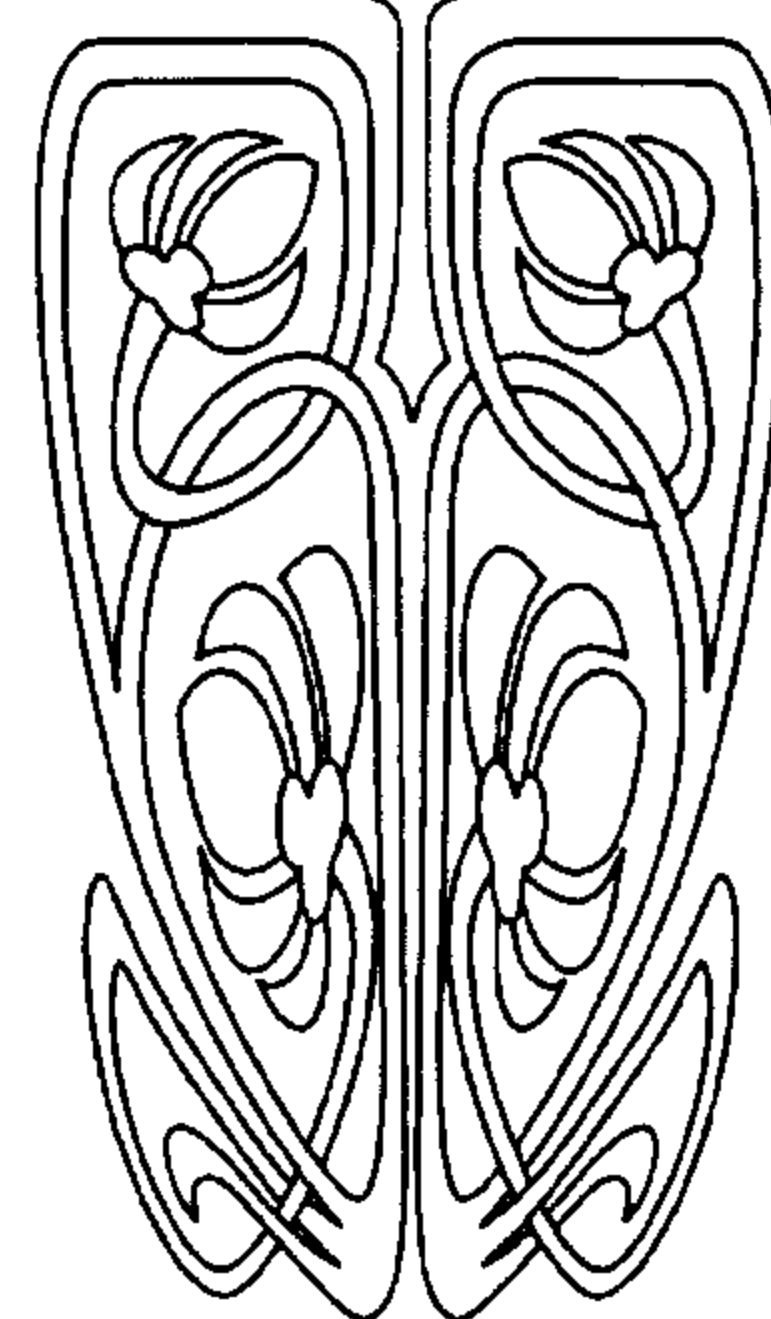
Филология, занявшая прочное место в ряду академических наук, имеет долгую и почтенную историю. Даже в те времена, когда филологию стремились поставить на службу власти, она продолжала выполнять свои функции, связанные с просвещением, комментированием и подготовкой текстов, изданием сочинений. Филология за три века своего существования дала миру крупных ученых – теоретиков и историков литературы – тех, кто определил основные течения и направления гуманитарной мысли. Кроме того, в области филологии работали и работают исследователи конкретных литературно-общественных явлений, аналитики и регистраторы литературного процесса, дающие новую научную информацию, которая в свою очередь впоследствии позволяет делать значительные открытия.

Журналистика сравнительно с филологией – наука молодая. В России журналистика как наука фактически только начинает формироваться со второй половины XX века. Лишь с конца 1980-х гг. появляются у нас серьезные работы по теории и истории журналистики, по изучению ее функционирования в современном мире и восприятия аудиторией.

В отличие от филологии журналистика (как наука) еще не обрела собственного, более или менее обособленного терминологического аппарата и охотно использует термины близкородственных наук – социологии, политологии, литературоведения, а иногда легко переходит на профессионально-журналистские жаргонизмы.



**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**





Отечественная журналистика (как наука) еще не сформировала отчетливо обозначенных и вполне самостоятельных научных направлений и школ. Все исследования в области журналистики связаны с некоей единой наукой, в отличие от филологии, которая имеет в своем составе взаимосвязанные и в то же время абсолютно самостоятельные, обширные научные отрасли (литературоведение, лингвистику, фольклористику).

И, наконец, журналистика как молодая наука не выработала еще собственных аналитических алгоритмов, не создала более или менее универсальный научно-исследовательский аппарат. Происходит это потому, что журналистика (как наука) все еще нередко «работает» на сопредельных научных пространствах, осознавая собственную пограничность. Постепенно обретая статусность, журналистская наука охотно применяет методологию социальных наук. Лишь в последние годы в журналистике стали появляться работы иного уровня и иного типа, когда ученые-журналисты осмысливают отдельные от других наук собственные исследовательские территории.

Признание того, что журналистика в отличие от филологии является становящейся наукой, подчеркивается и самим предметом этих наук. Журналистика относится к числу тех наук, предмет усмотрения которых называется так же, как и сама наука. *Предмет журналистики – журналистика.* Иными словами, предмет науки журналистики – средства массовой информации в их исторических формах и современном состоянии, а также прагматические аспекты журналистики, связанные с триадой «автор – текст – аудитория».

Сложная судьба журналистики как науки заставляет задуматься о границах этой науки, особенностях предмета науки и методов исследования. В последнее время появляются отечественные и зарубежные исследователи, постоянно рефлексирющие по поводу специфики этой науки, возникшей в новейшей истории. Одно из направлений в современных исследованиях – определение границ журналистики как науки и определение границ предмета этой науки.

Наши наблюдения показывают, что научная мысль в этом отношении дрейфует от журналистско-социологических исследований к журналистско-филологическим.

Генеалогия современных СМИ (печати, радио, телевидения, сетевых версий) восходит, на наш взгляд, к известным со времен Аристотеля трем универсальным родам литературного творчества – эпосу, лирике и драме.

При этом печатный текст СМИ (газеты, журналы, электронные издания) со всем разнообразием рубрик и жанров исполняет роль эпоса. При очевидном динамизме печать обращена к событиям и фактам разного масштаба, которые пусть совсем недавно, но уже произошли. Постоянно сохраняется неодолимая дистанция между временем события и временем рассказа о событии.

Радиотекст, как он сформировался и ощутил себя к настоящему времени, наводит на мысль о том, что он усердно исполняет в массовом и индивидуальном восприятии роль лирического рода. Качество звучания, тембр, всё звуковое целое на радио обнаруживают повышенную семантическую нагрузку. Интонация на радио способна совершать чудеса: едва заметными голосовыми модуляциями можно без труда комически снизить непомерно высокое и надменно-надутое, обнаружить нелепое и глупое в серьезном и внешне глубокомысленном. Небольшое и почти невинное интонационное «чуть-чуть», и то, что само себе кажется вполне уважаемым и безоговорочно-авторитетным, обнаружит свою потрясающую внутреннюю несостоятельность.

Телевизионный текст в нынешнем его выражении ближе всего из трёх родов словесного искусства к драме. Он весь пронизан диалогической видеоактивностью. Его стихия – соприкосновение противоположных стремлений, состязание, спор, игра. На телевидении важно, что случится через мгновение, важна, как и в драме, категория будущего времени (эксплуатируемая рекламными паузами). Визуально-электронному СМИ противопоставлено всё, что развивается по законам очевидной и скучной предсказуемости.

Существует ли в современных СМИ ориентация на так называемые универсальные ценности человеческого бытия, столь



пристально исследуемые филологией? Ответ, по-видимому, таков: и благодаря, и – ещё чаще – вопреки авторским (коллективно-авторским) намерениям в текстах СМИ (в сложных сцеплениях с постоянно доминирующей стихией злободневного, новостного, происходящего на наших глазах) неизменно отражаются природно-социальные и духовные универсалии бытия.

Вечные ценности в СМИ – проблема столь же естественная, что и вечные ценности в литературе и искусстве. Мир и война, жизнь и смерть, личность и власть, своё и чужое, честь и подлость, созидание и разрушение, смех и слёзы – эти и другие вечные антиномии пронизывают собой журналистские тексты и в их отдельности, и в их регулярной протяжённости. В текстах СМИ запечатлены сюжеты и мотивы, обладающие необыкновенной устойчивостью. В эффекте приобщения «конечного» человека к «бесконечности» многомерного бытия заключается, быть может, главное жизнеоправдание современной журналистики.

Становится все более очевидной кровная корневая связь журналистики как науки с филологией, а журналистики как исследовательского объекта – с литературой.

Это серьезное фундаментальное обстоятельство и побудило нас предложить студентам 3–5 курсов факультета филологии и журналистики Саратовского государственного университета поделиться своими свободными размышлениями – эссе о филологии и журналистике (как двух сопредельных науках) и литературе и журналистике (как двух исследовательских предметах, имеющих, безусловно, общеинтересное словесное пространство).

Мы посчитали, что в размышлениях студентов – с разной степенью глубины, ясности и непосредственности – отражены сущностные проблемы современного гуманитарного знания, связанного с соотношением филологии и журналистики.

Выдержки из студенческих эссе и составили предлагаемый ниже текст¹.

Об общих свойствах филологии и журналистики

– Филология и журналистика не просто похожи, не просто родственны. Журналист обязан в какой-то степени быть филологом.

– Филология – это мать, журналистика – это дитя. И ребенок очень похож на своего родителя, поскольку перенял самую главную его черту, суть, характер.

– Иногда родственные связи между филологией и журналистикой заставляют страдать филологию: журналистика активно использует ресурсы филологии, ее опыт, накопленный не одной сотней лет. Стилистика, орфография, морфология – все ветви филологии милы журналистике. Отсюда и мнение, что филология – служанка журналистики.

– Филология и журналистика очень близки друг другу и должны вместе следовать по одной и той же дороге, называемой образованием. Филология дает начальный толчок для образовательного процесса, а журналистика продолжает ее дело, неся просвещение в массы с помощью современных, не стоящих на месте средств массовой информации.

– Филология обладает всем миром, знает весь мир. Мир этот живет в художественных текстах, но это не делает его менее реальным. То же можно сказать и о журналистике. Реальный мир для журналистики – это то же, что художественный текст для филолога. Журналисты составляют свои комментарии к миру, делают свои примечания. Как филологи служат тексту, так и журналисты служат миру.

– Филолог, как и журналист, знает все. Он универсален. Филолог – одновременно и историк, и критик, и философ, а порой он разбирается и в точных, и естественных науках. Это можно сказать и о журналисте.

– Невозможно быть филологом или журналистом, не разбираясь, хотя бы немного, во всех науках. Это одна из черт, которая делает филологию и журналистику, скажем так, сестрами.

О слове и языке как общем поле филологии и журналистики

– Филология изучает культуру, выраженную в языке и литературе. Телевидение (в частности и журналистика в целом) должно нести культуру в массы. Культура, воплощенная в слове, в слове красивом и грамотном, – вот точка пересечения филологии и журналистики.



– У филологии и журналистики единая основа – язык. Ни филолога, ни журналиста нет без знания языка. Они взаимосвязаны, переплетены между собой и уже не разъединимы.

– Можно предположить, что у этих наук одно начало. Назовем его «слово». Для журналистики слово – инструмент, для филологии – цель.

– Слово – вот с чего начинается как филология, так и журналистика. С его помощью представители этих областей делятся с миром всем тем, что их тревожит или восхищает.

– Литература основана на слове, потому что жизнь построена на слове. В журналистике слово является лишь средством, в литературе слово – начальная точка опоры и конечная цель.

– Журналист может иметь миллион гениальных идей и проектов, но он не реализует даже крохотной частицы своих замыслов, если не будет обладать умением доступно и правильно выражать их вербально. Кроме того, нельзя забывать об ответственности, которую журналист несет перед аудиторией. Одна метко брошенная фраза может войти в обиход, стать крылатой, одно неграмотно произнесенное слово также может закрепиться в речи людей.

– Между тем журналистика активно обогащает словарный запас русского языка. Слово, которое активно используют все ветви массовой информации и коммуникации: печать, телевидение, радио, Интернет – навсегда останется в языке и будет принадлежать филологии.

– Соблюдать нормы языка в журналистике – дело этики и профессионализма. Получается, что совмещать в своей работе навыки филолога и журналиста, соблюдать все нормы языка и при этом не терять интерес в глазах аудитории – настоящее искусство, доступное редким профессионалам.

– Знание художественной литературы, филологии помогает журналисту. Классический текст позволяет журналисту сделать яркий красочный заголовок для статьи или телерепортажа. Хлестаков произносит: «Без чинов, прошу садиться». Почему бы не употребить это в каком-нибудь остром политическом материале?

О том, что отличает филологию и журналистику, филолога и журналиста

– Для журналиста важно в короткие сроки, с высокой степенью достоверности подготовить материал. Филология же требует фундаментального, кропотливого изучения поставленных вопросов.

– И для журналиста, и для филолога характерен гуманитарный склад ума. Однако в журналистике работает много юристов, политологов, искусствоведов и представителей других профессий. И это далеко не всегда отрицательно влияет на качество журналистского материала. Журналист не обязан быть филологом. Конечно, филологию и журналистику объединяет много общего, однако для меня это не повод говорить об их полном родстве.

– Здесь можно провести параллель: и журналист, и писатель хотят процветания своей страны и народа, но журналист чаще рассказывает о том, что есть, а писатель стремится вывести нас к идеалу и показать, как должно быть. Возникает какая-то борьба между журналистикой и филологией.

– Так же как и филология, журналистика тесно связана с литературой и творчеством. Поэтому у многих людей профессия журналиста ассоциируется с писательским трудом. Но среди множества сходств у этих двух творческих актов есть одно главное отличие. Писатель пишет свои сочинения, опираясь на собственный опыт и ощущения, т.е. попросту сочиняет их. А журналист, используя свое мастерство, должен облечь голый факт в выразительную оболочку и при этом никогда не может что-нибудь выдумывать. Для него главное – достоверность представляемой информации. Да, он может анализировать факты, добавлять свой комментарий, но не вправе изменять или искажать данные, а также рассматривать их только с одной стороны, давать только свою субъективную оценку происходящему.

– Что же первично? Филология, которая началась по сути дела с возникновением языка и литературного творчества, или журналистика с ее функциями поиска, накопления и распространения информации? Язык (речь устная и письменная) – коммуникация, журналистика – коммуникация. И все же



разница есть. Она заключается в степени актуальности и злободневности информации, а также массовости адресата.

– Филологию интересует духовная, нравственная актуальность и общечеловеческая злободневность. Журналистике ближе актуальность и злободневность повседневности.

– Не знаю, как для других, но для меня понятие «филология» священное, сакральное в какой-то степени. Журналистика сейчас нечто насквозь лживое, нечто продажное, инструмент превращения человека в вещь, в послушного барана, жующего тот корм, что бросают ему сверху сильные мира сего. Да, журналистика родственна филологии и сейчас – но чем?

– Журналист – это вечно озадаченный поиском актуальной сенсационной информации человек, работающий в режиме постоянного цейтнота. Филолог же на протяжении многих лет может кропотливо изучать истоки и смысл языка, слова, литературу, переводить с одного языка на другой. Согласитесь, это очень разные люди.

О литературе и журналистике

– Между литературой и журналистикой трудно провести четкую границу. Жанры их переплетаются, задачи и цели нередко идентичны. Возможно, это связано с тем, что журналистика в России «выросла» из литературы.

– Обе не могут обойтись без Слова, Мысли, Чувства, только что-то ярче обозначается в одной стихии, что-то в другой. Кто «первее», кто важнее – не принципиально. Главное, чтобы результат был хороший.

– Они, конечно, родные сестры, но с изначально разными характерами и целями в жизни. Литература – более лиричная особа, с тонкой ранимой душой, иногда кажется, что она «не от мира сего»: думает о чем-то своем, понятном далеко не каждому; застенчивая – шумиха для нее не самое главное. Журналистика – она везде и всегда, непоседа, ей все интересно; она – экстраверт и поэтому обращается к аудитории сразу через несколько источников – телевидение, радио, газету. Иногда, превращаясь из гонщика в зрителя жизненной «Формулы 1», журнали-

стика начинает анализировать. Но затем все снова повторяется. Разные, но похожие: очерк, зарисовка, фельетон, несомненно, журналистские названия. А стиль, характер? Сложные границы, условные. И свой круг общения сестры обретают по-разному. Литература – это друзья, родные – духовная составляющая, основанная на чувстве. До многих произведений надо дойти самому, повзрослеть, стать мудрее. Потому у автора нет цели завоевать весь мир, заставить людей слушаться. Понимающие найдутся сами. Журналистика – гиперобщительное создание, знакомые всегда в курсе последних событий. Автор хочет, чтобы люди знали, он привлекает их внимание и сразу выдает информацию. Вечно в движении и поиске.

– Степень родства литературы и журналистики не абсолютная, но очень близкая, безусловно, необходимо учитывать традиции, исторический опыт и тенденции развития, но всегда стоит помнить, что изначально было слово, *logos*, которое обрело различные формы и функции в литературе и журналистике.

– К сожалению, все более реальными становятся слова Бена Джонса, что журналистика – это деградация истинного писательского Я, ведущая к полному его исчезновению.

– С абсолютной уверенностью можно сказать, что в XIX веке литература и журналистика находились в близкородственных связях. Сегодня лишь немногие журналы берут на себя ответственность за социально-культурное воспитание читателей, тогда как журналистика XIX века в полной мере выполняла просветительскую функцию. Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Некрасов и Чернышевский, Тургенев и Салтыков-Щедрин – все они родом из журналов, которые, без всякого сомнения, влияли на умы молодежи и заставляли читателя задуматься о жизни, о судьбе, о долге.

А что мы видим сейчас? Средства массовой информации – это гнилое болото, в котором барахтаются миллионы журналистов, собирающих жизненно важные факты о том, с кем живет Пугачева, где и что поел Шандыбин и какой зубной пастой пользуется Путин. Я хочу верить, что очень скоро и ли-



тература, и журналистика «сядут за стол переговоров», восстановят кровнородственные связи и не будет поводов для ссор и разладов.

– Жаль, что сегодня на журналистику большое влияние оказывает человек-масса. Именно он сегодня формирует сетку вещания на телевидении и формат газеты.

– Литература и журналистика в наши дни – две звезды на одном небосклоне. Они одинаково близки и одновременно далеки друг от друга. Но для меня литература – это солнце, и, по сравнению с ней, журналистика – лишь тень от солнечного света. Хотя появление этой тени закономерно.

– У писателя, как я полагаю, нет задачи найти во что бы то ни стало «своего» читателя. Ему, писателю, вполне достаточно одного читателя, но того, кто поймет и услышит. А читатель должен увидеть и понять автора сам, потому что чтение художественной литературы – это большой труд души. Журналист работает для массы людей. Одного, «посвященного», читателя ему мало.

– И литература, и журналистика обращены к читателю, однако для журналиста важна публичность, а для писателя – тайна, загадка. Эта мысль кажется мне очень близкой.

– Журналисты наблюдают, информируют. Писатель чувствует и выражает. Литература отражает реальность через душу, журналистика – через события.

– И в литературном, и в журналистском тексте особый смысл приобретает название. Название – это программное заявление автора, первое его обращение к читателю.

– Литературный персонаж – вымышленное лицо, герой журналистского материала – реальный человек.

– По-разному решается проблема авторства в литературе и журналистике. Поэт написал свои стихи, он творец, он автор. Если поэт настоящий, его авторство – на века. Создавая новые статьи, журналисты лишь доносят информацию, фактическую, часто

сухую. Автор журналистских статей – наша насущная действительность, он востребован «здесь и сейчас».

– Читая газеты, человек не может остаться наедине с собой, он виртуально погружается в жизнь общества. С художественно-литературными текстами наоборот. Книга, даже если читать ее в общественном месте, остается замкнутым пространством, художественной картиной, в которую попадает человек.

– И литература, и журналистика своим плодом имеют некий текст, но текст этот написан, как правило, с разными целями и по абсолютно разным канонам. В «обязанности» журналистики входит подача достоверной информации в актуальный срок. От литературы этого требовать нельзя. В литературе нас привлекают нити и стежки, которыми «сшито» произведение.

– Художественный текст создается по наитию, вдохновению. Журналистский – по заданию редакции. И здесь каждый материал имеет свой «deadline» – срок, до которого его нужно сдать, тут уже не до вдохновения.

– Литературу и журналистику объединяет критика. Телевизионные и литературные критики всегда найдут, что сказать про художественное произведение или материал, прошедший в СМИ.

– Журналистика отражает быстротекущество жизни. Художественная литература обращена к тем сторонам жизни, которые волнуют человека всегда, во все времена. И не беда, что герой книги ездит на дрогах, а не в маршрутке.

– Эзра Паунд назвал литературу новостями, которые не устаревают. И это действительно так.

Примечания

¹ Авторы эссе – М. Акатов, С. Аничкин, Е. Алтонова, С. Бабкин, Н. Гливенко, Ю. Ильина, А. Кабанова, Е. Китаева, А. Колпакова, У. Копенкина, С. Кортунова, Т. Кудасова, А. Лощинин, Л. Матвеева, Ю. Масляева, С. Орлова, Р. Павленко, А. Пантелеева, М. Сагалаева, А. Устиманова, О. Хаснутдинова, Д. Юлин.

УДК 808.2

САРАТОВСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА «ИЗУЧЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: rusyazsgu@mail.ru

Статья содержит характеристику принципов и основных результатов исследований в рамках школы, некоторые сведения о ее становлении и научных контактах.

The Study of Russian Language Functioning in Saratov

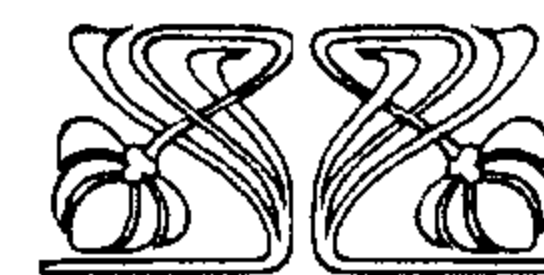
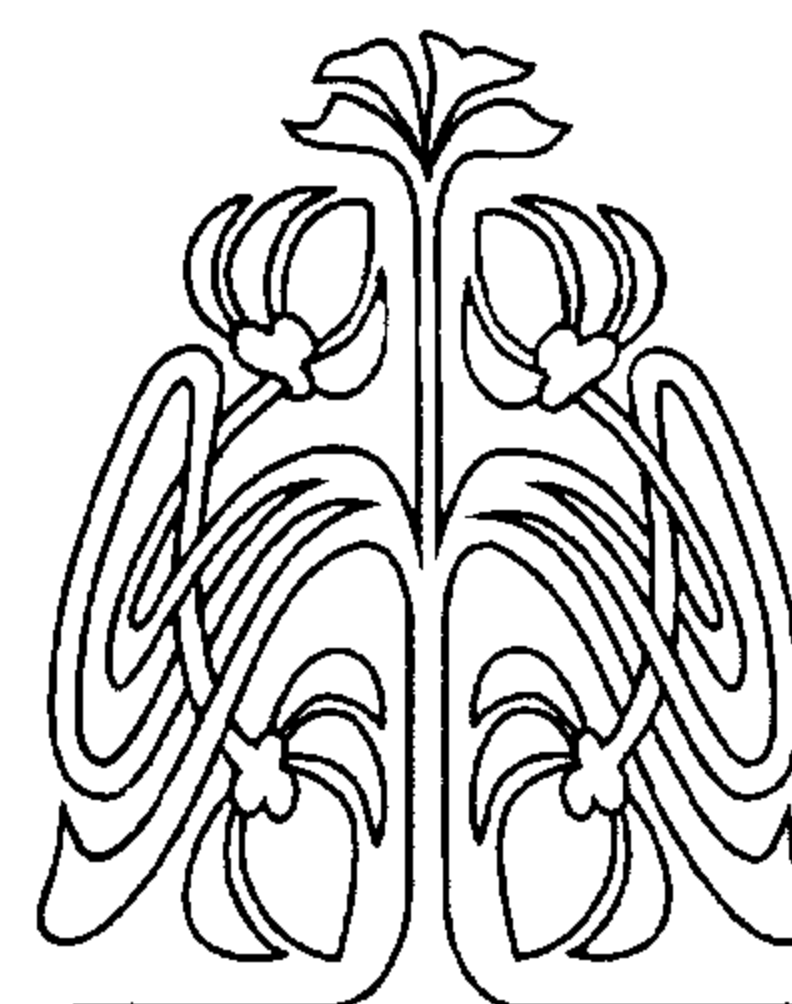
М.А. Kormilicina, О.В. Sirotinina

The article presents the works of Saratov researchers of language functioning. The article mainly focuses on the activity of the Department Russian language and speech communication.

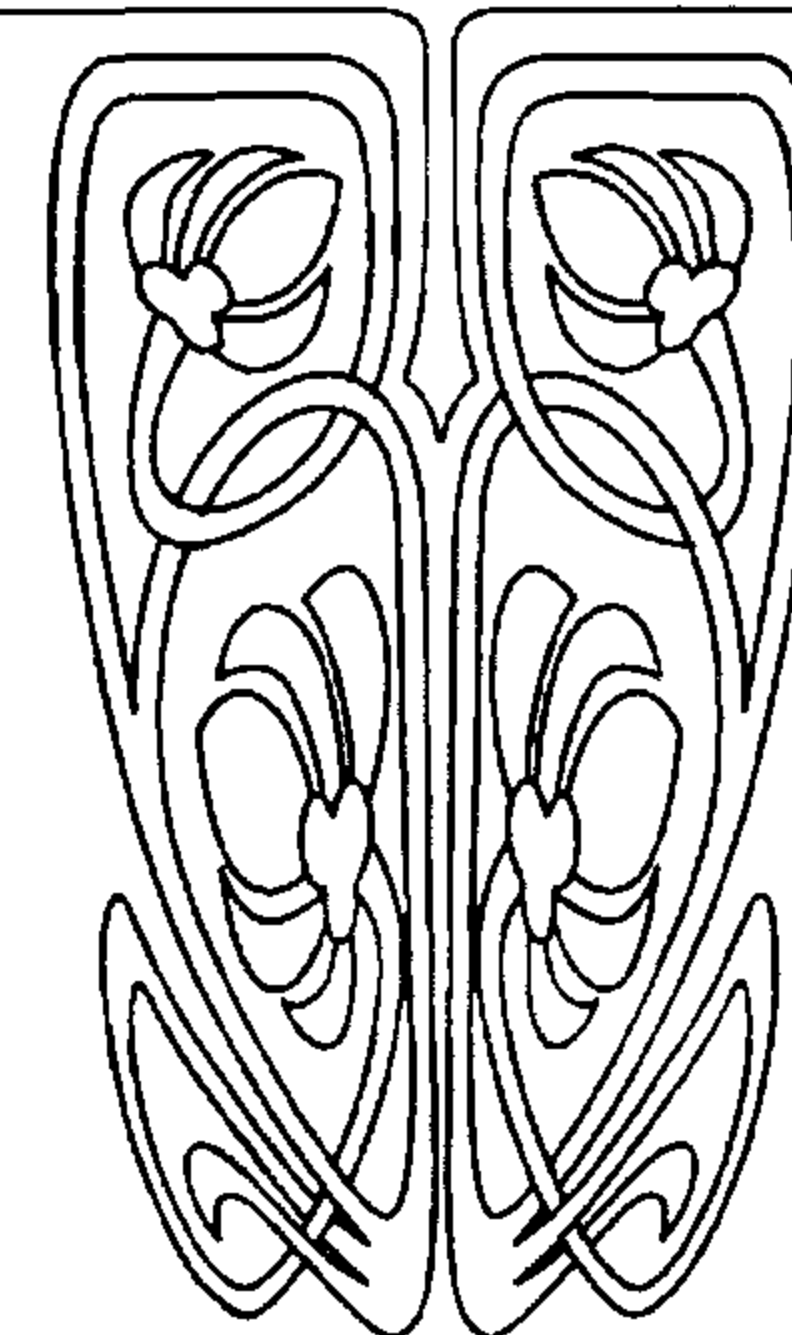
Ядро этой школы – коллектив кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. Но в рамках этой школы работают и многие ученые даже за пределами Саратова и России.

Перечислим только докторские диссертации, защищенные в рамках школы:

1. Сиротинина О.Б. Порядок слов в русском языке – 1966;
2. Полищук Г.Г. Обязательные и факультативные определения в русском языке (их коммуникативная и конструктивная роль) – 1972;
3. Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке – 1972;
4. Журавлев А.П. Содержательность фонетической формы знаков в современном русском языке (психолингвистическое исследование) – 1974;
5. Кормилицына М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи – 1992;
6. Прибыток И.И. Сентенсоиды: структура, семантика, прагматика. Сферы функционирования – 1994;
7. Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности – 1999;
8. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры – 1999;
9. Романенко А.П. Советская риторическая культура – 2001;
10. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи – 2001;
11. Новоженова З.Л. Русское глагольное предложение: структура и семантика – 2001;
12. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения политической элиты России – 2004;
13. Иванчук И.А. Риторический компонент в публицистическом дискурсе носителей элитарной речевой культуры – 2005;
14. Андреева С.В. Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи и их коммуникативный потенциал – 2006;
15. Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь – 2006.



УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ





Список кандидатских диссертаций переваливает за 100.

Формирование научной школы изучения функционирования русского языка под руководством профессора О.Б.Сиротининой началось еще в рамках кафедры славяно-русского языкознания¹. Известность эта школа приобрела в 1960 г., когда О.Б. Сиротинина делала доклад на международной научной конференции в г. Черновцы. В нем были представлены результаты коллективного исследования частотности частей речи, времен глагола и др. в разных функциональных стилях русского языка. С этого времени у кафедры установились и все расширяются контакты с видными учеными страны, институтами АН СССР (теперь РАН), МГУ и другими центрами изучения речи, чему способствовало и проведение Всесоюзных и российских конференций, участие кафедры в совместных с Институтом русского языка АН СССР (позднее РАН) проектах².

С 1962 г. началось издание межвузовского тематического сборника научных статей «Вопросы стилистики», который фактически выполнял функции научного журнала и имел межвузовскую редколлегия. В нем печатались статьи ведущих лингвистов СССР, рецензии на книги, фиксировалась научная жизнь страны. Всего вышло в свет 28 выпусков. С 2000 г. – тематического научного сборника «Проблемы речевой коммуникации» (вышел уже 7-й выпуск). С 2002 г. идет работа в рамках МИОН по исследованию взаимодействия языка и власти, результатом чего был проведенный в 2003 г. международный научный семинар «Власть и жизненный мир личности», изданы два сборника «Язык и власть» (Саратов, 2003) и «Власть и речь в средствах массовой информации» (Саратов, 2005). С конца 90-х гг. кафедра выигрывала гранты по Федеральной целевой программе «Русский язык», результатом чего явилось издание коллективной монографии «Хорошая речь» (Саратов, 2001), разработка программы и написание учебника для студентов-нефилологов «Русский язык и культура речи» с грифом УМО³. С 2003 г. кафедра получает финансовую поддержку Министерства образования и науки РФ на выполнение коллективных тем «Соотношение типов речевой культуры и реального

функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении» (2003–2004) и «Исследование реального функционирования русского литературного языка и путей его развития» (2005–2008).

Известность трудов ученых Саратовской лингвистической школы в мире отразилась в рецензиях и обзорах в журналах «Вопросы языкознания» (1995. № 4, № 5); «Съпоставително езикознание» (Болгария. 1979. № 1); «Slovo a slovesnost» (Чехословакия. 1971. XXXII, 4); «Русистика» (Киев, 2005. Вып.4); «Русский язык в научном освещении» (РАН. 2004. № 1(7)); в обзоре научных школ в сборнике «Словарь и культура русской речи» (РАН. 2002); в польском ежегоднике «Stylistyka-III» (Польша. 1994), ссылках в работах российских и зарубежных лингвистов, в учебниках и учебных пособиях по русскому языку, в регулярных публикациях работ в академических сборниках (О.Б. Сиротинина, Г.Г. Полищук, М.А. Кормилицына, Т.А. Милехина, Г.С. Куликова, Е.П. Захарова), участии в международных конгрессах и конференциях, проводимых институтами РАН, МГУ и МАПРЯЛ. В изданиях «Кто есть кто в современной русистике» (М.; Хельсинки, 1994) помещены специальные статьи, посвященные О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной, Г.Г. Полищук и Э.А. Столяровой, в «Славянской энциклопедии» (М., 2005) – О.Б. Сиротининой.

Основные принципы школы:

- внимание именно к функционированию русского языка, его системе в действии, в реальной жизни, к частотности фактов;
- отсюда внимание к функционированию русского языка в разных сферах и средах общения: функционально-стилевая дифференциация языка в её конкретных проявлениях, в том числе в СМИ, в обиходе, в научных и художественных текстах и т.д.; устной, письменной и Интернет-речи; социальной дифференциации (речь ученых, писателей, актеров, предпринимателей, молодежи и т.д.);
- стремление к выявлению факторов, влияющих на изменения в функционировании языка: фактор личности говорящего / пишущего, фактор адресата, ситуации речи и т.д.;



– стремление зафиксировать реальную речь без её «выпрямления» в угоду какой-то концепции, гипотезе, т.е. стремление идти от конкретного материала, обобщая факты, а не подгоняя их под заданную идею;

– постоянный учет экстралингвистических воздействий на речь.

Основные научные результаты школы:

– заложены основы изучения функционирования русского языка, внесен значительный вклад в научные представления о функционально-стилевой дифференциации языка и о функциональных стилях в системе их соотношений друг с другом;

– изучены русская разговорная речь в ее соотношении с функциональными стилями литературного русского языка; соотношение функциональных стилей и форм речи⁴;

– разработана теория типов речевой культуры в сфере действия литературного языка и критерии хорошей речи, исследовано соотношение типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении⁵;

– исследовано функционирование отдельных языковых явлений⁶;

– разработаны учебные пособия, имеющие широкое распространение и серии популярных брошюр по культуре речи⁷;

– накоплен значительный по объему корпус текстов устной речи (расшифровки магнитофонных записей разговорной речи, деловых бесед, профессиональных разговоров), частично уже пополнивший Национальный корпус русского языка, созданный РАН.

В настоящее время коллектив кафедры исследует не только соотношение типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении, но и те изменения, которые происходят в языке и речи, а также действия факторов, вызывающих эти изменения. Необходимость проведения такого исследования обусловлена тревогой общества за состояние и судьбы русского языка.

Поскольку работа шла и идет по разным направлениям, каждый считающий себя членом школы находит в них свою нишу:

– изучается реальное функционирование русского языка в официальной и неофициальной сферах общения, в речи представителей разных социально-профессиональных групп (административно-политической элиты, судебной власти, средств массовой информации, предпринимателей, молодежи и др.);

– проводится сопоставление мониторинга речи в СМИ конца XX и начала XXI в., поскольку именно речь в СМИ играет значительную роль в речевой культуре общества;

– выявляются новые тенденции в использовании языковых средств (порядок слов, образование наречий, средства адресации, смягчения категоричности т.д.);

– определяются внутренние и внеязыковые факторы, вызывающие изменения в функционировании литературного русского языка.

– выявляются и систематизируются типы речевого поведения, проявления агрессии и манипуляции.

Основные результаты этой работы отражены в нескольких направлениях исследований.

1. Речевая культура российского общества и пути развития литературного русского языка

1.1. Речевая культура общества складывается из речевых культур его членов. Исследование показало, что наибольшее распространение в современной России имеет среднелитературный тип речевой культуры (в СМИ конца XX в. – среднелитературный или литературно-жаргонизирующий), однако во всех слоях общества, в его разных профессиональных группах есть и носители полно – и неполнофункциональных типов⁸.

1.2. В процессе исследования было уточнено само понятие *речевая культура* как отношения человека к знаниям вообще, знаниям о языке и его нормах, а отсюда и степени владения функционально-стилевой дифференциацией литературного языка, соблюдения его норм и степени творческого начала в речи.



1.3. Выявлено влияние профессиональной деятельности человека на формирование у него того или иного типа речевой культуры.

Разработаны требования, которые должны предъявляться к представителям разных уровней и видов власти⁹.

На основании изучения реального функционирования литературного русского языка были определены возможные пути его развития и условия для их осуществления¹⁰.

2. Реальное функционирование русского языка в административно-политической элите общества и его влияние на авторитет власти

2.1. Наблюдалась речь Президента, членов Правительства, крупных политических деятелей, генерального прокурора и т.д. по их выступлениям, отраженным радио и телевидением (особенно тщательно изучалась их речь в прямом эфире). Были выявлены наблюдения / несоблюдения ортологических, этических и коммуникативных норм, типичные для того или иного деятеля риторические стратегии и тактики, степень их риторической грамотности¹¹.

2.2. Установлено, что самый низкий уровень речевой культуры демонстрируют представители судебной власти, особенно прокуроры и низовые работники аппарата местной власти и милиции, что в немалой степени влияет на снижение авторитета судебной власти в России.

3. Реальное функционирование русского языка в средствах массовой информации и его влияние на их авторитет

3.1. Как показали наблюдения, наиболее четко проявления разных типов речевой культуры обнаруживаются в публицистическом стиле. Был осуществлен частичный мониторинг разных СМИ 2003–2005 гг. и сопоставлен с ранее осуществленным частичным мониторингом СМИ конца XX – начала XXI в.

Было установлено, что в целом в 2003–2005 гг. прямых нарушений норм литературного языка стало меньше: меньшее количество неправильных ударений, меньшая частотность нелитературных слов и форм, обценная лексика заглушается свистом, в печатных СМИ изымается из текста. Однако по-прежнему нарушения литературных норм встре-

чаются, создавая у читателей, радиослушателей и телезрителей впечатление о недостаточно высоком уровне речевой культуры журналистов. Не стало меньше неправильных словоупотреблений (непринятая сочетаемость, неправильное значение)¹².

3.2. Были выявлены характерные для той или иной газеты (центральных или региональных) типы речевой культуры отдельных журналистов.

3.3. Проведенные эксперименты и наблюдения показали, что речь в СМИ оказывает большое влияние на носителей средне-литературного и обиходного типов речевой культуры, так как воспринимается ими как эталон. Поэтому недостатки речи в СМИ тиражируются, делают речь населения неправильной, переполненной жаргонизмами. Журналисты не учитывают своего влияния на состояние культуры речи в обществе, считают себя зеркалом, а должны быть маяком.

Специальный анализ оценок речи СМИ радиослушателями саратовской радиопередачи «Служба языка» показал, что далеко не всем населением речь в СМИ воспринимается как бесспорный эталон. У носителей полнофункционального и неполнофункционального типов речевой культуры безответственное отношение СМИ к языку и его нормам вызывает не только осуждение, но и активную нелюбовь, неуважение к журналистам и журналистике как профессии (*Неграмотные и продажные писаки, Ни в чем верить им нельзя*). Такое отношение многих журналистов к языку – одно из проявлений их более широкой безответственности (непроверенные сенсационные заявления, использование в заголовках статей о малозначительных фактах громких фамилий (*Путин попался на героине* – речь идет о тезке В.В. Путина-президента). Особенно раздражают радиослушателей частые нарушения норм русской речи в рекламе.

4. Новые тенденции использования языковых средств в СМИ

4.1. Исследование речи в СМИ выявило в них ряд инновационных процессов: более широкое, чем раньше, использование в качестве выразительного средства метафоризации, прецедентных феноменов, приема диалогизации речи, парцеллирования предложений, применение более разнообразных дис-



курсивных средств для поддержания контакта с адресатом и облегчения понимания текста.

4.2. Среди синтаксических и текстовых инноваций наиболее частотными являются словосочетания с необычной, непривычной лексической сочетаемостью слов: авторы значительно расширяют возможности лексической сочетаемости, а иногда и полностью снимают существующие в языке ограничения на такую лексико-семантическую сочетаемость, что создает эффект неожиданности и привлекает тем самым внимание читателей, т.е. воздействует на них: *дешевые люди, азиатская канава, неэффективный человек* и др. Такая сочетаемость часто превращает словосочетание в выразительную метафору: *Все помнят, как в прошлом году Доренко закусал самого Юрия Лужкова до смерти (электральной)*. Метафора, в основном социально-оценочная, становится важнейшим конструктивным приемом организации всего текста.

Активно проникают в публицистический текст конструкции живого диалога, диалогической речи. При этом сохраняется даже порядок слов, характерный для живой разговорной речи, а также используются разговорные частицы. По этой причине в тексте газеты увеличилось число вопросительных предложений, которые употребляются не только в составе вопросно-ответных единств, но и самостоятельно, в качестве проблемных и риторических вопросов, буквально пронизывающих публицистический текст, особенно аналитического характера. Инновацией можно считать увеличение числа и разнообразия контактоустанавливающих средств, реализующих основную коммуникативную стратегию участников общения в СМИ – стратегию близости с адресатом.

В языке газеты широко представлены парцелляция, игра с прецедентными текстами и вообще языковая игра, усиление интертекстуальности за счет прецедентных феноменов и увеличения доли «чужого» слова.

4.3. Особенность аналитических текстов современных газет состоит в том, что в их смысловой структуре субъективные смыслы, идущие от говорящего / автора статьи, преобладают над объективными, предметно-логическими, что соответствует ожиданиям массового адресата, который ждет от журна-

листа не просто информацию о положении дел в стране и мире, но и интерпретацию такой информации, ее оценку. Субъективная составляющая смысловой структуры газетного текста представлена несколькими блоками: блок, объединяющий различные способы выражения авторских позиций, авторского мнения; блок оценки; блок адресованности текста.

4.4. В газетах изменилась сама структура интервью; ярче отражена диалогичность дискурса (использование разных шрифтов). Более выпукло показывается именно личность интервьюируемого. Эти новации особенно заметны в интервью с известными актерами и режиссерами – носителями полнофункционального типа речевой культуры, тонко и глубоко чувствующими силу слова, целесообразно использующими выразительные возможности русского языка.

4.5. Кроме отмеченных проблем, изучались вербальные способы экономной передачи информации в современной газете, выявлялись и анализировались экспрессивные конструкции, а также синтаксические способы деавторизации информации в современной газете, а также особые функции употребления существительных с пространственной семантикой¹³.

5. Функционирование русского языка в речи разных социально-профессиональных групп

5.1. Предприниматели – одна из новых социально-профессиональных групп русского общества конца XX – начала XXI в. Магнитофонные записи их речи в разных ситуациях общения (неофициальное общение в семье, с друзьями, телефонные деловые разговоры, интервью, официальные выступления) выявили ряд особенностей, принципиально отличающихся от сложившихся в СМИ и вслед за ними в массовом сознании населения принятых уже представлений об их речи.

5.2. Было установлено, что социально-профессиональная группа предпринимателей неоднородна не только по размерам капитала, вложенного в дело, и характеру предпринимательской деятельности, но и по образовательному уровню, по типам речевой культуры, а следовательно, и по характеристикам речи. Очень важна также предыдущая про-



фессиональная деятельность (профессор вуза, учитель, инженер, продавец и т.д.).

5.3. Созданы речевые портреты реальных представителей полнофункционального типа речевой культуры, неполнофункционального и среднелитературного. Среди предпринимателей малого бизнеса встретился обиходный, и даже просторечный тип речевой культуры.

5.4. Анализировались ведущие концепты, отраженные в речи предпринимателей, – ДЕЛО, ДЕНЬГИ, ВЛАСТЬ, СЕМЬЯ, КРИМИНАЛ, АЛКОГОЛЬ. Самыми главными для них являются концепты ДЕЛО и СЕМЬЯ.

5.5. Было проведено сопоставление реальных предпринимателей и образа предпринимателя в современных СМИ разного типа (негативный образ в массовых изданиях и отлакированный в «глянцевых»), в современной художественной литературе, кинофильмах и в русской литературе XIX – XX в. с образом, возникающим при чтении мемуаров предпринимателей и их друзей. Доказано, что ни в прошлом, ни теперь за редким исключением в литературе нет неискаженных представлений ни о самих предпринимателях, ни об их речи, которая, как это показал исследованный материал, вовсе не изобилует жаргонной лексикой¹⁴.

5.6. Речь молодежи изучалась по магнитофонным записям речи студентов техникума и речи студентов вузов. Было выявлено, что речь студентов техникума менее богата, более стандартна, сильнее испытывает на себе влияние телевизионной речи (особенно телерекламы), отражает среднелитературный тип речевой культуры. Для студентов университета более характерен неполнофункциональный тип, но и у тех, и у других значительна засоренность речи словами молодежного жаргона, профессионального сленга.

5.7. В семейном общении обнаружено речевое отражение профессии и социального статуса члена семьи (статуса ее главы, разных семейных ролей), влияние гендерного фактора и фактора адресата. Проведены наблюдения над общением взрослых с младенцем и речевыми проявлениями роли детей¹⁵.

6. Коммуникативные категории и типы коммуникативного поведения

6.1. Разработана система коммуникативных категорий. В неофициальном обще-

нии используются коммуникативные категории *чуждости* и *тональности*, которые играют большую роль в организации дискурса. Выявлено, что коммуникативная категория чуждости, будучи регулятором взаимоотношений и речевого поведения говорящих, занимает важное место в коммуникативной структуре любого дискурса, но особенно значима для повседневного общения, часто имеющего характер полуофициального общения. В полярных видах общения (официальном и неофициальном) категория чуждости довольно четко распределяет наборы доминантных признаков: сферы «чужой» – для официального общения с его жестким моделированием и строгим этикетным оформлением, сферы «свой» – для неофициального общения. В полуофициальном же общении проявления ее гораздо многообразнее, а значимость ее резко возрастает. Это обусловлено тем, что для полуофициального общения, менее прогнозируемого и менее упорядоченного, чем официальное, и в то же время менее свободного, чем неофициальное, необходима шкала варьирования отношений «свой» – «чужой».

Установление и поддержание контакта во многом определяется психологической готовностью коммуникантов к сотрудничеству и их коммуникативным умением находить оптимальные варианты соотношения «своего» и «чужого» в разных коммуникативных условиях, степенью владения стратегией сближения. При этом успешность речевого общения определяется прежде всего коммуникативно-речевым опытом говорящих и индивидуальными свойствами языковой личности, в меньшей степени зависит от типа речевой культуры (особенно в сфере действия литературного языка; затруднения довольно часто возникают у представителей народно-речевого и просторечного типов речевой культуры).

6.2. Установлено, что коммуникативная категория тональности по-разному проявляется в разных типах речевой культуры. Во всей полноте, с реализацией всех типов тональности (социально-этической, стилистической, эмоциональной), с использованием всего тонального набора, допускаемого коммуникативно-этическими нормами (исключается резко негативная эмоциональная то-



нальность и стилистически сниженная, жаргонная), категория тональности чаще встречается в речи представителей полнофункциональной речевой культуры, достаточно полно – в неполнофункциональном типе речевой культуры. При этом соотношение типов тональности зависит от вида общения. В официальном общении доминирует социально-этическая тональность, в неофициальном – эмоциональная, хотя присутствует и социально-этическая. Можно говорить о существовании так называемого инвариантного или универсального набора тональностей, которым, несмотря на его своеобразные проявления, располагают все речевые культуры. Вместе с тем в каждом типе речевых культур есть собственный набор тональностей (тип соотношения инварианта и собственного набора тонов), предназначенных для общения внутри речевой культуры, в противном случае нередко при общении представителей разных речевых культур происходит тональная рассогласованность¹⁶.

6.3. Исследованы типы коммуникативного поведения, их связь с типом личности. Огромную роль и в официальном, и в неофициальном общении играет речевое воздействие, особенно *агрессия* и *манипуляция*. С опорой на глубокий анализ психологических и психолингвистических концепций агрессии как одной из форм воздействия были разработаны теоретические основания для создания типологии видов речевой агрессии, под которой понимается целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия. На основе анализа обширного речевого материала была создана классификация форм агрессии в повседневном дискурсе – система бинарных оппозиций.

В повседневном персональном дискурсе речевая агрессия находит выражение в разнообразных речевых актах, которые в общем дискурсивном пространстве либо выступают в виде самостоятельных жанровых образований (субжанров), либо (чаще) становятся внутржанровыми тактиками, которые определяют содержание сюжетных поворотов в развитии речевой интеракции. К выделенным ранее четырнадцати таким агрессивным суб-

жанрам (речевым актам, тактикам): **угроза, инвектива (оскорбление), возмущение, обвинение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды, проклятье, злопожелание, отсыл, грубое прекращение коммуникативного контакта и констатация некомпетентности** – была добавлена универсальная тактика **угрожающего молчания**.

6.4. Разработка проблемы речевой манипуляции стала следующей составляющей комплексного исследования речевого воздействия. Под речевой манипуляцией понимается осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие на человека, которое имеет целью изменение его эмоционально-психологического состояния.

В создании типологии форм речевой манипуляции наиболее важным представляется дифференциация **продуктивная / непродуктивная (конфликтная) манипуляция**. К первому типу (продуктивной) речевой манипуляции можно отнести скрытое речевое воздействие, направленное на улучшение эмоционально-психологического состояния собеседника. Сюда можно отнести комплимент, похвалу, одобрение и т.п., а также многообразные жанры (и тактики) педагогического дискурса, где неравноправие статусно-ролевого сценария взаимодействия является нормой: одобрение, похвала, подбадривание и многое другое. Именно продуктивная манипуляция составляет основу современной концепции неориторки.

Наиболее ярким примером конфликтной манипуляции выступает скрытая агрессия.

По характеру знакового выражения речевого акта манипуляция может быть **вербальной / невербальной**; по характеру иллокуции (побуждение к действию / воздействие на сознание) **инструментальной / неинструментальной**; по направленности речевого акта – **инициативной / ответной**; по степени осознанности речевого действия – **осознанной / неосознанной**; по особенностям речевого контакта – **непосредственной / опосредованной**; наконец, по типу модели порождения речи – **спонтанной / подготовленной**.

Важным положением комплексной концепции речевого воздействия выступает выделение актуализаторского воздействия, который являет собой наиболее оптимальный



вариант эффективной коммуникации. Принципиальным отличием поведения актуализатора от манипулятора является уважение к личности коммуникативного партнера и принципиальное равенство и открытость приемов воздействия. В основе актуализаторского общения лежит стремление вызвать симпатию собеседника путем возбуждения в своем сознании неформального интереса к нему, умение настроиться на его волну.

Диалогический контакт с другим человеком позволяет сохранить уважение к его личности и одновременно служит мощным способом воздействия на него.

Общение подобного типа строится на основе тонкого взаимодействия на вербальном и невербальном уровнях. Были сформулированы некоторые постулаты кооперативно-актуализаторской коммуникации, как признак риторической компетенции носителя полнофункционального типа речевой культуры.

6.5. На этом основании сделана попытка соотнести типологию форм речевого воздействия с классификацией типов речевых культур. Дискурс, который строится в соответствии с требованиями кооперативной коммуникации, можно считать принадлежностью полнофункционального (элитарного) типа речевой культуры. Иными словами, помимо соблюдения ортологических и стилевых норм, этот уровень культуры общения предполагает навыки риторики понимания, умения в разговоре с собеседником демонстрировать уважение его личности и т.п. В быденном метатекстовом сознании личность, демонстрирующая в общении подобные черты кооперативного взаимодействия, определяется как **интеллигентная**. Активная и пассивная центрация выступает приметой среднелитературного типа речевой культуры. Наконец, разные виды и формы речевой агрессии, как правило, характеризуют нелитературные типы речевой культуры. Этические нормы поведения, которые проявляются в формах коммуникативной кооперации, нельзя напрямую соотнести с уровнем образованности и интеллекта, однако они должны учитываться при оценке общей культуры поведения человека, стать одним из критериев при разработке типологии речевых культур¹⁷.

7. Новая классификация конструктивно-синтаксических единиц русского языка

7.1. На основе изучения реального функционирования русского языка в устной речи была предпринята попытка уточнить общепринятую классификацию, выделяющую единицы, имеющие синтаксическую форму предложения, и единицы непредложенческого типа.

На первом уровне созданной классификации систематизированы дифференциальные признаки предложенческих и непредложенческих единиц (в современной научной и учебной литературе используются дихотомически соотнесенные понятия: «членимое предложение» и «нечленимое предложение»). В рамках **структурно-семантического** аспекта анализа выделены пять дифференциальных признаков указанных единиц: *синтаксическая членимость, способность к распространению, наличие парадигмы форм, реализация категории предикативности, структурно-семантическая специфика по отношению к инварианту*. В рамках **логико-семантического** аспекта анализа установлены три дифференциальных признака: *отражение единицей пропозитивного содержания, соотношение с логическим суждением, наличие диктумно-модусных смыслов*. В рамках **функционально-коммуникативного** аспекта анализа рассмотрены четыре дифференциальных признака: *степень коммуникативной самодостаточности единицы, роль в структуре диалогического единства, коммуникативная членимость, коммуникативные функции*.

7.2. В связи с недостаточностью общепринятой классификации синтаксических единиц для устной речи на втором уровне классификации установлены пять типов конструктивно-синтаксических единиц (далее КСЕ):

- типичная предикативная единица;
- структурно модифицированная предикативная единица;
- функционально-семантически модифицированная предикативная единица (коммуникатив с формальной предикативностью);



– предикативно-релятивная единица (гибридный коммуникатив);

– собственно коммуникатив.

Типология КСЕ проведена на основе следующих выделенных из общего списка ведущих дифференциальных признаков: коммуникативная самодостаточность единицы, особенности реализации категории предикативности, диктумная (пропозициональная) и модусная составляющие, соответствие грамматической модели, характер передаваемой информации, функциональная направленность.

В задачу исследования входило определение наборов интегральных и дифференциальных признаков выделенных КСЕ. Так, общим интегральным признаком для всех пяти типов КСЕ оказывается то, что они являются наименьшими структурными единицами, функционирующими в речи. Интегральным признаком для четырех типов КСЕ, исключая собственно коммуникатив, выступает их предложенческая форма. Интегральным признаком для типичной и структурно модифицированной предикативных единиц является выполнение ими информативной функции, а для коммуникатива с формальной предикативностью и гибридного коммуникатива – выполнение преимущественно речеорганизующих функций и т.д.

7.3. Установлено, что практически по всем рассмотренным дифференциальным признакам выстраивается шкала: между типичной предикативной единицей и коммуникативом располагаются единицы с различной степенью проявления данного признака. Например, реализация категории предикативности: предикативное значение в предложенческих структурах (типичные предикативные единицы) – распространение на речевую единицу предикативных характеристик, заданных контекстуально или ситуативно (структурно модифицированные предикативные единицы) – формальная предикативность в предложенческих структурах (коммуникативы с формальной предикативностью) – отсутствие потенциальной предикативности в непреложенческих структурах (собственно коммуникативы).

С точки зрения соотношения языковых и речевых факторов в функционировании КСЕ устной речи установлены три варианта такого соотношения:

– полное взаимное соответствие языковых и речевых факторов характеризует КСЕ, отличающиеся изоморфизмом языкового значения и коммуникативного смысла (языковая модель → речевая реализация);

– неполное соответствие в работе языковых и речевых факторов характеризует КСЕ, отличающиеся структурными / функционально-семантическими модификациями (языковая модель → модификация → речевая реализация);

– формирование соответствия языковых и речевых факторов свойственно КСЕ, характеризующимся клишированностью и автоматизмом (речевой узус → языковой стандарт).

7.4. Исследование КСЕ в системе всех средств устной коммуникации позволило сделать вывод о структурно-семантической организации речевой коммуникации (на материале синтаксиса устной речи). Коммуникативно-информативную зону формируют типичные предикативные единицы, а также порождаемые фактором устности структурно модифицированные предикативные единицы (эти две единицы выполняют информативную функцию). Первую переходную информативно-организующую зону составляют синкретичные конструктивно-синтаксические единицы – гибридный коммуникатив и коммуникатив с формальной предикативностью, сочетающие в себе признаки предложения и признаки коммуникатива (выполняют преимущественно речеорганизующие функции). Коммуникативно-организующую зону формируют собственно коммуникативы и дискурсивные повторы (осуществляют «регулятивные стратегии» диалога). Вторая переходная служебно-организующая зона представлена дискурсивными средствами (выступают в функции прагматических операторов). Служебно-организующую зону составляют грамматикализованные метаоператоры и скрепы-фразы (играют роль грамматических операторов).



Нежесткий характер языковой системы проявляется в гибкости ее средств и обуславливает совмещение признаков предложения и признаков коммуникатива в синкретичных единицах¹⁸.

Таким образом, в результате исследований последних лет выявлены отличия реального функционирования русского языка в СМИ начала XXI в. от такового в конце XX в., позволяющие надеяться на более целесообразный путь развития литературного русского языка.

Уточнено понятие речевой культуры как отношения человека / общества к языку, знаниям о нем, к соблюдению норм, уточнены типы речевой культуры и соотнесенные с ними типы речевого поведения, понятия риторической и коммуникативной компетенции.

Определены тенденции использования языковых средств, которые можно считать новыми в построении журналистского текста.

Выяснены ведущие факторы влияния на состояние русской речи и развитие / деградацию языковой системы: телевидение и качество образования в стране; определены основные задачи, стоящие перед российским обществом для предотвращения деградации и конкретные задачи кафедры в Год русского языка.

На основании детального анализа реального функционирования русского языка осуществлена попытка создания уточненной классификации конструктивно-синтаксических единиц русского языка.

Основные результаты исследований отражены в публикациях: монографиях, семи тематических сборниках «Проблемы речевой коммуникации», 40 статьях в центральных и зарубежных изданиях (в том числе более десяти в сборниках РАН), доложены и одобрены на международных конгрессах и конференциях. Результаты работы используются в преподавании лингвистических дисциплин не только в Саратовском государственном университете, вошли в специальные словари-справочники¹⁹.

С опорой на проведенные исследования осуществляется ежемесячная интерактивная популярная в Саратове радиопередача в прямом эфире «Служба русского языка».

В рамках сотрудничества с Институтом русского языка РАН за счет накопленного корпуса текстов устной речи осуществляется пополнение национального корпуса русского языка.

Примечания

- ¹ См.: Сиротинина О.Б., Кормилицына М.А. Общение людей и жизнь языка // Изв. Саратов. ун-та, Новая сер. 2006. Т.6. Сер. Филология. Журналистика. вып.1/2.
- ² Там же.
- ³ Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи. Саратов, 2001; М., 2002, 2003.
- ⁴ См.: Разговорная речь в системе функциональных стилей русского литературного языка: Лексика. Саратов, 1983; М., 2003; Разговорная речь в системе функциональных стилей русского литературного языка: Грамматика. Саратов, 1992; М., 2003; Функциональные стили и формы речи. Саратов, 1993; статьи в сб. «Вопросы стилистики», «Развитие функциональных стилей современного русского языка / АН СССР (М., 1968).
- ⁵ См.: Хорошая речь. Саратов, 2001; статьи в сб. «Проблемы речевой коммуникации», польском ежегоднике «Stylistyka-XIV», академическом журнале «Русистика сегодня» (1995. № 4) и др.
- ⁶ См.: Сиротинина О.Б. Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965; М., 2003, 2006; Кормилицына М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. Саратов, 1988. М., 2003; Иванчук И.А. Риторический компонент в публицистическом дискурсе носителей элитарной речевой культуры. Саратов, 2005; Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур). Саратов, 2006; см. также статьи последней в сб. «Проблемы речевой коммуникации», «Язык и власть» / МИОН (Саратов, 2003); «Власть и речь в средствах массовой информации» / МИОН (Саратов, 2004).
- ⁷ См.: Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980; М., 2003, 2006; Она же. Современная разговорная речь и её особенности. М., 1974; Она же. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. М., 1996; см. статьи Г.Г. Полищук (серия брошюр общества «Знание» (М., 1977, 1982, 1983, 1987, 1988)); серию брошюр «Русский язык и культура общения» (Саратов, 1997–1998), в подготовке которых участвовали О.Б. Сиротинина, М.А. Кормилицына, Г.Г. Полищук, Е.П. Захарова, Т.А. Милехина, М.А. Ягубова.
- ⁸ См.: Хорошая речь. Саратов, 2001; Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур). Саратов, 2006; см. также статьи в сб. «Проблемы речевой коммуникации» (Саратов, 2000–2007. Вып.1–7), журнале «Известия МАН ВШ» (2005. №3(33)), академических сборниках «Русский язык сегодня» (М., 2000), «Русский язык сегодня – 2» (М., 2003), «Русский язык сегодня – 4» (М., 2006).
- ⁹ Язык и власть. Саратов, 2004.
- ¹⁰ См.: Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы II Междунар. конгр. исследователей русского языка. М., 2004; Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2005. Т.5, вып.1/2; Русистика. Киев, 2004. Вып.4; Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2006. Вып.6.



- ¹¹ См.: *Паришина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения политической элиты России. Астрахань, 2004; *Иванчук И.А.* Указ. соч.
- ¹² См.: Отчет по теме «Соотношение типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении». Деп. в ВИНТИЦентре, инв. № 02 2005 01911, утв. 29.03.2005; Проблемы речевой коммуникации. Вып. 1–7.
- ¹³ См.: Проблемы речевой коммуникации (вып. 1–7) и статью А.М. Кормилицыной в данном выпуске.
- ¹⁴ См.: *Милехина Т.А.* Указ. соч. и ее статьи в сб. «Проблемы речевой коммуникации», «Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация» / РАН (М., 2003).
- ¹⁵ См. статьи С.В. Леорды, Н.А. Лудильщиковой, А.Н. Байкуловой в сборниках кафедры и их диссертации.
- ¹⁶ См.: Хорошая речь. Саратов, 2001; Отчет по теме «Соотношение типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении». Деп. в ВИНТИЦентре, инв. № 02 2005 01911, утв. 29.03.2005.
- ¹⁷ См.: *Седов К.Ф.* // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 3 и 7; *Иванчук И.А.* Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005; соответствующие разделы в монографии «Хорошая речь» и указ. депонированном отчете.
- ¹⁸ См.: *Андреева С.В.* Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи и их коммуникативный потенциал. Саратов, 2006; см. также ее статьи в журналах «Вопросы языкознания» и «Филологические науки», в сб. «Проблемы речевой коммуникации».
- ¹⁹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

УДК 808.2-085

ИЗ ИСТОРИИ САРАТОВСКОЙ ШКОЛЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ¹

В.В. Дементьев

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: dementevvv@yandex.ru

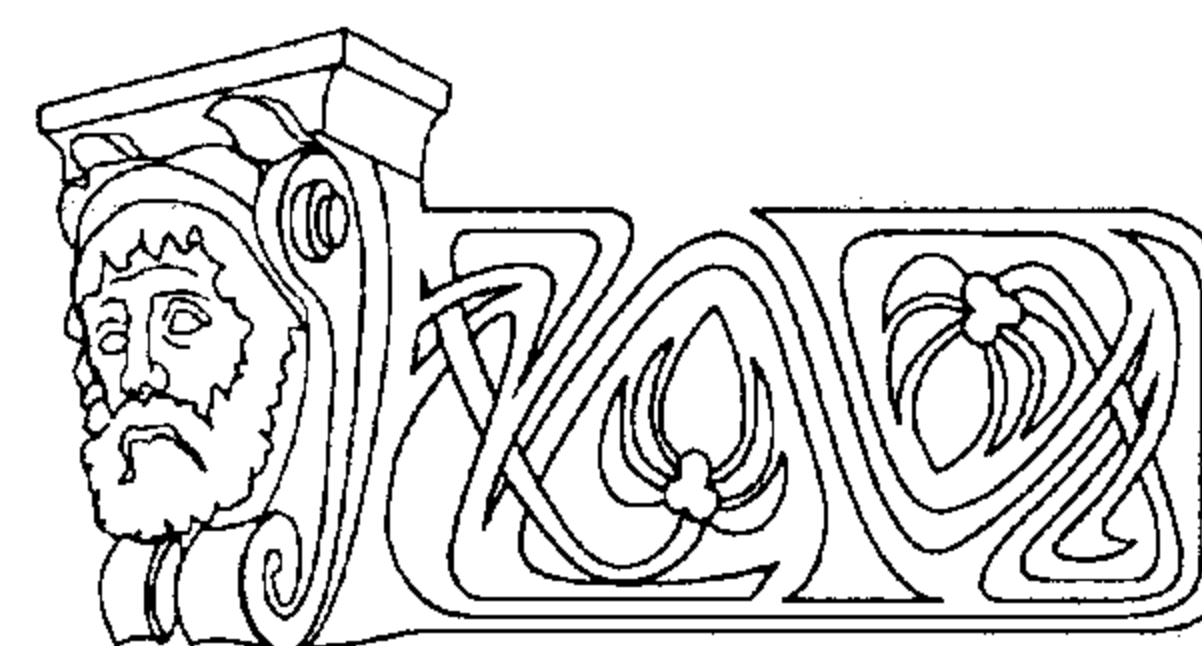
В настоящей статье решаются две задачи: во-первых, представить деятельность саратовских исследователей речевых жанров; во-вторых, – представить проблематику четырех выпусков саратовского сборника научных статей «Жанры речи».

The Study of Speech Genres in Saratov

V.V. Dement'ev

This article deals, firstly, with the activities of Saratov researchers of speech genres; secondly, presents the contents of four volumes of «Speech Genres», collection of articles published in Saratov.

Российское жанроведение начало активно развиваться в 80-е гг. XX века. Для российской лингвистики этого времени, как и «постструктуралистской» лингвистики в целом, характерна общая прагматизация научного аппарата. Становится актуальным рассмотрение человеческого фактора в языке, компонентов коммуникативной ситуации и дискурса в целом, поиск базовой единицы речевой коммуникации. Эти внешнелингвистические исследования осуществляются с опорой на глубокое осмысление единиц и системных отношений, или значимостей, языка, присущее предшествующей – систем-



но-структурной научной парадигме. Как и лингвистика на Западе, российская лингвистика успешно использует положения и методику прагматики и теории речевых актов Дж. Остина – Дж. Серля.

В это время антропологическая лингвистика опирается на понятие речевого / коммуникативного жанра как один из наиболее эффективных объясняющих механизмов при рассмотрении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи. Теория речевых жанров стала одной из немногих действующих на практике моделей коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации – в этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра как от единиц языка, понимаемых «вне» ситуации общения, так и от речевых актов, осмысляемых как элементы этой ситуации².



- ¹¹ См.: *Паришина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения политической элиты России. Астрахань, 2004; *Иванчук И.А.* Указ. соч.
- ¹² См.: Отчет по теме «Соотношение типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении». Деп. в ВИНТИЦентре, инв. № 02 2005 01911, утв. 29.03.2005; Проблемы речевой коммуникации. Вып. 1–7.
- ¹³ См.: Проблемы речевой коммуникации (вып. 1–7) и статью А.М. Кормилицыной в данном выпуске.
- ¹⁴ См.: *Милехина Т.А.* Указ. соч. и ее статьи в сб. «Проблемы речевой коммуникации», «Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация» / РАН (М., 2003).
- ¹⁵ См. статьи С.В. Леорды, Н.А. Лудильщиковой, А.Н. Байкуловой в сборниках кафедры и их диссертации.
- ¹⁶ См.: Хорошая речь. Саратов, 2001; Отчет по теме «Соотношение типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении». Деп. в ВИНТИЦентре, инв. № 02 2005 01911, утв. 29.03.2005.
- ¹⁷ См.: *Седов К.Ф.* // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 3 и 7; *Иванчук И.А.* Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005; соответствующие разделы в монографии «Хорошая речь» и указ. депонированном отчете.
- ¹⁸ См.: *Андреева С.В.* Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи и их коммуникативный потенциал. Саратов, 2006; см. также ее статьи в журналах «Вопросы языкознания» и «Филологические науки», в сб. «Проблемы речевой коммуникации».
- ¹⁹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

УДК 808.2-085

ИЗ ИСТОРИИ САРАТОВСКОЙ ШКОЛЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ¹

В.В. Дементьев

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: dementevvv@yandex.ru

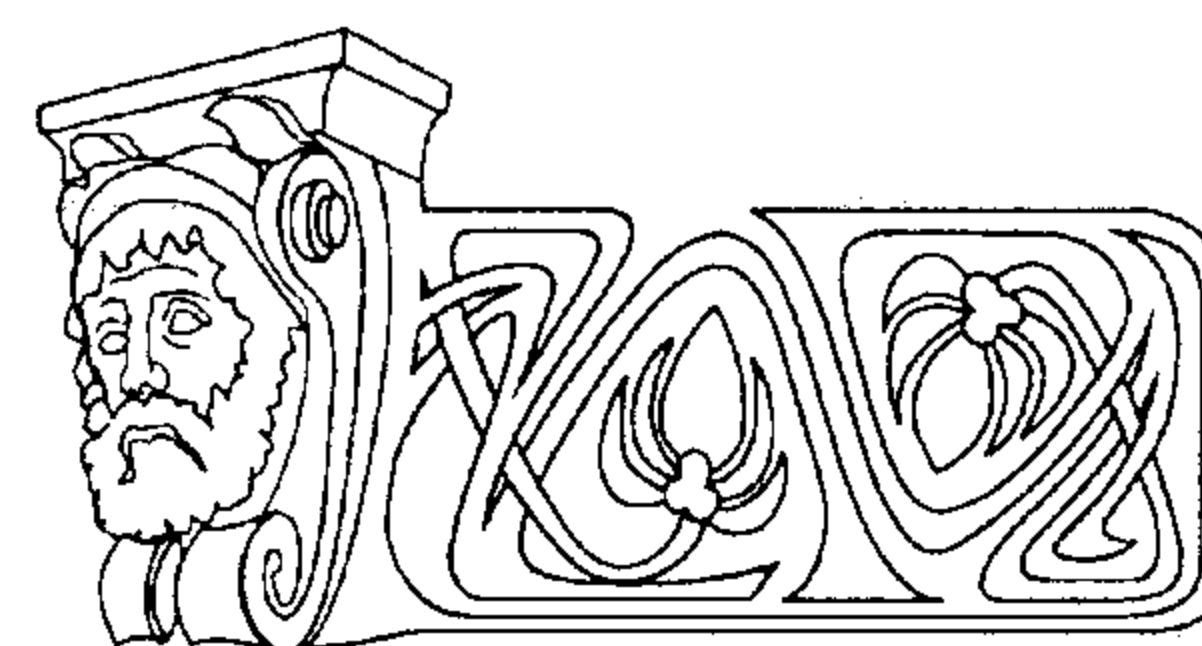
В настоящей статье решаются две задачи: во-первых, представить деятельность саратовских исследователей речевых жанров; во-вторых, – представить проблематику четырех выпусков саратовского сборника научных статей «Жанры речи».

The Study of Speech Genres in Saratov

V.V. Dement'ev

This article deals, firstly, with the activities of Saratov researchers of speech genres; secondly, presents the contents of four volumes of «Speech Genres», collection of articles published in Saratov.

Российское жанроведение начало активно развиваться в 80-е гг. XX века. Для российской лингвистики этого времени, как и «постструктуралистской» лингвистики в целом, характерна общая прагматизация научного аппарата. Становится актуальным рассмотрение человеческого фактора в языке, компонентов коммуникативной ситуации и дискурса в целом, поиск базовой единицы речевой коммуникации. Эти внешнелингвистические исследования осуществляются с опорой на глубокое осмысление единиц и системных отношений, или значимостей, языка, присущее предшествующей – систем-



но-структурной научной парадигме. Как и лингвистика на Западе, российская лингвистика успешно использует положения и методику прагматики и теории речевых актов Дж. Остина – Дж. Серля.

В это время антропологическая лингвистика опирается на понятие речевого / коммуникативного жанра как один из наиболее эффективных объясняющих механизмов при рассмотрении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи. Теория речевых жанров стала одной из немногих действующих на практике моделей коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации – в этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра как от единиц языка, понимаемых «вне» ситуации общения, так и от речевых актов, осмысляемых как элементы этой ситуации².



В Саратове, так же как в других научных центрах России, первый большой всплеск активности жанроведов отмечается в середине 80-х гг. XX века. Он связан с осмыслением вышедших в конце 70-х гг. в Москве на русском языке работ М.М. Бахтина (статья «Проблема речевых жанров», написанной в начале 50-х гг., – примерно в то же время, когда Дж. Остин разрабатывал свою концепцию), а также изданной в конце 20-х годов книги В.Н. Волошинова (М.М. Бахтина) «Марксизм и философия языка» (теперь эта работа и многие содержащиеся в ней идеи по речевым жанрам рассматриваются в общем контексте философских, филологических и лингвистических идей ученого). Определенную роль в развитии жанроведческих идей в Саратове (как и в других научных центрах) сыграла статья Анны Вежбицкой «Geny towu», опубликованная в 1983 г. на польском языке (в 1997 г. перевод этой статьи на русский язык вошел в первый выпуск «Жанров речи»). В статье была поставлена проблема соотношения речевых жанров и речевых актов, которая впоследствии стала основой целого направления в российском жанроведении.

С середины 80-х гг. ряд речевых жанров начинает изучаться студентами и аспирантами Саратовского университета под руководством В.Е. Гольдина (например, дипломная работа Н.В. Дубосарь «Тексты диалектной речи (жанровый состав)» была защищена еще в 1988 г.).

Эта традиция продолжается в 1990-е и 2000-е годы.

Еще раньше ряд аспектов жанровой организации речи активно исследуется в связи с разносторонним изучением русской разговорной речи в Саратовском университете под руководством О.Б. Сиротининой. Были прояснены многие значимые свойства жанров русской разговорной речи. Так, было установлено, что речевые жанры являются неотъемлемой частью и основным средством организации разговорной речи – сложного коммуникативного феномена, чаще всего характеризующегося непосредственностью, спонтанностью, неофициальностью, постоянным активным участием слушающего (как следствие – частой сменой тем, коммуника-

тивных ролей, непредсказуемостью)³. Осмысление речевой системности, отличной от языковой, успешно осуществляется в саратовской лингвистической школе в последние годы в исследованиях по синтаксису речи, психологическим, социологическим, текстовым особенностям русской разговорной речи.

Второй пик активности саратовских жанроведов, по-видимому, связан с началом выхода первых выпусков серийного тематического сборника «Жанры речи» под редакцией В.Е. Гольдина, специально посвященного проблеме речевых и коммуникативных жанров. К настоящему времени вышло четыре выпуска сборника: в 1997, 1999, 2002 и 2005 гг.; сейчас готовится к выходу пятый выпуск, посвященный проблеме «Жанр и культура».

В выпусках сборника представлен ряд исследователей из разных научных центров России и зарубежья, и прежде всего – Саратова. Некоторые отклики на первый и второй выпуски сборника были опубликованы в виде рецензий, специальных абзацев, параграфов в теоретических обзорах⁴.

В четырех выпусках «Жанров речи» публиковались саратовские ученые: Е.Ю. Балашова, Л.В. Балашова, В.Е. Гольдин, В.В. Деметьев, О.Н. Дубровская, Т.В. Дубровская, Т.С. Зотеева, Е.П. Захарова, Ю.В. Казачкова, И.А. Кириллова, М.А. Кормилицына, В.Ю. Михайлин, В.С. Парсамов, В.Я. Парсамова, О.Н. Паршина, Е.В. Полякова, В.В. Прозоров, А.П. Романенко, Т.В. Русинова, З.С. Санджи-Гаряева, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина, И.А. Тарасова, В.В. Фенина, Л.Н. Чинова, Г.Р. Шамьенова, Г.М. Ярмаркина.

В сборнике представлены работы исследователей из таких научных центров России, как Астрахань, Белгород, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Краснодар, Красноярск, Москва, Новгород, Омск, Пенза, Пермь, Санкт-Петербург, Тверь, Уфа, Элиста, Ярославль; а также ближнего (Львов, Минск, Харьков) и дальнего зарубежья (Базель, Бохум, Канберра, Ополе).

Естественно, работы по теории речевых жанров публикуются и в других саратовских изданиях, например, в сборниках «Вопросы стилистики» (1998. Вып.27; 1999. Вып.28), «Проблемы речевой коммуникации» (2000–



2006), «Прямая и непрякая коммуникация» (2003). Саратовские жанроведы активно участвуют в изданиях в других научных центрах России и за границей.

В Саратовском университете был защищен ряд докторских диссертаций, в которых разрабатываются многие актуальные проблемы теории речевых жанров; кроме того, в Саратовском университете и других вузах города были защищены кандидатские диссертации под руководством В.Е. Гольдина, О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной, К.Ф. Седова, В.В. Дементьева, Р.З. Назаровой, И.И. Прибыток, С.П. Хижняка – одни из них посвящены непосредственно жанрам речи, в других затрагиваются важные вопросы, относящиеся к данной предметной области. Отметим, что в некоторых исследованиях развиваются идеи жанроведов из других научных центров (прежде всего Москвы), в других же разрабатываются оригинальные подходы к изучению жанров. Уверенно включаем в саратовскую школу и исследователей из других научных центров, тесно связанных с Саратовом (Астрахань, Волгоград, Пенза, Санкт-Петербург, Элиста); большинство из них защитили в Саратове кандидатские и докторские диссертации (И.А. Иванчук, О.Н. Паршина, Т.Н. Колокольцева, Н.Н. Гастева, Г.М. Ярмаркина), некоторые – в других городах (С.Е. Тупикова) (список в конце статьи).

В 1990-е и 2000-е гг. на кафедрах теории, истории языка и прикладной лингвистики (бывшая кафедра общего и славяно-русского языкознания), русского языка и речевой коммуникации (бывшая кафедра русского языка), английской филологии, романской филологии защищен ряд дипломных работ по жанрам речи под руководством В.Е. Гольдина, М.А. Кормилицыной, К.Ф. Седова, В.В. Дементьева, В.Т. Клокова, Е.П. Захаровой, Н.И. Кузнецовой, В.В. Кузьминой, Е.Ю. Викторовой и др. (список в конце статьи).

К наиболее актуальным проблемам саратовского жанроведения, решаемым за названный период, можно отнести следующие:

- типология жанров и жанровых форм, речевые жанры и речевые акты, первичные и вторичные жанры (В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев, О.Н. Дубровская);

- жанры в связи с речевыми стратегиями и тактиками, субжанрами и гипержанрами, речевыми событиями (К.Ф. Седов, В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская, О.Н. Паршина, О.Н. Хорешко, Ю.В. Казачкова);

- социопрагматический аспект теории речевых жанров (К.Ф. Седов, В.В. Дементьев, Г.М. Ярмаркина, Е.В. Власова);

- жанры в связи с концептами и языковой картиной мира (В.В. Дементьев, Л.В. Балашова, И.А. Тарасова, В.В. Фенина, Е.Ю. Балашова);

- жанры в связи с общими вопросами коммуникативной компетенции (К.Ф. Седов, В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская, В.В. Дементьев, Е.Н. Даштоян);

- жанры в связи с непрякой коммуникацией и формализацией социального взаимодействия (В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, А.П. Романенко, В.В. Фенина);

- жанры в связи с семантикой языковых единиц (В.Е. Гольдин, Л.В. Балашова, О.Н. Дубровская);

- речевые и риторические жанры (О.Б. Сиротинина, Г.М. Ярмаркина);

- жанры в связи с культурой речи (О.Б. Сиротинина, К.Ф. Седов, И.А. Иванчук, Т.А. Милёхина, А.Н. Байкулова);

- жанры в связи с речевым портретированием (К.Ф. Седов, О.Н. Паршина, Т.А. Милёхина);

- жанры в связи с речевой агрессией (К.Ф. Седов, Е.В. Власова);

- жанры в связи с историей языка и культуры (Л.В. Балашова, Т.С. Зотеева, В.С. Парсамов);

- сопоставительное изучение речевых жанров (О.Н. Дубровская, С.Е. Тупикова, В.В. Фенина, Ю.В. Казачкова, Т.В. Руссинова).

Перечислить все идеи в области теории речевых жанров, принадлежащие саратовским исследователям, невозможно в краткой статье. Назовем лишь некоторые, представляющиеся нам наиболее значительными.

Так, **В.Е. Гольдин**, на наш взгляд, внес существенный вклад в развитие теории речевых жанров, во-первых, в теоретическом осмыслении места речевого жанра среди различных типизированных коммуникативных явлений по отношению к речевым событиям



и поступкам; во-вторых, – в разработке типологии сложных речевых событий. «Наиболее естественно, – пишет ученый, – связывать категорию жанра с категорией ситуации как формы, структуры события»⁵. Основа речевого события – речевой процесс или действие, поэтому можно говорить об *ответе, разговоре, извинении, объяснении, споре* как об именах речевых жанров. Слова типа *победа, поражение, успех, рекорд, промах, измена, шалость, подвиг*, с помощью которых говорят о событиях, сами именами событий не являются (ср.: **во время подвига, *в момент измены, *в конце победы*). Главное в содержании этих имен – характеристика, оценка, причем оцениваются и именуется не сами конкретные действия, а воплощенные в них поступки.

Данная концепция получила блестящую апробацию в кандидатской диссертации **О.Н. Дубровской** «Имена сложных речевых событий в русском и английском языках», посвященной исследованию имен сложных речевых событий. Доказано, что в русском и английском языках данные имена образуют значительный пласт словарного состава языков – особую лексическую группу с полевой структурой. Ее ядро составляют имена сложных речевых событий (в них речевой компонент играет главную роль); выделяется ближайшая и отдаленная периферия (в зависимости от степени значимости речевого компонента). Осуществляется типологизация: среди имен сложных речевых событий выделяются метаимена, имеющие разное обобщающее значение. Имена сложных речевых событий группируются по коммуникативным сферам (религиозная сфера, политическая сфера, юридическая, торгово-экономическая, профессиональная, сфера образования, культуры и искусства и др.).

Наиболее значительные результаты многолетнего исследования речевых жанров **К.Ф. Седовым**, на наш взгляд, таковы: во-первых, типология речевых моделей, ранжированных по нарастанию абстрактности: субжанр (=внутрижанровая речевая стратегия) – жанр – гипержанр, с разработкой системы внутрижанровых стратегий для разных жанров и типов кооперативного и конфликтного речевого поведения; во-вторых, изучение речевых жанров в связи с языковым су-

ществованием и формированием коммуникативной компетенции языковой личности (данная психолингвистическая концепция получила апробацию в кандидатской диссертации **Е.Н. Даштояна** «Становление дискурсивного мышления при овладении вторым языком в условиях учебного двуязычия»); разработка методики речевого портретирования, включающей ранжирование речевого материала через призму типов речевой культуры, официальной и неофициальной речи, используемых речевых жанров; в-третьих, изучение речевых жанров в связи с речевой агрессией: определение типа языковой личности в связи с выбором внутрижанровой стратегии в конфликте; формы и стратегии вербальной и невербальной, прямой и непрямой, инструментальной и неинструментальной, инициативной и реактивной и т.д. агрессии.

Прагмалингвистическая модель агрессии и классификация агрессивных тактик, разработанная **К.Ф. Седовым**, получила удачную апробацию на оригинальном материале в кандидатской диссертации **Е.В. Власовой** «Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века)». В диссертации дается комплексная характеристика способов выражения речевой агрессии в немецких и русских тоталитарных и демократических печатных СМИ, а именно: в установлении признаков разных типов прямой и косвенной речевой агрессии, выявлении их сходства и различия в немецких и русских газетах 30-х гг. XX века и 90-х гг. XX века, объяснении сходства на основании функций речевой агрессии в дискурсе СМИ в тоталитарном и демократическом обществе.

Особое значение для развития теории речевых жанров имеет разработка **О.Б. Сиротининой** понятий риторического жанра и хорошей речи. Так, в коллективной монографии «Хорошая речь» под редакцией **О.Б. Сиротининой** и **М.А. Кормилицыной** отмечается, что владение жанрами, правильное использование их есть необходимая составляющая хорошей речи⁶. Жанровая речевая системность складывается из собственно речевых моментов стандартизации и формализации (присущих всем речевым жанрам) и риторических моментов формализа-



ции (присущих «риторическим жанрам», при которых адресант стремится **построить** высказывание с его точки зрения наиболее эффективным способом⁷). Риторические жанры делают коммуникативные действия более ответственными, что было доказано в кандидатской диссертации **Г.М. Ярмаркиной** «Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи», представляющей собой удачную апробацию концепции риторического жанра О.Б. Сиротининой. Так, было выявлено, что в риторических просьбах больше конвенциональных речевых средств по сравнению с просьбами нериторическими, спонтанными, а в разговорной речи речевые и риторические просьбы не противопоставлены жестко, а слиты и могут плавно переходить друг в друга. При этом Г.М. Ярмаркина считает главным критерием риторичности (просьб) наличие левого контекста высказывания: если есть реплики, подготавливающие просьбу (т. е. собственно директивное высказывание), значит, просьба была спланирована заранее (в случае речевых просьб контекст правый).

Апробация данной концепции представлена в докторской диссертации **О.Н. Паршиной** «Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России»: доказывется, что эффективность применения той или иной стратегии или тактики, используемых в политическом дискурсе политической элиты современной России, зависит от ситуации общения, жанра речи, учета говорящим особенностей адресата, а их выбор во многом определяется типом речевой культуры и типом языковой личности политического лидера. В целом при изучении речевых жанров О.Н. Паршиной используется подход Т.В. Шмелевой, которая считает важнейшим жанровым параметром иллюкутивную цель, с уточнениями Т.В. Анисимовой (в модели Шмелевой не учитывается такой параметр, как первичные и вторичные жанры). О.Н. Паршина осуществляет исследование эволюции и модификации жанров в современном коммуникативном пространстве. Рассмотрены трансформации традиционных жанров (например, дебаты трансформируются в теледебаты), появление новых жанров (например, «прямой линии»).

Так, телепередачу В.В. Познера «Времена» О.Н. Паршина относит к жанровым модификациям, объединяющим несколько моделей на жанровой основе, наиболее восприимчивой к изменениям. Автор справедливо отмечает, что такой основой чаще других становится жанр интервью благодаря его особой универсальности и гибкости.

В диссертационном исследовании **В.Я. Парсамовой** «Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана)» представлен филологический анализ наиболее важных составляющих языковой личности Ю.М. Лотмана. В.Я. Парсамовой разрабатывается и апробируется оригинальная методика выявления индивидуального стиля в коммуникативном ракурсе и реконструкции языковой личности, с одной стороны, как типичной для определенного социокультурного круга, с другой – как нетипичной, уникальной, отсюда внимание к лингвокреативности и языковой игре. Рассмотрена креативность в переписке Ю.М. Лотмана на разных уровнях языка и речи: от креативности на уровне слова и предложения (собственно языковая игра) до игры со стилями и речевыми нормами (например, творческое использование норм письменной и устной речи и речевых масок), а также игры на текстовом уровне, игры с жанровыми канонами вплоть до создания новых речевых (а следовательно, жанровых) правил.

Кратко представив деятельность саратовских жанроведов, считаем полезным несколько подробнее осветить содержание и проблематику выпусков сборника «Жанры речи».

Учитывая, что первые два выпуска «Жанров», кажется, уже достаточно хорошо известны лингвистам в Саратове и за его пределами, обсуждались и рецензировались в литературе (см. выше), представим подробнее третий (2002) и четвертый (2005) выпуски, относящиеся уже к XXI веку, т.е., по видимому, некоему новому этапу в развитии жанроведения. В данных выпусках, на наш взгляд, достаточно представительно отражена не только активность саратовских жанроведов, но и общее состояние теории РЖ в России и за рубежом в это время – практиче-



ски все наиболее актуальные направления изучения РЖ были отражены в данных выпусках сборника.

Как уже говорилось, динамику развития российского жанроведения можно кратко охарактеризовать следующим образом: если на первом этапе (конец 80-х – начало 90-х гг.) речевые жанры изучались на основе методики и терминологии теории речевых актов, то второй этап состоял в основном в преодолении недостатков и издержек первого этапа.

Становится особенно актуальным построение типологии первичных и вторичных жанров и изучение жанров, различающихся степенью жесткости композиции; перед жанроведением ставится ряд новых проблем, например, изучение жанров и языка как альтернативных типов коммуникативной системности (символических коммуникативных систем), изучение жанров в связи с противопоставлением и взаимопроникновением языка и речи, в связи с историей, культурологией, риторикой, педагогией. Очень плодотворным стало взаимодействие данного направления со смежными дисциплинами – социолингвистикой, психолингвистикой, лингвистикой текста, стилистикой, риторикой.

Подобные аспекты речевых жанров оказались в центре внимания авторов третьего выпуска сборника «Жанры речи», посвященного социолингвистическому и идеологическому аспектам речевых жанров (жанры осмысляются как средство организации и формализации социального взаимодействия).

Ряд статей сборника посвящен общим вопросам. Так, В.Е. Гольдин и О.Н. Дубровская рассматривают жанровую организацию речи в связи с общими вопросами коммуникативной компетенции, К.Ф. Седов разрабатывает свою уже широко известную среди российских онтолингвистов психолингвистическую концепцию речевых жанров. А.П. Романенко и З.С. Санджи-Гаряева развивают интересную идею о советской речевой культуре, которая была культурой особого типа: в ее основе лежал образ ратора, ориентированный на концепт **документа** в широком смысле. Авторы убедительно показывают, что данная культура порождает особую систему речевых жанров (подробно анализируется жанр *партийного собрания*).

Особо следует остановиться на статье В.А. Салимовского «Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики?» Ее теоретическая ценность состоит не только в интеграции двух направлений современной ТРЖ – речеактового и социолингвистического, при общем тяготении к позициям второго, точнее, его стилистической разновидности. Ценность исследования В.А. Салимовского определяется также интеграцией двух более общих лингвистических подходов, обозначенных еще М.М. Бахтиным как абстрактный объективизм, где язык понимается как устойчивая система (*langage* по Ф. де Соссюру), и индивидуалистический субъективизм, где естественный язык, с одной стороны, есть деятельность, проявляющаяся в речевых действиях, с другой стороны, – регулярный творческий процесс говорящего индивидуума (В. фон Гумбольдт). Таким образом, В.А. Салимовский предлагает коммуникативное и лингвокультурологическое решение противоречий между крайними проявлениями данных направлений – структурализмом и экзистенциализмом.

Один из главных путей к уточнению понятия речевого жанра – создание типологии жанровых форм. В статьях сборника обсуждаются первичные и вторичные, простые и сложные речевые жанры, жанры устной и письменной коммуникации, жанры официального и неофициального общения, информативные и фатические, тематически обусловленные и свободные жанры и т. д. Рассмотрены речевые жанры, которые ранее не становились объектом специального исследования: жанр *разговорника* (Б.Ю. Норман), *вербальная дуэль* (В.И. Жельвис), жанр *утренней и вечерней молитвы* (Л.В. Балашова), *инициативное обращение* (Е.И. Шейгал). Кроме того, более детально и в новых аспектах рассмотрены речевые жанры, которые уже становились объектом исследования.

Четвертый выпуск сборника посвящен проблеме «Жанр и концепт». Выбор данной проблематики обусловлен тем, что за три года, прошедшие между выходом третьего и четвертого выпусков сборника, общее состояние жанроведения в России заметно изменилось. Многими отмечается, что среди жанроведов накопилась определенная «уста-



лость», разочарование из-за того, что до сих пор не решены даже наиболее принципиальные вопросы: «Речевые жанры <...> активно изучаются, однако здесь наметился определенный застой, поскольку программные идеи уже высказаны, “открытия” наиболее эффективных жанров состоялись, на создание же энциклопедии жанров пока никто не решается. <...> Пока же она выглядит “собранием пестрых глав”, посвященных полемике вокруг и наблюдениям над отдельными жанрами»⁸.

В современных исследованиях само понятие «жанр» в значительной степени сместилось на периферию, вытесненное очень активно развивающимися ориентированными на западные традиции концепциями, прежде всего когнитивными и лингвокультурологическими (концептологическими).

Однако, если не говорить о модных и немодных терминах, и теория речевых жанров, и теория концептов в равной степени отвечают общей семантизации современной лингвистики: естественно, концепт есть содержательно ориентированная единица, а изучение концептов на современном этапе есть не что иное, как изучение – в наиболее общем виде – плана содержания языковых единиц (в том числе лексико-семантического, грамматического, а также коннотативного, стилистического и функционально-стилистического, коммуникативно-прагматического и ассоциативного компонентов плана содержания). Но жанр тоже содержательно ориентированная единица. Жанры почти невозможно изучать иначе: использование только формальных моделей (в частности, монологически-логико-грамматической методологии теории речевых актов) при изучении естественного речевого общения часто оказывается несостоятельным. Кроме того, жанры составляют важную часть тех смыслов, которые включаются в концепт.

Когнитивная генристика использует в качестве рабочих положения, доказанные в современной концептологии и теории речевых жанров:

– существуют коммуникативные ценности как часть общих культурных ценностей;

– существуют универсальные и национально-специфичные коммуникативные ценности;

– они стоят за общей системой коммуникации, системой коммуникативных единиц и категорий, правил ведения речи, коммуникативных стратегий и тактик;

– в пределах одной культуры за речевыми / коммуникативными жанрами могут стоять как одинаковые, так и разные коммуникативные ценности.

Рассмотрение речевых жанров с лингвокультурологических позиций, как и выделение в составе концепта жанрового смыслового компонента, выводят исследователя на качественно новые проблемы, например, конкретное композиционно-тематическостилистическое наполнение коммуникативных концептов, лингвокультурологический анализ зафиксированных в языке имен жанров и их структурных элементов, структура жанровой картины мира.

Эти и смежные с ними вопросы решаются авторами статей, составивших четвертый выпуск «Жанров речи». Так, Г.Г. Слышкин («Речевой жанр: перспективы концептологического анализа») исследует разные жанровые картины мира внутри общей национально-культурной картины мира. В картине мира каждого жанра выделяется один или несколько системообразующих концептов, а также ряд более частных концептов, которые являются средством конкретизации системообразующих концептов (в жанре мелодрамы это концепт «любовь», в жанре детектива – «тайна», в трагедии – «несчастье»). Речевой жанр понимается, с точки зрения лингвокультурной концептологии, как поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов, при этом «ширина» данного спектра, понимаемая как концептуальная насыщенность жанра, становится основанием концептологической типологии жанров: максимального уровня концептуальная насыщенность достигает, когда в картину мира, конструируемую в текстах данного жанра, входят определенная фактуальная информация о самом жанре и ценностное отношение к нему (жанр при этом фигурирует в качестве одного из активизируемых в нем метаконцептов).

Н.Ф. Алефиренко («Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции») доказыва-



ет, что концепты-архетипы (в том числе и те, которые выделяли еще К.Г. Юнг, М. Элиаде, Н. Фрай, и те, о которых писали Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров и другие отечественные исследователи), представленные основными типами дискурсивного мышления, являются генетически сплавленными с жанровыми структурами. Ученый постулирует рассмотрение онтологического соотношения концепта, языкового значения и речевого жанра в рамках когнитивно-семасиологической парадигмы, их корреляцию по таким категориям когнитивной семантики, как «знание», «концепт», «семантические сети», «сознание», «языковое сознание» и «значение».

А.Г. Баранов решает общую проблему концепта в дискурсивной деятельности, Л.Б. Никитина исследует один из важнейших концептов (образ-концептов) – «*homo sapiens*» – через призму некоторых жанров русской речи (таких, как *сентенция*, *одобрение*, *порицание*), С.Н. Плотникова рассматривает концептуальный стандарт жанра *фэнтези*. Кроме того, исследуется ряд концептов в рамках определенных речевых жанров, например, С.Г. Воркачев рассматривает концепт любви в русской поэзии, В.И. Карасик и Ю.В. Мещерякова – эстетическую оценку в русских и английских анекдотах.

Нельзя не отметить еще одну особенность всех четырех выпусков сборника, сообщающую ему некоторую дополнительную привлекательность в глазах русскоязычного читателя: многие лингвисты в России знакомятся с новыми работами Анны Вежбицкой и ее семантической школы в Канберре благодаря постоянным (с 1997 г.) связям редколлегии с интересной польско-австралийской исследовательницей и качественным переводам О.Н. Дубровской, которой автор, как ответственный секретарь первых трех выпусков и редактор четвертого, выражает искреннюю благодарность.

Диссертации, защищенные по жанрам речи в Саратове

Докторские

Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности (1999).

Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации (2001).

Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи (2001).

Андреева С.В. Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи и их коммуникативный потенциал (2005).

Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры (2005).

Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России (2005).

Милёхина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) (2006).

Кандидатские

Гастева Н.Н. Диалогическое единство в разговорной речи (1990).

Дементьев В.В. Жанровая структура фатической коммуникации (1995).

Дубровская О.Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках (2001).

Зотеева Т.С. Диалогическое единство в жанре просьбы и его эволюция в английской драме XVI–XX вв. (2001).

Полякова Е.В. Отрицательная оценка в русских письмах (2001).

Ярмаркина Г.М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи (2001).

Беляева А.Ю. Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной речи) (2002).

Шидо К.В. Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов (2002).

Тупикова С.Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале художественных текстов XIX–XX вв.) (2003).

Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана) (2004).

Власова Е.В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века) (2005).



Даштова Е.Н. Становление дискурсивного мышления при овладении вторым языком в условиях учебного двуязычия (2005).

Фенина В.В. Речевые жанры *small talk* и светская беседа в англо-американской и русской культурах (2005).

Хорешко О.Н. Жанровый аспект положительной оценки лица (2005).

Байкулова А.Н. Речевое общение в семье (2006).

Казачкова Ю.В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект) (2006).

Руссинова Т.В. Особенности функционирования запрета (на материале русского и английского языков) (2006).

Дипломы, защищенные по жанрам речи
в Саратовском университете

На кафедре теории, истории языка
и прикладной лингвистики

1988

Дубосарь Н.В. Тексты диалектной речи (жанровый состав) (рук. В.Е. Гольдин).

1991

Дементьев В.В. Любовная речевая игра как жанр речевого общения (на материале произведений В.М. Шукшина) (рук. В.Е. Гольдин).

1994

Илюшин А.К. Ссора как речевой жанр (на материале Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова) (рук. В.Е. Гольдин).

1998

Гапеева Е.В. Отрицательная оценка в русской речи (рук. В.Е. Гольдин).

Полякова Е.В. Упрек как жанр русской речи (рук. В.Е. Гольдин).

Чинова Л. Речевые жанры «принесения извинения» (рук. В.Е. Гольдин).

Шилкина Е.В. Угроза как речевой жанр (рук. В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев).

1999

Тумаикина О.А. Жанр совета в русской речи (рук. В.Е. Гольдин).

Харинова И.А. Лингвистика жанров речи и ее терминология (рук. В.Е. Гольдин).

2005

Ковальская С. Жанровая организация переходов «фатическая речь → информатив-

ная речь» и «информативная речь → фатическая речь» (рук. В.В. Дементьев).

Цугаков К. Стереотипическая обусловленность процесса интерпретации. Жанрово-стилевой аспект (рук. В.В. Дементьев).

2006

Рамазанова К. Лингвокультурологическая информация в русских анекдотах о русских, иностранцах и «инородцах» (рук. В.В. Дементьев)

На кафедре русского языка и речевой коммуникации

1997

Васильева С.В. Общение взрослого со своим и чужим ребенком (рук. Е.П. Захарова).

2001

Андропова А.Э. Речевой жанр «тост» (рук. М.А. Кормилицына).

2002

Хорешко О.Н. Речевой жанр «признание» (рук. М.А. Кормилицына).

Цветкова Е. Жанровая структура урока (рук. К.Ф. Седов).

2003

Ковалева Е.В. Жанры практической юридической речи и их особенности (рук. Н.И. Кузнецова).

Обыденнова М.В. Жанр протокола в современной деловой речи (рук. Н.И. Кузнецова).

2004

Ильичева Н.Н. Интернет-истории как жанр фатической речи (рук. Е.П. Захарова).

Гусева А.М. Жанры совета, предложения, просьбы и приказа в устной речи (рук. Н.И. Кузнецова).

Калиничева Ю.В. Объявление о знакомстве как речевой жанр (рук. М.А. Кормилицына).

Костина Е.Г. Жанр спортивного репортажа на телевидении (рук. Е.П. Захарова).

Максимова Н.В. Речевые жанры «комплимент», «похвала», «одобрение» в русской разговорной речи (рук. К.Ф. Седов).

2005

Качанова Г. Граффити в современной городской коммуникации (рук. М.А. Кормилицына).

Крайнюкова Т. Записки в повседневном общении (рук. Е.П. Захарова).



Преснякова К. Взаимодействие речевой культуры журналиста и жанра телепередачи (рук. Н.И. Кузнецова).

2006

Быстрова Е. Записочки на занятиях как речевой жанр студенческого речевого общества (рук. М.А. Кормилицына).

Лысова М. Жанр обзора прессы на современном радио (рук. Н.И. Кузнецова).

На кафедре английской филологии

2005

Елисеева В.В. Речевой жанр бытовой ссоры (рук. В.В. Кузьмина).

Калтыгина Ю.С. Речевой жанр «предложения о браке» (рук. Е.Ю. Викторова).

Трибунская Ю.А. Речевой жанр похвалы и поощрения (рук. Е.Ю. Викторова).

2006

Будник И.В. Речевой жанр «приглашение» в английской стилизованной разговорной речи (рук. В.В. Кузьмина).

Кашикова К.А. Речевой жанр «извинение» в английской стилизованной разговорной речи (рук. В.В. Кузьмина).

Нуждина Н.В. Речевой жанр согласия в английской разговорной речи (рук. В.В. Кузьмина).

На кафедре романской филологии

2003

Монкус К.А. Особенности нетикета в чатах (на материале французского языка Канады) (рук. В.Т. Клоков).

Орлова О.А. Электронное письмо как особый вид письменной коммуникации (рук. Ю.Б. Фролова).

Примечания

- ¹ Статья является продолжением обзоров: *Дементьев В.В.* Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. №1; *Он же.* Традиции изучения жанров русской разговорной речи в саратовской лингвистике // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып.3; *Он же.* «Текстоцентрическое» и «жанроцентрическое» изучение речи (к выходу первого выпуска сборника «Жанры речи») // Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып.27. Человек и текст; *Дементьев В.В., Седов К.Ф.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998.
- ² См. обзоры: *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. №5; *Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002.
- ³ *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974; *Она же.* Система функциональных стилей современного русского литературного языка // Функциональные стили и формы речи. Саратов, 1993.
- ⁴ Напр.: *Салимовский В.А.* Указ. соч.; *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999; *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005; *Москвин В.П.* Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006. С.98–118.
- ⁵ *Гольдин В.Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып.1. С.32.
- ⁶ Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001. С.117.
- ⁷ *Сиротинина О.Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып.2. С.28.
- ⁸ *Шмелева Т.В.* Речеведение в современной русистике // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы II Междунар. конгр. исследователей русского языка. М., 2004. С.30.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Прямая и непрямая коммуникация / Под ред. В.В. Дементьева. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – 354 с.

Book Review: Direct and Indirect Communication / Ed. V.V. Dementyev. – Saratov: "College" Publishing, 2003. – 354 p.

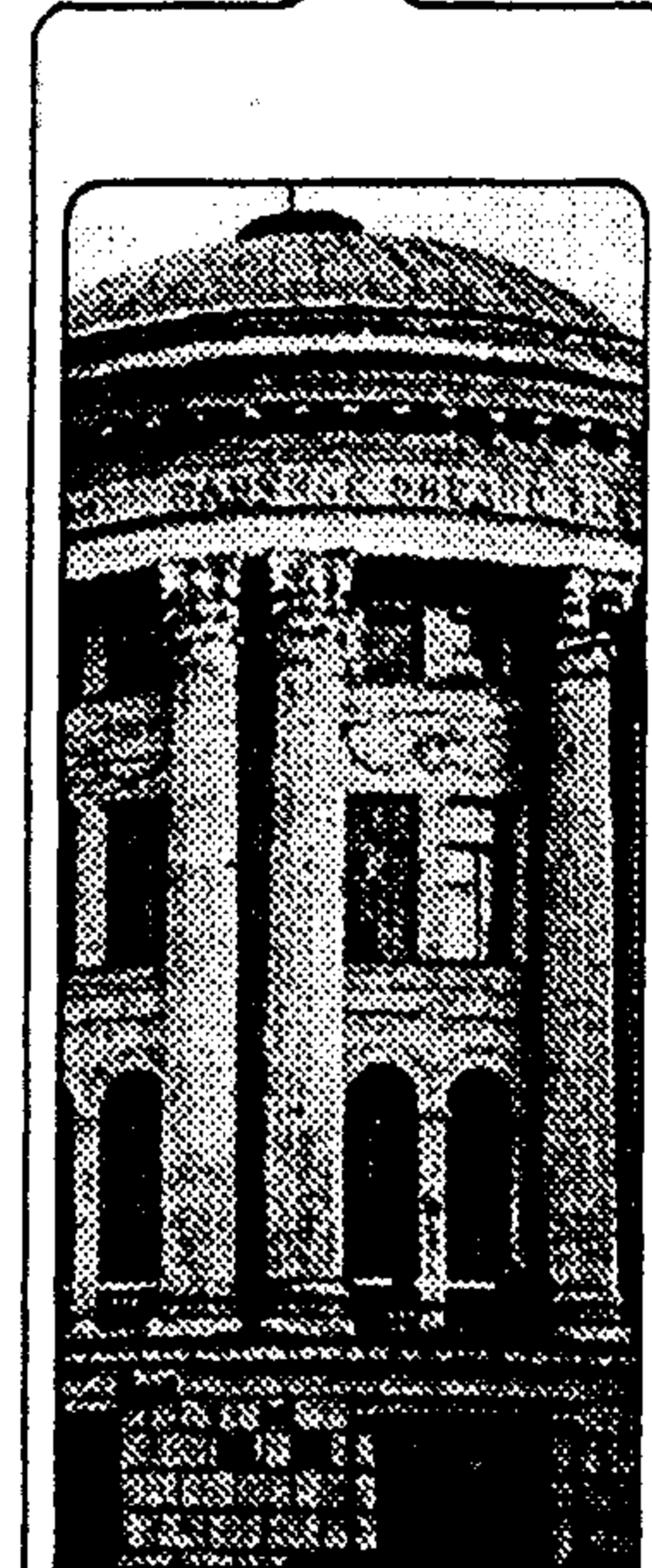
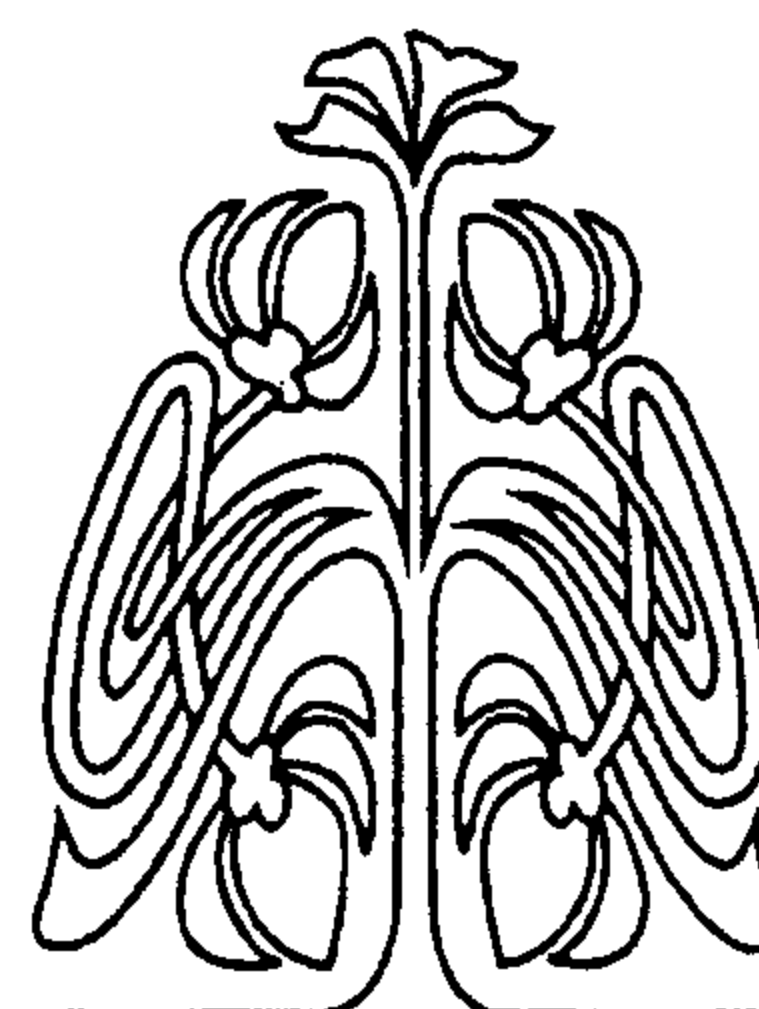
В лингвистике последних десятилетий все стремительно меняется (как в осмыслении теоретических понятий и терминов, так и в подходах к исследованиям лингвистических явлений). Стало привычным, что энциклопедические словари и терминологические справочники «не успевают» за этими процессами, поэтому достаточно большая часть актуальных лингвистических явлений находит свое определение в авторских работах, отдельных статьях и научных дискуссиях. Такова судьба и понятия «непрямая коммуникация», являющегося объектом рассмотрения научных статей, объединенных в сборник «Прямая и непрямая коммуникация», вышедший в свет в 2003 г. в Саратове.

Проблемы речевой коммуникации с конца прошлого века привлекают большое внимание антропоцентрической лингвистики. Новое направление – коммуникативистики – внутри этой парадигмы в российской науке получило особенно активное развитие с созданием в 2002 г. Российской Коммуникативной Ассоциации (см. сайт: www.russcomm.ru) на первой международной конференции в Пятигорске «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах».

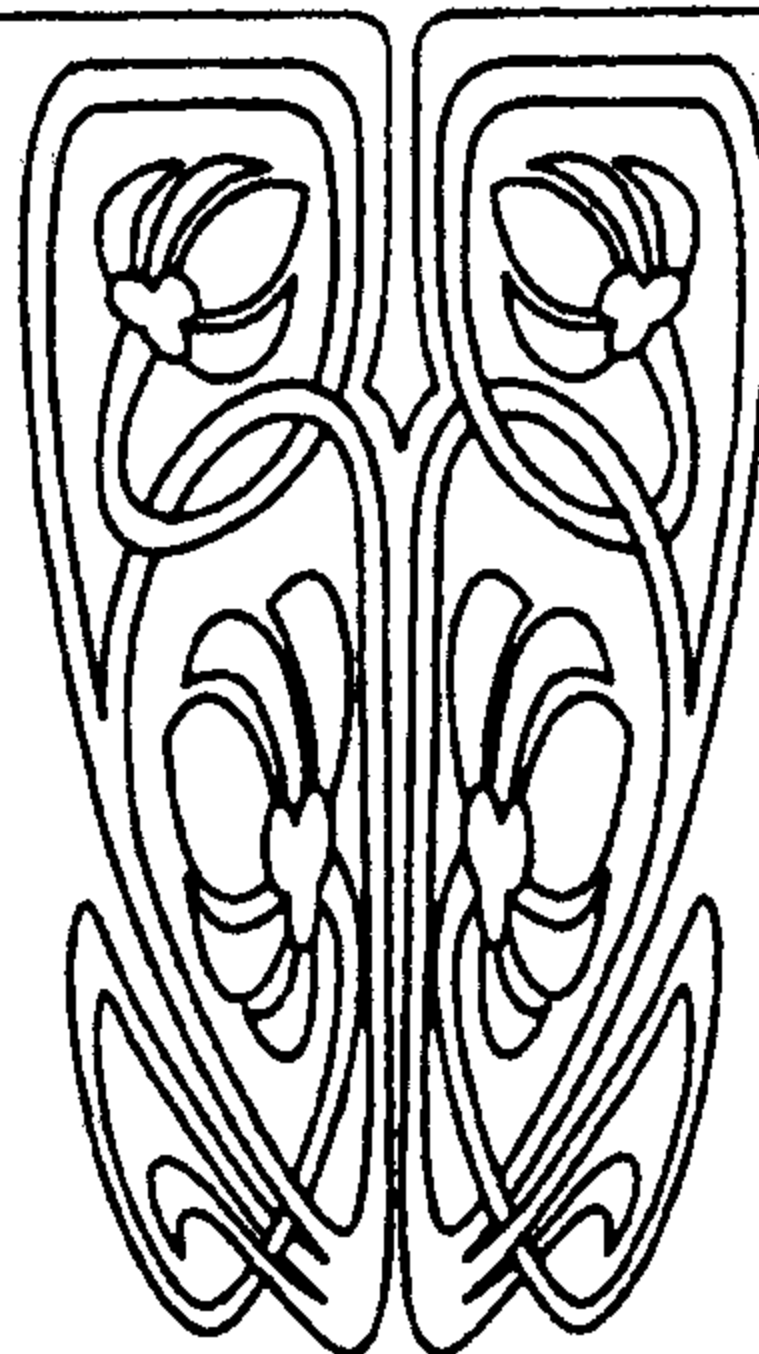
Коммуникативистика в России активно разрабатывает целый комплекс теоретических вопросов, отраженных в ее метаязыке: коммуникативная грамотность, культура, позиция, коммуникативное сознание, поведение, коммуникативное пространство и др.¹ Среди этих проблем наименее разработанной является проблема непрямой коммуникации в ее жанровом варьировании. Эта проблема получила серьезный стартовый зачин в докторской монографии В.В. Дементьева². Развитие теории непрямой коммуникации представлено в новом труде В.В. Дементьева в виде сборника, в котором солидный коллектив авторов, в том числе и зарубежные: А. Вежбицкая, С. Дённингхаус, Г. Беднарк, М. Кита, Р.Д. Абрахамс. Работы этих известных в сфере коммуникативистики лингвистов значительно усиливают теоретическую и практическую значимость рецензируемого сборника.

По замыслу редакционной коллегии (В.В. Дементьева, Л.В. Балашовой, К.Ф. Седова), работы, вошедшие в эту книгу, представляют разные языковые и речевые явления в аспекте *прямой и непрямой коммуникации*. Однако даже простой перечень названий статей и разделов свидетельствует о том, что основной проблемой, послужившей толчком для объединения сил ведущих лингвистов, занимающихся вопросами изучения речи и функционирующего языка, в данной книге является проблема установления статуса и существенных свойств в первую очередь непрямой коммуникации. Непрямая коммуникация в сборнике определяется как «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственном высказывании, и требует дополнительных интерпретационных усилий со стороны адресата» (с. 13), и такого понимания непрямой коммуникации придерживаются практически все авторы сборника.

Сборник состоит из четырех разделов: «Общие проблемы», «Переводы», «Виды и жанры непрямой коммуникации», «Непрямая коммуникация в фило- и онтогенезе». В связи с этим нельзя не заметить в целом несколько искусственную рубрику сборника в силу довольно большого



**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**





многообразия (разброса) тем включенных в него статей. Кроме того, в разделе «Переводы» несколько нарушен принцип информирования читателя о географии авторов статей: составители забыли их указать. Раздел «Переводы» в некоторой степени нарушает тематическую рубрикацию сборника (общие проблемы, виды и жанры не прямой коммуникации, не прямая коммуникация в фило- и онтогенезе), так как в нем не обозначена тема.

Первый раздел «Общие проблемы» поднимает вопросы статуса понятия «непрямая коммуникация», так стремительно ворвавшегося в лингвистический обиход. Статья В.В. Дементьева «Проблемы не прямой коммуникации», одновременно являющаяся своеобразным введением, определяет круг вопросов, с которыми соприкасается и к которым имеет отношение исследуемая языковая и речевая область. Поскольку речь идет о теоретических вопросах, связанных с содержательной стороной речи, с проблемами смысла, с особенностями языкового выражения (асимметрией и лакунарностью), с механизмами языковой категоризации и языкового картирования мира, национально-культурной концептуализации действительности и с особенностями интерпретации дискурса, то становится понятным, что перед нами актуальное лингвистическое явление, требующее совместного обсуждения ученых разных школ и научных направлений. Кроме того, названные языковедческие проблемы имеют общенаучный характер, поскольку выходят на такие общие, философские проблемы, как происхождение и сущность языка, познание мира человеком, преодоление энтропии и упорядочение мира, решаемые разными гуманитарными и естественными дисциплинами.

По замечанию автора статьи, столь широкий охват теоретических вопросов, естественно, определяет положение не прямой коммуникации в системе лингвистического знания на сегодняшний день в первую очередь как проблему, а представленный сборник научных статей (первый опыт коллективного обсуждения проблемы не прямой коммуникации), возможно, не столько дает ответы на вопросы, сколько поднимает новые вопросы, ждущие своего решения.

Полемическая статья «Дискуссионные моменты теории не прямой коммуникации» И.И. Прибыток также затрагивает фундаментальные вопросы лингвистической теории: о первичности / вторичности не прямой коммуникации, о соотношении не прямой коммуникации и языка, о способах дифференциации прямой и не прямой коммуникации (с.17). Принципиальная позиция автора состоит в определении первичности прямой коммуникации

как в диахроническом, так и в синхроническом планах, в указании на строгую обусловленность не прямой коммуникации характером коммуникативной сферы, национальной спецификой речевой культуры, особенностей языковой личности. Как феномен речи, коммуникация (прямая и не прямая), по мнению автора статьи, не может трактоваться в качестве языкового явления: «в языке нет ни прямой, ни не прямой коммуникации» (с.19), таким образом, проблема не прямой коммуникации должна обсуждаться в терминах и в парадигме речеведческих дисциплин. В качестве одного из обсуждаемых критериев дифференциации прямой и не прямой коммуникации в статье И.И. Прибыток рассматривается свойство конвенциональности языкового выражения, которое, однако, не чуждо совершенно не прямой коммуникации, так как существует определенная зависимость между коммуникативной интенцией и избираемым типом коммуникации (с.23).

Теоретические изыскания, касающиеся самих терминов «прямая коммуникация» и «не прямая коммуникация», характеризуют статью А.П. Кравченко «Что такое коммуникация? (опыт биокогнитивной философии языка)». Поскольку объектом рассмотрения в рецензируемом сборнике являются разные способы *коммуникации*, то именно это понятие является тем интегрирующим началом, которое определяет единство исследуемых лингвистических феноменов – прямой и не прямой коммуникации. «Коммуникация» – это также новый компонент в данных терминологических сочетаниях слов по отношению к понятиям прямой и не прямой *номинации*, которые известны языковедам и представлены в известных энциклопедических и терминологических лингвистических словарях. В статье А.В. Кравченко рассматривается, с одной стороны, соотношение понятий «коммуникация», «информация» и «общение», а с другой стороны, коммуникативная ситуация прямого и не прямого общения с точки зрения их основных компонентов (в частности, адресата, адресанта, сообщения, канала связи). Суть коммуникации, по словам автора, состоит в том, что «ее участники создают консенсуальную область взаимодействий, обеспечивающую возможность существования сообщества организмов как единого целого. Вербальная же коммуникация – это связующий раствор, удерживающий это целое от распада» (с.37).

А.А. Залевская («Время перемен в теориях лексической семантики») видит значение и причину актуализации и разработки теории не прямой коммуникации в самой логике развития современной (лингвистической) науки, в которой язык выступает



«в качестве действенного инструмента познания и коммуникации для реального (живого!) индивида – активного и пристрастного, не только мыслящего, но и всегда чувствующего и переживающего (с.121). Очевидная неадекватность классических семантических теорий с позиций такого подхода позволяет утвердиться новому видению традиционных явлений. Теория непрямого общения, как можно предположить, сегодня является тем контекстом, в рамках которого привычное в языковой семантике можно увидеть иначе, проникнуть в суть проблемы, увидеть в ней новые грани. Вместе с непрямым общением в язык возвращается эмоция, сенсорно-аффективные процессы (которые лежат в основе языка) и человек как целостный организм. Понимание при таком подходе не может отождествляться с процессами перекодирования, а трактуется как сложная процедура формирования выводного знания (с.132). Сам язык, как отмечает автор статьи, используя слова Ж. Факонье, составляет «лишь верхушку айсберга невидимых конструкций значения, которые функционируют, когда мы думаем и говорим» (с.133). Таким образом, ближайшая перспектива лингвистики – это реализация «интегративного подхода к трактовке языка и лексической семантики, который позволит понять и объяснить тайну спонтанного семиозиса» (с.134).

«Примирить» речевой и языковой подход при исследовании проблем непрямого общения предпринимает попытку Н.В. Орлова в статье «Язык теоретической этики и язык «наивной» морали в аспекте проблемы прямых/ косвенных языковых средств» (см. третий раздел книги). В функционировании не прямых единиц языка обнаруживаются признаки, свойственные явлению речевой системности. Непрямая коммуникация, в свою очередь, может быть описана на основе языковых категорий, формируемой на основе однородности языковых единиц в функционально-смысловом плане: «Чем прочнее связи языковой единицы с однофункциональными, чем больше таких связей, тем меньше сомнений в адекватности интерпретации» (с.262). Распределяя полученные данные по шкале косвенности языкового выражения, исследователь предполагает, что «ближе к полюсу «прямоты» те из них, которые организованы, систематизированы какой-либо грамматической либо функционально-семантической категорией языка». В качестве не прямых средств выражения коллективного сознания «рассматриваются разноуровневые единицы, семантические и формально-грам-

матические классы единиц, организованные по принципу речевой системности, которая задана общим культурно значимым содержанием» (с.262).

Иной – *речевой* – подход к изучению не прямой коммуникации предлагается в статье И.Н. Борисовой «Непрямая коммуникация в речевой систематике». По мнению автора, «косвенность» речи формируется не на этапе интерпретации высказываний (как предполагалось в монографии В.В. Дементьева и представлено во многих статьях данного сборника), а на этапе их порождения. В частности, это касается планируемой не прямой коммуникации, под которой понимается «отсутствие прямого соответствия коммуникативной функции высказывания его прагматическому предназначению при возможном в данном контексте прямом способе выражения той же прагмемы» (с.60). Ключевым понятием в статье И.Н. Борисовой является категория речевого поведения, а объектом рассмотрения – речевой материал, доступный методу объективного наблюдения. Непрямая коммуникация как явление речи включается в систему таких понятий, как коммуникативное поведение, речевое и неречевое поведение, интенциональное и языковое поведение. Речевые поступки, способные прямо или опосредованно выражать один прагматический смысл, формируют функционально-прагматическую парадигму. Непрямой речевой поступок при таком подходе определяется как такой речевой поступок, коммуникативный смысл которого не совпадает с прагматическим, но функционально заменяет и адекватно замыслу коммуниканта выражает последний (с.70).

Таким образом, рассмотренные общетеоретические статьи определяют основные ориентиры, которые помогают системно воспринимать разнообразные проявления прямой и (особенно) не прямой коммуникации и которые одновременно показывают перспективные исследовательские пути современных лингвистических изысканий.

Особый интерес представляют статьи рецензируемого сборника, которые отражают *аспекты* не прямой коммуникации и дают возможность упорядочения многообразных явлений в рамках предприняемого каждым из исследователей подходов. Это и особого рода ментальные образования – архетипические концепты (закодированные устойчивые информационные паттерны, внедряемые в сознание и передаваемые другим людям), «средой бытования» которых является не прямая коммуникация (статья В.И. Карасика «Архетипические концепты в общении»). Это также сенсорно-



оценочная двуплановость образа (словесного и художественного), внутренние механизмы иносказательности как способа непрямого воздействия, которые анализируются в с позиций внутреннего устройства образа и его функций (статья В.П. Москвина «О типах и приемах создания речевой образности»). Это проблема изучения подтекста с позиций теории коммуникативных игр, при которой выявление неочевидных смыслов текста можно считать видом социальной деятельности читателя (статья Е.В. Ермаковой «К вопросу о подтексте (взгляд на проблему с позиций прагматики текста)»). Особое звучание в контексте рецензируемого сборника приобретает проблема изучения метаязыкового аспекта коммуникации, акцентирующего наше внимание на «зонах риска» – участках речевой деятельности, на которых возникает коммуникативно-концептуальное напряжение (статья И.Т. Вепревой «Метаязыковой аспект непрямого общения»). Важной частью исследования проблемы непрямого общения и воздействия является, безусловно, изучение способов выражения непристойности, принятых в разных культурах и изменяющихся диахронически. Представляет интерес подход к изучению брани как непрямого агрессии, а также вывод о том, что при вербализации лжи не имеет значения «прямота/непрямота» выражения (статья В.И. Жельвиса «Культура и непристойность: проблемы взаимоотношений»). О коммуникативной этике и культурно-национальном опыте и традициях вербальной коммуникации свидетельствует идиоматика, содержащая информацию о самом процессе коммуникации, о речевых жанрах, о результате речевого воздействия, об участниках процесса общения. На основе анализа анализируемых идиом можно воссоздать представления русских о желательном и порицаемом в коммуникации (анализ идиом см. в статье Л.В. Балашовой «Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка»).

Вторая часть сборника «Прямая и непрямота коммуникация» включает переводы статей зарубежных авторов. Несомненный интерес здесь представляет статья А. Вежбицкой «Культурная обусловленность категорий «прямота» vs «непрямота». Данная работа продолжает начатый в первой части сборника теоретический спор о самих терминах «прямота» и «непрямота» коммуникации. По словам автора статьи, эти понятия часто используются в лингвистических описаниях так, «как будто не требуют объяснений», поэтому предлагается на время отказаться от использования этих ярлыков и попытаться исследовать отдельно раз-

ные, связанные с этими способами говорения. Исследовав природу непрямого выражения в американской, израильской, японской, греческой, яванской культурах, А. Вежбицкая приходит к выводу о существовании разного представления о понятии прямоты и правдивости (искренности) выражения у разных народов. Однако, будучи культурной и языковой универсалией, непрямота является принадлежностью самых разнообразных коммуникативных систем: «Хотя языки обеспечивают их носителей ясными, прямыми способами достижения коммуникативных целей, кажется, что в повседневном общении говорящие предпочитают непрямоту» (с.149). Градация культурных особенностей прямого/ непрямого выражения в системе ценностей человеческой жизни дает возможность говорить о том, что непрямота в каком-то смысле сближает людей, прямая коммуникация, как в большей степени конвенциональная и социализированная, – разобщает. В то же время более прагматичный подход к жизни и стремление к достижению целей межличностного взаимодействия предопределяет необходимость использования прямых способов выражения, оптимальных в ситуациях решения производственных вопросов и принятия решения.

Перевод статьи М. Киты «Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителей языка» позволяет познакомиться с одним из способов систематизации коммуникативных явлений разного статуса, происхождения и мотивации, которые объединяются тем, что связаны с опосредованным выражением. Это явления молчания, лжи, говорения непрямотой. Проблема нехватки слов, с которой часто сталкивается наивный носитель языка, может иметь разную природу, но принцип, который охватывает все рассматриваемые случаи непрямого общения, автор выражает тезисом «о чем не говорят, о том говорят иначе...» (с.169). Как и в отечественном языкознании, данная проблема здесь квалифицируется как крайне многоплановая, при решении которой выдвигается множество гипотез, часто противоречащих одна другой, однако значение и прагматическая ценность ее решения, как показывает данная статья, объединяет идеи ученых разных направлений и разных научных школ.

Перевод статьи Р.Д. Абрахамса «Особенности речевого общения афроамериканцев. Язык улицы», написанной в 1974 г., показывает, что в контексте исследования проблемы непрямоты коммуникации наблюдения и обобщения лингвистики прошлых лет вновь приобретают актуальность. Думается, что противопоставление языка евроа-



американцев и Black English сегодня не дает ответов на поставленные лингвистические вопросы и понимается как сопоставление разновидностей функционирующего языка, предоставляющих разнообразный фактический материал, предназначенный для поиска обобщений. Особенно наглядным такой вывод становится после прочтения перевода статьи А. Вежбицкой, совершенно оправданно помещенного редакторами сборника в начале раздела, а не в соответствии с хронологическим принципом.

Кульминацией сборника является, безусловно, третий раздел «Виды и жанры непрямого общения». Выделившись из контекста изучения жанровых типов речи, проблема непрямого общения, как представляется, тем не менее по-прежнему ощущает себя наиболее уверенно именно в данной среде. Количество публикаций в этом разделе (16 работ), разнообразие тематики, широта материала и характер выводов явно подтверждают это. Внимания заслуживают статьи, предлагающие анализ разных видов эмоционального воздействия (К.Ф. Седов «Агрессия как вид речевого воздействия», В.А. Салимовский «Любовь в речевом выражении»), а также стратегий и тактик речевой коммуникации (А.В. Олянич «Драматургия непрямого воздействия», О.С. Иссерс «Тактики выведения информации (когнитивный аспект)», А.Г. Поспелова, Е.Н. Шустова «Косвенные коммуникативные единицы, связанные с манипулированием и мистификацией»). Безусловную ценность для исследователей разных лингвистических направлений представляют статьи, разрабатывающие проблему типологии речевых жанров, выявления существенных характеристик непрямого общения в применении к материалу конкретных речевых жанров, стилей (см.: С.Н. Плотникова «Непрямое общение в беседе», В.В. Фенина «Непрямая коммуникация в small talk», Б.Ю. Норман «К анализу анекдота как жанра непрямого общения», В.А. Мишланова «Молитва как речевой жанр», С. Дённингхаус «Прямая ли научная коммуникация?»). Как продолжение дискуссии о природе непрямого общения, а также о ее культурной детерминированности, начатой в первых разделах книги, а также в приводимой выше работе А. Вежбицкой, можно рассматривать содержание статьи И.А. Стернина «Почему русский человек не любит светское общество?». Ответ на поставленный вопрос связан с определением роли и характера коммуникативного поведения, принятых в русской культуре: искренности, эмоциональности, открытости, коммуникативного пессимизма, склонности к спорам и простоте общения, отрицания

жестких ритуалов и даже в некоторой степени коммуникативных условностей, низкого уровня тематической табуированности и т.д.

Тематика статей третьего раздела перекликается также с проблемой рассмотрения языковой природы непрямого выражения, на новом материале демонстрируются глубинные языковые механизмы, используемые и развиваемые в процессе живого общения (Н.В. Орловой «Язык теоретической этики и язык «наивной» морали в аспекте проблемы прямых/ косвенных языковых средств», Г. Бендарека «Расширение понятийных и грамматических категорий (на материале современного польского языка)»).

Четвертый раздел книги «Непрямая коммуникация в фило- и онтогенезе», как нам представляется, освещает проблему, которая с позиций исследования непрямого общения только начинает изучаться. Статьи данного раздела (В.Я. Парсамова «Выбор речевого жанра как способ создания языковой личности», О.Н. Дубровской «Речевое общение как источник пополнения системы имен сложных речевых событий», И.Г. Овчинниковой «Коммуникативное поведение мальчиков (по материалам записей рассказов «Frog where are you?»)» последовательно развивают тематику сборника в новом ракурсе. Интересны в теоретическом и прикладном плане теоретические положения и выводы авторов данных статей: «расшатывание жанровых границ, стандартов и предпочтений» характерно для речевого поведения творческих, самобытных людей, это предпосылка изменения жанровых границ, а также формирования новых правил речевого воздействия, средств выразительности и – шире – языка (В.Я. Парсамова, с.334), «социокультурные факторы активно влияют на формирование соответствующих форм речевого общения только в обыденной, бытовой, но и в профессиональной сфере (О.Н.Дубровская, с.340), в коммуникативном поведении (в том числе детей) явно проявляются субъективные факторы: возрастные, гендерные, социально-психологические, когнитивные, и для антропологически ориентированной лингвистики актуальной задачей становится выявление каждой из характеристик на выбор коммуникативной стратегии (И.Г. Овчинникова, с.340–341).

Изучение материалов сборника «Прямая и непрямо общение» убеждает, что привычное представление о существовании коммуникации в ее прямой форме (непрямая коммуникация как аномалия, отступление от норм) – дань прошлому, сегодня речь идет о явном преобладании не прямых способов общения. Это перспективное на-



правление исследования не только речи, но и языка, оно является теоретически значимым и практически необходимым, поскольку это лингвистика человека с его эмоциями, пристрастиями, ошибками...

Область изучения непрямого общения, охарактеризованная в начале сборника как «клубок неразрешимых проблем», становится намного более системной и «прозрачной» в результате коллективного обсуждения поставленных вопросов. Первый опыт их коллективного обсуждения стал полезным во многих отношениях, в том числе в определении направления дальнейших публикаций на эту тему, которые, как представляется, будут приобретать более определенные черты и включаться в сборники, ориентированные на обсуждение отдельных, локальных вопросов столь широкой области лингвистического знания.

К нашим замечаниям по этому, несомненно, интересному для множества читателей сборника мы отнесли отсутствие его внимания к эмоциональному/эмотивному аспекту как прямой, так и непрямого общения. Концепт эмоциональной категориальной ситуации³ дает, как нам представляется, большие преимущества в анализе непрямого/косвенного общения как художественных, так и реальных речевых партнеров. Маркерами репрезентации категориальной эмотивности явля-

ются высказывания в сфере фатической и других разновидностей (жанров) человеческого общения.

Тем не менее, солидный и авторитетный коллектив авторов, тщательное редактирование, прекрасная полиграфия делают рецензируемый сборник заметным явлением в отечественной и зарубежной коммуникативистике. Он с большим интересом уже принят научной общественностью. Сборник предназначен для лингвистов, преподавателей и студентов-филологов, однако, бесспорно, он окажется интересным широкому кругу читателей, вовлеченных в глобальный процесс коммуникации.

Примечания

¹ См., напр.: Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003; Она же. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003; Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001; Шаховский В.И. Эмоции и коммуникативное игровое пространство языка. – Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. М., 2003.

² Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.

³ Shakhovsky V. The Russian Language Personality and its Neologisms in Emotional Communicative Situations. – *Imagination, Cognition and Personality*. 2000. Vol.19. Yale Uni. USA.

В.В. Шаховский, С.В. Ионова



**НОВЫЕ ИЗДАНИЯ
ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. – Вып. 6. – 192 с.

ISSN 1812-1810

Настоящий выпуск продолжает серию сборников «Проблемы речевой коммуникации». В нем рассматриваются разные аспекты реального функционирования русского языка в СМИ и неофициальном общении, а также языковые следствия речевых изменений.

Сборник предназначен для лингвистов, учителей русского языка и всех интересующихся языком.

Герасимова Л.Е. Этюды о Солженицыне. – Саратов: Новый ветер, 2007 (Серия «Монографии», вып. 12). – 130 с.

ISBN 978-5-98116-038-7

В книге профессора Саратовского университета Л.Е. Герасимовой творчество А.И. Солженицына рассматривается в философско-религиозных, историко-философских, эстетических контекстах XX–XXI вв.

Диалогичность художественной мысли А.И. Солженицына, постановка и решение им экзистенциальных проблем истории России и жизни человека прослеживаются как в художественных, так и в публицистических, литературно-критических текстах писателя.

Из содержания:

«Планетарное сознание» в понимании В.И. Вернадского и А.И. Солженицына.

Смысловое пространство истории (А.И. Солженицын и Ю.М. Лотман).

«Приёмы эпопей» (А. Солженицын и В. Гроссман).

«Метафизические свойства сюжета даны резко в фокусе» (А.И. Солженицын о поэзии Иосифа Бродского).

П.А. Столыпин в изображении А.И. Солженицына.

Для преподавателей вузов, студентов, аспирантов и всех интересующихся творчеством А.И. Солженицына и русской культурой XX века.

Зарубежная литература XX века: Практические занятия / Под ред. И.В. Кабановой. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 472 с.

Коллектив авторов: И.В. Кабанова, О.В. Козонкова, С.Ю. Павлова, Е.А. Петрова, Е.А. Разумовская, Е.В. Староверова.

ISBN 978-5-89349-977-3 (Флинта)

ISBN 978-5-02-034786-1 (Наука)

Пособие для практических занятий по курсу зарубежной литературы XX в. создано коллективом кафедры с учетом изменяющегося канона и получающих распространение в отечественном литературоведении новых подходов. Отобраны произведения, которые с сегодняшней временной дистанции выглядят наиболее значимыми для литературного процесса в целом. Практикум состоит из Введения, предлагающего общую концепцию литературы XX в., и тридцати пяти глав, каждая из которых посвящена анализу одного произведения признанных классиков литературы «большого» XX в. – от Рембо и Гюисманса до Джона Фаулза и Джулиана Барнса. Каждый раздел практической части содержит методические материалы (вопросы для дискуссии, темы для письменных заданий, библиографические списки), адресованные преподавателям и студентам.

Клоков В.Т. Французский язык в Бельгии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по напр. «Филология». – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – 184 с.

ISBN 5-292-03619-6

В книге подробно исследуются исторические условия распространения языков и диалектов на территории Бельгии, а также этноязыковая ситуация в современной Бельгии. Здесь описываются диалекты романской и германской речи: фламандский, люксембургский, валлонский, пикардский, лотарингский, шампанский; дана краткая характеристика особенностям местных вариантов немецкого и нидерландского языков.

Основное внимание уделяется языковой политике в Бельгии, положению французского языка в языковой ситуации Бельгии, его структурным особенностям в области произношения, грамматики и лексики.

Впервые в российской социалингвистике автор поднимает проблему отношения бельгийцев к своему французскому языку и к той норме французского языка, которая принята в соседней Франции, описывает психологию носителей нецентрального варианта полинационального языка, их национально-культурные и языковые комплексы. Интересными представляются авторские рассуждения по поводу традиционного пуризма бельгийцев и осознания ими идентифицирующей роли локального варианта французского языка на современном этапе.

ХРОНИКА

IV РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПИМЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

8–10 декабря 2006 г. в Саратове прошёл Православный миссионерский форум «Православная культура как основа духовного возрождения России» в рамках IV региональных Пименовских чтений. Организаторами форума стали Саратовское епархиальное управление, Аппарат полномочного представителя Президента в ПФО, правительство Саратовской области, Фонд Архиепископа Пимена (Хмелевского), дирекция Государственного художественного музея им. А.Н. Радищева, Совет ректоров Саратовской области. Возглавлял оргкомитет Епископ Саратовский и Вольский Лонгин. В форуме приняли участие архипастыри епархий ПФО, видные богословы, священнослужители, учёные-гуманитарии, преподаватели и студенты вузов, представители федеральной власти и общественных организаций, журналисты. В рамках форума прошли заседания круглых столов «Церковь, общество, власть: пути сотрудничества» и «Церковь и СМИ: проблемы взаимодействия», работали 6 секций.

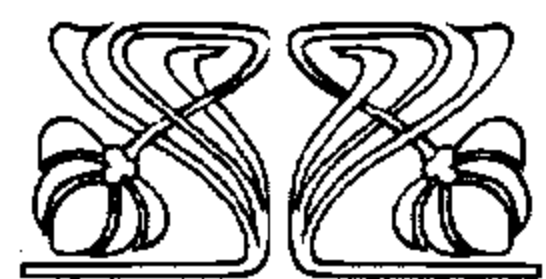
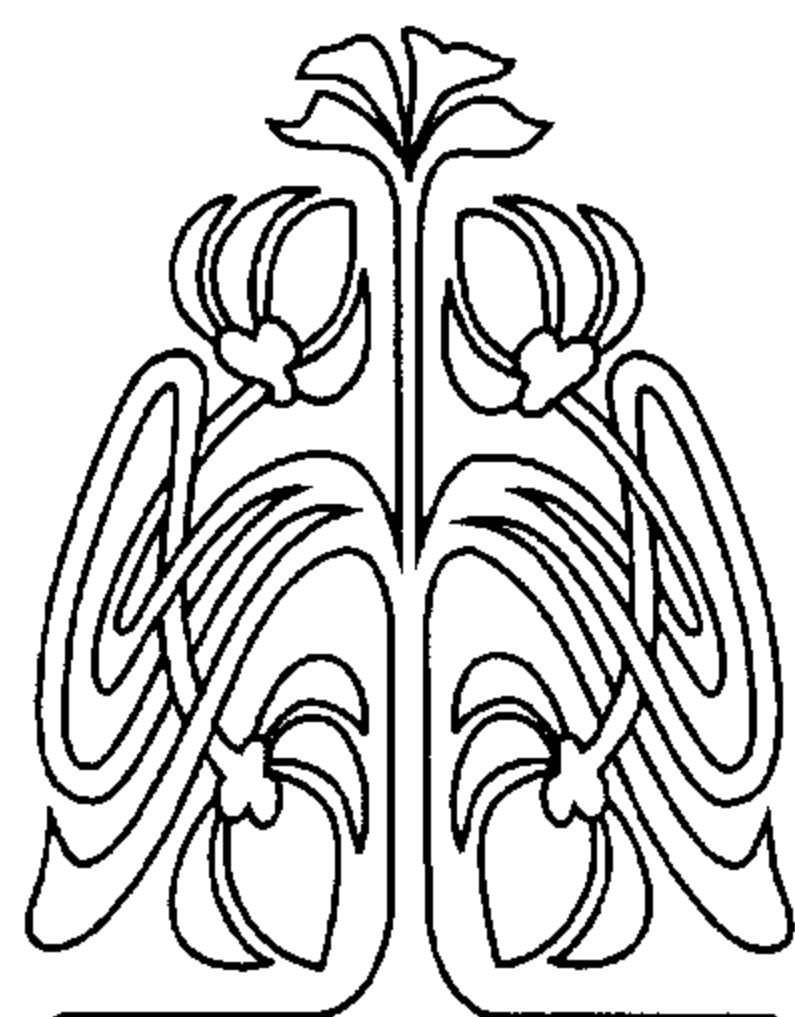
В работе форума приняли участие и сотрудники факультета филологии и журналистики. Профессор В.В. Прозоров был сопредседателем (совместно с игуменом Нектарием) круглого стола «Церковь и СМИ», на котором бурно обсуждались местные и всероссийские проблемы светской и церковной печати. Студенты факультета – будущие журналисты – и их молодые преподаватели много ценного почерпнули из встречи с главным редактором журнала «Фома» Владимиром Легойдой.

В секции «Миссия христианства в мировой культуре» были представлены доклады аспирантки О.В. Гаркавенко «Священник Павел Флоренский и писатель А.И. Солженицын о природе царской власти», доцента Е.В. Старовойтовой «Русская художественная традиция и православная этика в романе Солла Беллоу "Герцог"», студентки О.Г. Игнатъевой «Преодоление земного притяжения в рассказах протоиерея Николая Агафонова и Алексея Варламова».

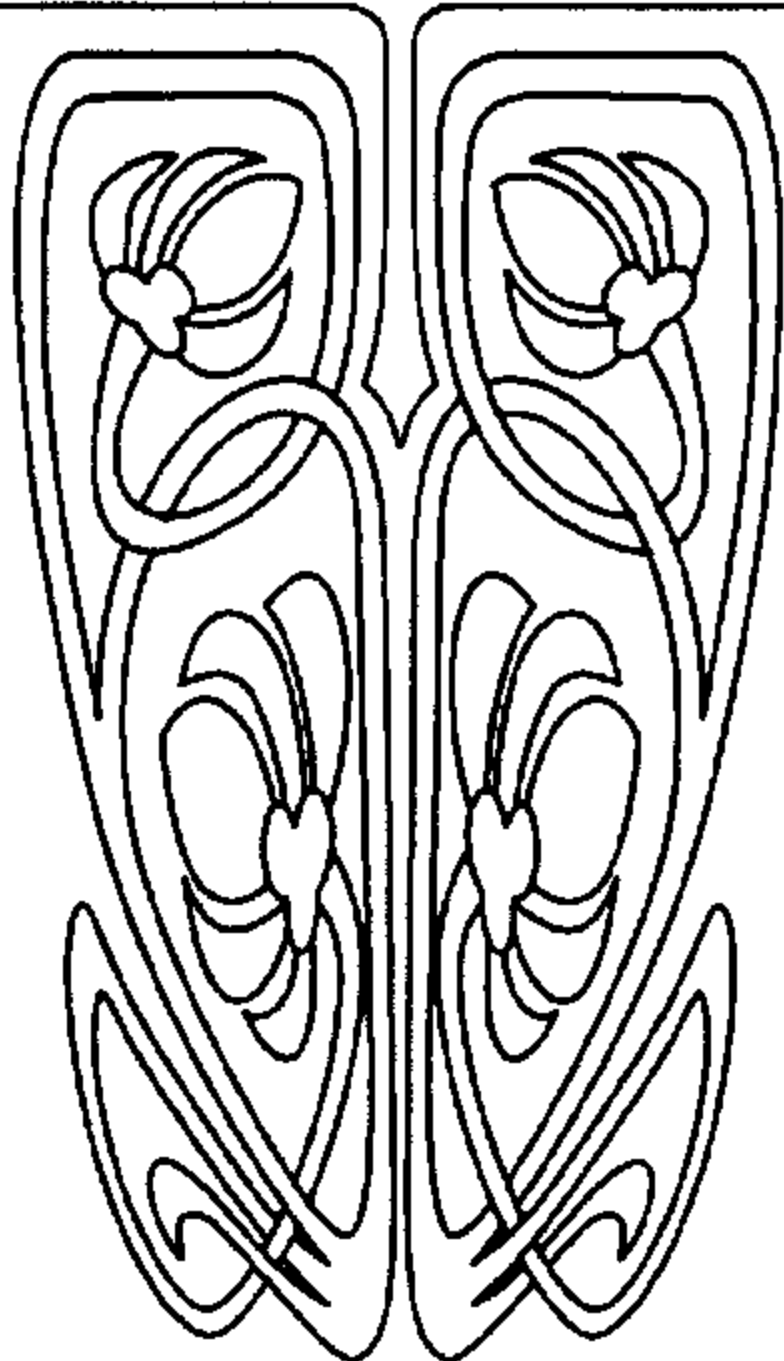
В секции «Православная культура и образование» с докладами выступили профессор Л.Е. Герасимова («Протоиерей А. Шмеман о Солженицыне»), профессор пединститута И.А. Тарасова («...Туда, где разбойник, мытарь и блудница...»: рай Николая Гумилёва»), доценты С.В. Кекова (СГСЭУ) и Р.Р. Измайлов (пединститут) («Некоторые аспекты преподавания курса "История отечественной культуры" в вузе»).

Плодотворными для преподавателей и студентов факультета стали встречи и беседы в рамках IV Пименовских чтений с поэтом, прозаиком и церковным публицистом О. Николаевой, с главой пресс-службы Московской Патриархии, деканом факультета церковной журналистики Российского Православного университета св. ап. Иоанна Богослова протоиереем В. Вигилянским, с руководителем Центра религиоведческих исследований профессором А.Л. Дворкиным, с богословом и публицистом, профессором Московской Духовной Академии диаконом А. Кураевым, с руководителем информационно-издательского отдела Саратовской епархии игуменом Нектарием (Морозовым).

Все участники форума могли ознакомиться с только что вышедшим сборником научных трудов «Духовная культура России: история и современность» (Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2006). Сборник составлен из материалов III региональных Пименовских чтений. В нём опубликованы статьи профессора В.В. Прозорова, доцентов Е.В. Старовойтовой, О.В. Тимашовой, ст. преподавателя Е.В. Киреевой, студентки О.Г. Игнатъевой.



ПРИЛОЖЕНИЯ





К началу форума был приурочен выпуск первого номера православного журнала «Саратовские епархиальные ведомости». В нём помещены статья В.К. Семенюка «Свет сквозь тьму: монолог о христианском кинематографе» и ответ Л.Е. Герасимовой на вопрос редакции журнала: «Церковь перед лицом зла: нужно ли реагировать на провокации?»

Л.Е. Герасимова

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ФРАНК. САРАТОВСКИЙ ТЕКСТ»

3 октября 2006 г. на факультете филологии и журналистики СГУ состоялась презентация книги «С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина; отв. ред. В.В. Прозоров» (Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. 288 с.). Событие это стало первой культурной акцией классического университета, посвященной предстоящему в 2009 г. столетнему юбилею вуза. Выдающийся философ, религиозный мыслитель Семен Людвигович Франк – создатель историко-филологического факультета, первый его декан в 1917–1918 гг., профессор Саратовского университета (1917–1921). В 2007 г. отмечается 90-летие факультета филологии и журналистики и 130-летие со дня рождения С.Л. Франка. Книга включает в себя его новые тексты, биографические документы. «Дневник», рабочая тетрадь лекций по истории философии и сущности искусства обнаружены и атрибутированы профессором Е.П. Никитиной. Издание снабжено научным аппаратом (статьи и заметки В.В. Прозорова, Е.П. Никитиной, А.А. Гапоненкова, В.Н. Гасилина, К.Е. Павловской; комментарии А.А. Гапоненкова, В.Н. Гасилина, Е.В. Кузьменковой, Н.В. Новиковой).

В большой 208 аудитории нового XI корпуса СГУ собрались на презентацию преподаватели многих факультетов университета, городская интеллигенция, журналисты, редакторы. В приветственном слове декан факультета филологии и журналистики профессор В.В. Прозоров подчеркнул, что эта книга напоминает саратовским гуманитариям об их общих корнях. Из историко-филологического факультета берет свое начало изучение в Саратове филологии и истории, философии и психологии, социологии.

Профессор А.А. Гапоненков подробно остановился на этапах работы над сборником: текстологическая расшифровка, подготовка текстов Франка к печати, комментирование. Публикуемые архивные документы, найденные А.А. Гапоненковым в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк) и Государственном архиве Саратовской об-

ласти, относятся к саратовскому тексту философа – паспортная книжка 1918 г. и формулярный список о службе.

«Дневник» 1902 г., рабочие записи С.Л. Франка по философии без указания авторства были случайно обнаружены профессором Е.П. Никитиной в домашних тетрадях (вложены, очевидно, в конспиративных целях) Александра Петровича Медведева и его жены Лидии Павловны и позднее атрибутированы. Рассказ о драматической истории бесценных фрагментов франковского архива вызвал живой интерес аудитории. Е.П. Никитиной, публикатором этих материалов, была прослежена предполагаемая связь бумаг с архивом выдающегося литературоведа профессора А.П. Скафтымова, учителя и друга Медведевых.

В выступлении профессора Е.Г. Елиной, рецензента книги, был представлен целый раздел сборника «С.Л. Франк. Саратовский текст»: воспоминания жены философа Татьяны Сергеевны Франк-Барцевой. Обширный комментарий к её мемуарам принадлежит их публикатору, племяннице С.Л. Франка, доценту СГУ Ксении Ефимовне Павловской, к сожалению, не дожившей до дня презентации книги. Сигнальный экземпляр сборника она успела прочитать. Участники встречи почтили память К.Е. Павловской минутой молчания.

Каждый присутствующий на презентации получил книгу «С.Л. Франк. Саратовский текст» в подарок. Выступления сопровождалось показом редких фотографий саратовского периода жизни и деятельности Франка.

А.А. Гапоненков

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МАРАФОН: ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ - 2007

В начале февраля 2006 г. впервые в Саратове по инициативе кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета филологии и журналистики Саратовского государственного университета и информационно-консультационного центра «Литера» прошел ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МАРАФОН: ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ - 2006. Многие его участники высказывали пожелание сделать это мероприятие ежегодной традицией. И вот ровно год спустя, все, кто интересуется преподаванием иностранных языков, имели возможность встретиться, чтобы поделиться накопленным опытом.

2-й ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МАРАФОН: ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ - 2007 (5–9 февраля 2007 г.) представлял собой серию мероприятий для учителей и преподавателей иностранных языков Сара-



товского региона, для студентов вузов и учащихся школ. В ходе марафона прозвучали научные доклады, состоялись круглые столы, работали 55 мастерских. В марафоне приняли участие такие специалисты, как Мэтью Мейер, Второй Советник Посольства Канады в Москве; Жан-Мари Пьери, директор СРКПОО «Альянс Франсез – Саратов»; Джереми Слагоски, специалист по преподаванию английского языка, Офис английского языка Посольства США в Москве; М.А. Кулинич, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Самарского государственного университета; Е.Н. Лубнина, помощник атташе по вопросам преподавания английского языка, Офис английского языка, Отдел прессы и культуры Посольства США в Москве; Т.Н. Иванова, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета, вице-президент Санкт-Петербургской ассоциации преподавателей английского языка. Пленарные доклады, мастер-классы и круглые столы посетили более 450 человек – учителя 50 средних учебных заведений и 10 вузов г. Саратова и Саратовской области.

Инициатива по проведению 2-го Марафона была поддержана министерством образования Саратовской области, СарИПКиПРО, комитетом по образованию администрации г. Саратова, а также комитетом по образованию и молодежной политике Энгельсского муниципального образования. Мероприятия прошли на территории Саратовского государственного университета; педагогического института Саратовского государственного университета (кафедра иностранных языков и факультет иностранных языков); Саратовской государственной академии права; Саратовского государственного социально-экономического университета; Немецкого Центра г. Саратова, Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета; гимназии №1 г. Саратова и гимназии №8 г. Энгельса.

Уникальность марафона заключается в необычном формате мероприятия и широте обсуждаемых проблем. Преподаватели иностранных языков из разных образовательных структур (школа–вуз) имели возможность обсудить проблемы преемственности школьных и вузовских программ. Благодаря тому, что участники смогли побывать в разных учебных заведениях г. Саратова и г. Энгельса, обмен профессиональным опытом и знаниями прошел на новом качественном уровне. В рамках круглого стола «Языковая ситуация в регионе: пути развития», в работе которого принял участие министр образования Саратовской области И.Р. Плеве, впервые была поднята и обсуждена заявленная тема.

Образовательная ярмарка «Иностранные языки для всех», которая прошла 9 февраля, объединила тех, кто профессионально занимается иностранными языками, и тех, кто ими интересуется. В работе ярмарки приняли участие лингвистические школы, учебные центры и фирмы, занимающиеся образованием за рубежом. Для студентов, школьников и их родителей ярмарка предоставила уникальную возможность в одно время и в одном месте получить информацию обо всем, что связано с иностранными языками в Саратове. А у 150 школьников и студентов была возможность пройти бесплатное пробное тестирование в формате таких экзаменов, как TOEFL, City & Guilds, Zertifikat Deutsch. На ярмарке была открыта выставка-продажа учебной и учебно-методической литературы ведущих зарубежных издательств.

Все мероприятия 2-го ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАРАФОНА: ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ - 2007 имели ярко выраженный практический характер и были направлены на усовершенствование преподавания иностранных языков на разных образовательных уровнях.

Н.И. Иголкина

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КОММУНИКАТИВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАНО-ГЕРМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

29 ноября 2006 г. по инициативе кафедры английской филологии состоялась научная конференция «Коммуникативные и социокультурные проблемы романо-германского языкознания», посвященная 90-летию факультета филологии и журналистики и 30-летию кафедр английской, романской и немецкой филологии. В конференции приняли участие лингвисты, представляющие различные вузы Саратова и других городов: СГУ им. Н.Г.Чернышевского, пед-институт СГУ, Балашовский филиал СГУ, СГСЭУ, СГАП, СГК им. Л.В. Собинова, Ульяновский госуниверситет, Пензенский филиал МНЭПУ. Доклады участников конференции были посвящены широкому спектру проблем актуальной лингвистики и обсуждались на заседаниях пяти секций: 1. Язык и общество. Социолингвистические вопросы изучения языка. 2. Лингвокультурные аспекты языка и коммуникации. 3. Языковая картина мира. Когнитивные исследования. 4. Грамматика. Семантика. Прагматика. 5. Социокультурные аспекты изучения дискурса.

Т.В. Харламова



СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА»

14 декабря 2006 г. на кафедре английской филологии состоялась ежегодная студенческая научная конференция «Когнитивные и социокультурные аспекты изучения языка». 20 студентов 2–5 курсов выступили с докладами по темам своих исследований на материале английского и русского языков. Докладчики представляли ведущие спецсеминары кафедры, в которых ведется научно-исследовательская работа под руководством доц. И.А. Банниковой, доц. Г.В. Лашковой, доц. Ю.Е. Мурзаевой, доц. Т.В. Харламовой, доц. Е.В. Ермаковой, доц. Е.Ю. Викторовой, доц. Н.Г. Мальцевой, доц. О.Н. Дубровской. Доклады отражают актуальные проблемы современных лингвистических исследований: секция 1 «Социолингвистические и когнитивные аспекты лингвокультурологических исследований», секция 2 «Стилистические и социокультурные аспекты изучения текста», секция 3 «Социокультурные аспекты изучения разных видов дискурса».

Т.В. Харламова

СТАЖИРОВКА В ЮЖНО-МЕТОДИСТСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ г. ДАЛЛАСА (США)

Доцент кафедры английской филологии СГУ Ирина Геннадьевна Вражнова с 20 сентября 2006 по 20 января 2007 г. работала в Южно-Методистском университете г. Далласа, штат Техас, США, в рамках Исследовательской программы Карнеги, проводимой Американским национальным советом по Восточно-Европейским и Евро-Азиатским исследованиям и Американским советом по международному образованию.

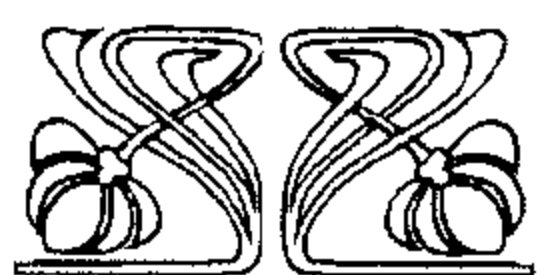
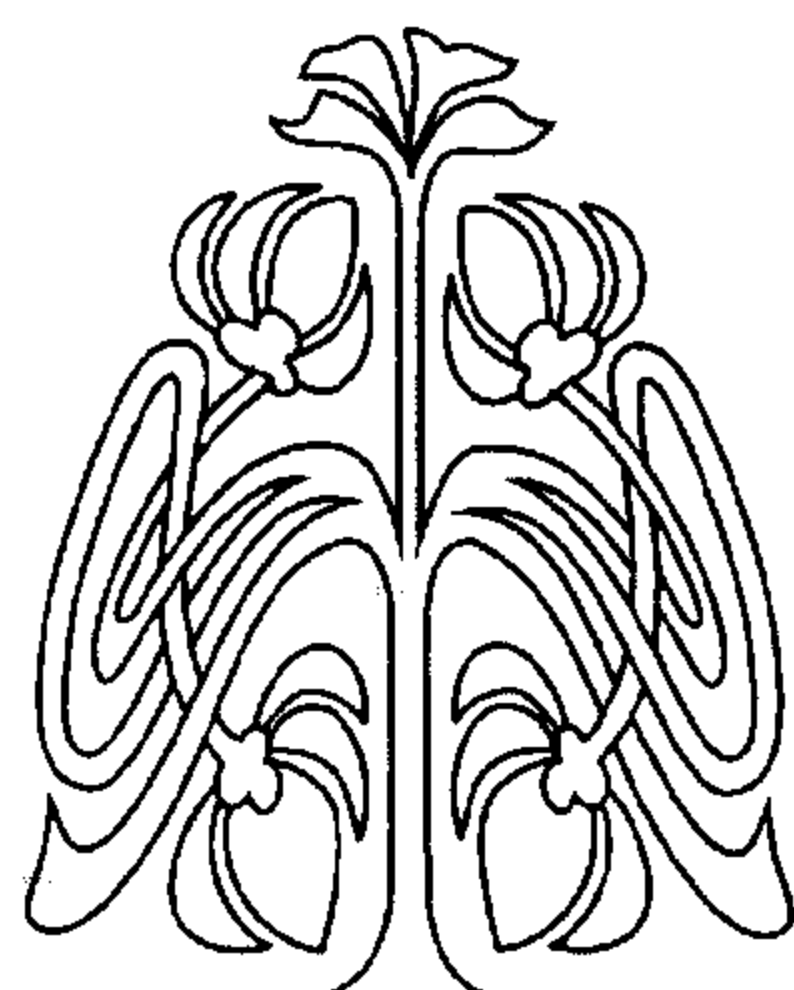
На рассмотрение комиссии программы был представлен конкурсный проект «Metaphor as one of the effective language means to exercise power in mass media discourse», который был успешно завершен в течение программы.

Работа посвящена изучению взаимодействия власти и языка, а именно «скрытому» воздействию дискурса СМИ на реципиента. Использование СМИ властью имущими как одного из самых действенных средств воздействия на ту или иную целевую группу осуществляется путем применения известных методов организации информации в медийном тексте. При этом отдельно взятый текст является лишь одним из слагаемых, создающих общий кумулятивный эффект, который достигается с помощью последовательного использования в СМИ определенных тактик (трактовки причинно-следственных связей, позиционирования читателя и т.д.). Таким образом, дискурс СМИ демонстрирует способность оказывать значительное влияние на общественное мнение благодаря относительно гомогенному потоку информации, воспринимаемому широкими слоями населения.

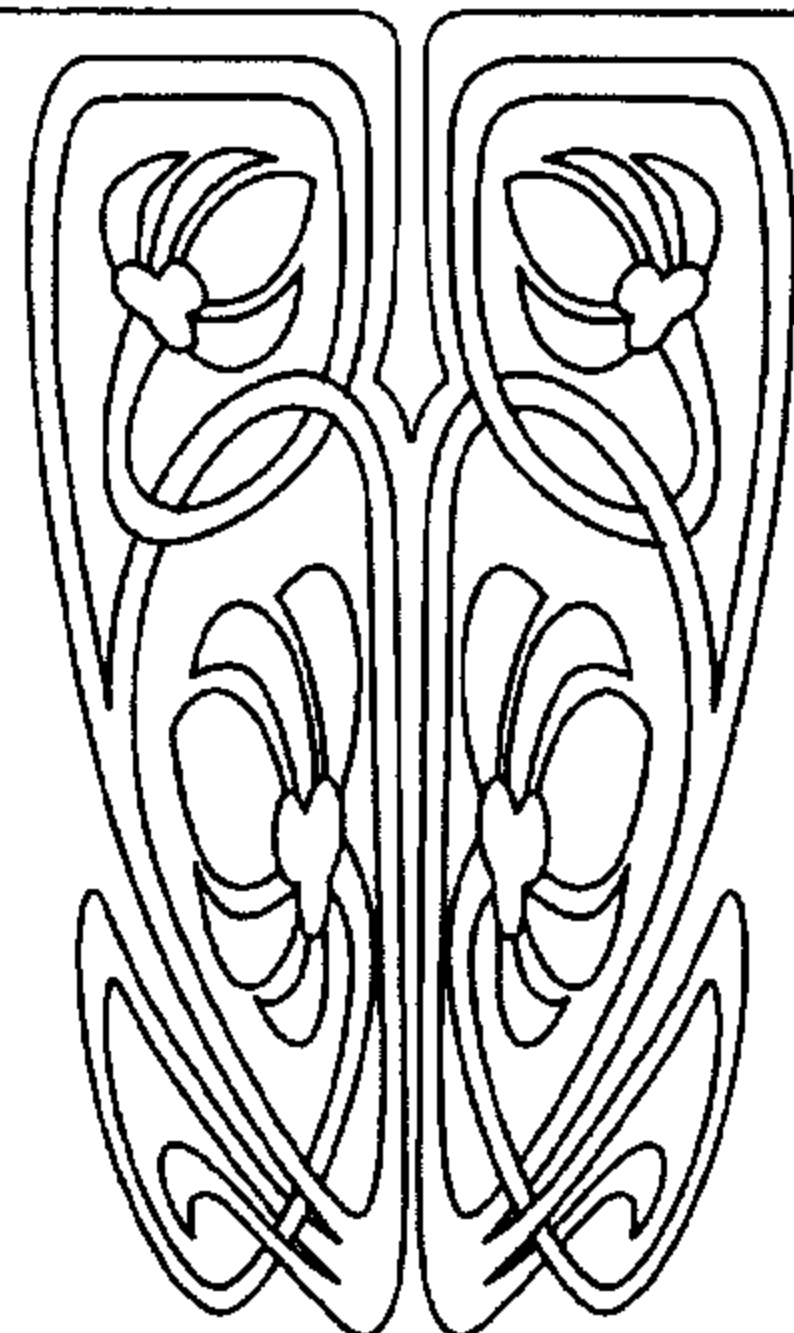
Собственно языковые средства, к которым прибегают авторы текстов в СМИ для создания манипулятивного эффекта, чрезвычайно разнообразны. Метафора, несомненно, служит одним из самых действенных языковых инструментов. Во-первых, метафоры облегчают восприятие текста, делая его более эмоциональным, привлекательным и доступным для читателя, а значит, и более запоминающимся. Во-вторых, метафора – средство концептуализации действительности. Таким образом, восприятие определенных фактов реципиентом текста варьируется в зависимости от той метафорической репрезентации, которая предлагается автором текста.

В ходе исследования был осуществлен сравнительный лингво-культурологический анализ структур наиболее частотных концептуальных метафор, возникающих в политическом тексте как американских, так и российских СМИ; были выявлены наиболее популярные области-источники для метафорической репрезентации тех или иных событий в политическом дискурсе СМИ в двух лингвокультурах.

Т.В. Харламова



ПРИЛОЖЕНИЯ



Подписка на II полугодие 2007 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 11 «Известия высших учебных заведений»,
раздел 15 «История. Филология»,
Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2)52-26-85, 52-50-04; факс (845-2)27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 250 руб.